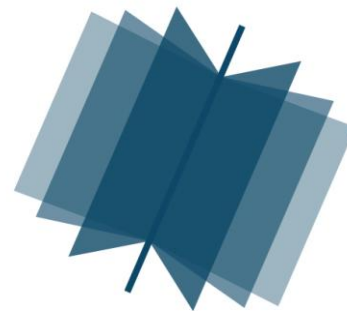

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2016

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№6 (48) 2016
Часть 4
Июнь**

Подписано в печать 17.06.2016.
Тираж 900 экз.
Заказ 26141
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам LI заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПН № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свиштунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОСТИЛИСТИКИ	6
ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОМАНА АХМЕДА ЦАЛИКОВА "БРАТ НА БРАТА"	9
СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ.....	14
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-КОЛОРИЗМАМИ <i>ЗЕЛЕНый, СИНИй, КРАСНый, ЖЕЛТый, РОЗОВый</i> НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ	16
МЕСТО ИРОНИИ И ЮМОРА В НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРАХ.....	19
К ВОПРОСУ О ТОКЕНИЗАЦИИ ТЕКСТА	25
COGNITIVE INTERPRETATION OF ENGLISH "PERFECT" ASPECT-TENSE FORMS.....	27
ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП КОНСТРУКЦИЙ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	30
КАЗАНСКИЙ ПЕДАГОГ ЯКИМ АЛЕКСАНДРОВ – КРИТИК ТВОРЧЕСТВА А.П. ЧЕХОВА	32
ВРЕМЕННЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ СЛЕДОВАНИЯ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ.....	35
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	38
МЕТОД ФИЛОЛОГИИ ОБЩЕНИЯ.....	40
ЗВУКО-ЦВЕТОВАЯ АССОЦИАТИВНОСТЬ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	44
ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ НА ФОНЕ ДИСЕНТЕНЦИАЛИЗАЦИИ	47
МОЛОДЕЖНЫЙ ЯЗЫК ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТ 18 ВЕКА ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ	50
СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА: ФОРМЫ, ЯЗЫК, ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ	53
СМЕШЕНИЕ И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ ЧЕШСКИХ ЭМИГРАНТОВ	56
РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В СМИ	61
СИММЕТРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ВАРИАТИВНОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	65
ДЕБИТИВНОЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	68
ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЛОКАЛИЗОВАННЫЙ ПРИЕМ	70
МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ УРАЛА	73

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕФОРМ	75
СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ).....	77
ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ТРАНСМОДЕРНИЗМА.....	80
ДУХ И БУКВА РЕВОЛЮЦИИ: КРИТИКА СТАНОВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО СУБЪЕКТА С ПОЗИЦИЙ ЛЕВЫХ УЧЕНИЙ	82
АМЕРИКАНСКАЯ И РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ: СРАВНЕНИЕ ДУХОВНЫХ МИРОВ	85

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. В РОССИИ	89
--	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

СИМУЛЯЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ТЕАТРЕ	92
ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ «VIRTUAL REALITY» В КИНЕМАТОГРАФЕ	94

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ АКЦИОСФЕР ЗАПАДНОЙ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	97
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ – МУЗЕЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	100
ПАНМОРАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.К. ГЛАЗУНОВА.....	103

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

КУРЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЗАТРАТ РАБОТОДАТЕЛЯ	106
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.004

Баряхоева Ж.М.

Кандидат филологических наук,

Ингушский государственный университет

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОСТИЛИСТИКИ**Аннотация**

Терминологическое пространство современной лингвостилистики - сложная полевая структура, включающая наименования различных языковых структур, систему хранения, трансляции и переработки стилистической информации, гибкую структуру, включающую каналы связи с терминологическими пространствами других направлений, содержащими терминологическими лексемами, между которыми возникают определенные взаимосвязи, отношения, приводящие к развитию терминологического пространства.

Терминологическое пространство современной лингвостилистики – это особая форма функционирования терминологической системы, приводящая как к сжатию, так и к расширению терминологического поля.

Ключевые слова: термин, терминологическое пространство, лексема, лингвистическая стилистика, развитие терминологической системы.

Barahoeva J.M.

PhD in Philology,

Ingush State University

TERMINOLOGY THE SPACE OF MODERN LINGUISTIC STYLISTICS**Abstract**

Modern linguistic stylistics space terminology is a complex field structure including the names of the different linguistic structures, storage, transmission and processing of stylistic information, flexible structure, including links with other areas of space terminology containing tokens, between which there are certain relationship, relationships, leading to the development of terminological space.

Modern linguistic stylistics space terminology is a special form of functioning of terminological system, leading to both compression and expansion of the terminology of the field.

Ключевые слова: term, terminological space token, linguistic Stylistics, terminology development system.

Лексема *пространство* - одна из самых употребительных в современной научной литературе. Она используется при образовании составных терминов *виртуальное пространство, художественное, текстовое пространство, концептуальное, психологическое, социальное, синтаксическое пространство* и др. Им противостоит *объективное пространство*, трактуемое как отражение реального мира, пронизывающее восприятие субъекта. Пространственные характеристики взаимосвязаны с миром, который считается вторичным, отраженным, пропускаемым не через сознание индивида, а через его восприятие. Обусловлено это тем, что диапазон восприятия шире, так как оно связано не только с сознанием человека, но и с весьма широким спектром разнообразных явлений и процессов, охватывающих спонтанное восприятие, простое осознание человеком того, что с ним в определённый момент бытия происходит, а также обобщение чувственного опыта, позиционируемого в форме отражения окружающей индивида объективной действительности, в образе мира и его отдельных фрагментов. Реальность, обозначаемая термином *объективное пространство*, взаимосвязана как с отдельными сенсорными актами, так и с процессами интегрирования, синтеза, обобщения полученных чувственных данных, способностями человека выделять в реальной действительности предметы, признаки предметов и действий, качества, состояния, стороны разных объектов и процессов, формировать их целостный образ, способностями вычленять, делать дискретными, подвергать структурированию сенсорные данные – поток получаемой человеком информации и «воспринимаемой им как множество разных материальных сигналов или стимулов» [4, с. 17].

Не является в данной ситуации случайным то, что «пространственные характеристики могут приписываться понятиям, которые сами по себе не имеют пространственной природы» [1, с.170].

Анализируя терминологию современной лингвостилистики, в качестве рабочего термина мы выбрали составную лексему *терминологическое пространство*, обозначающую некую структуру, которая характеризуется наличием в ней множества простых и составных терминологических лексем, образующих терминологические группы, включающие в себя: 1) наименования направлений лингвостилистики: *стилистика ресурсов, функциональная, экспрессивная, стилистика текста, дискурсивная стилистика, сопоставительная, стилистика кодирования, декодирования, фонетическая стилистика, грамматическая*; 2) названия функциональных стилей: *научный, разговорный, публицистический стили*; 3) наименования стилевых черт: *точность, отвлечённость, конкретность, экспрессивность, выразительность, эмоциональность*; 4) названия языковых ресурсов, нацеленных в тексте на выполнение стилистических функций: *отвлечённые существительные, глаголы в форме 3 лица, сложные предложения*; 5) обозначения методов и приёмов, ориентированных на анализ стилистически дифференцированных устных, письменных, печатных, электронных текстов, функциональных стилей, языковых ресурсов: *стилистический анализ отрывка, текста, стилистический эксперимент, комплексный анализ* [См.:2; 3].

Рассмотрение терминологии современной лингвостилистики именно с этих позиций позволяет описать различные фрагменты её терминологического пространства, образуемые терминологическими группами, куда, наряду с традиционными терминами, входят также неологизмы, в результате чего традиционные и новые термины взаимодействуют как в научных текстах, так и в терминологических группах, вступая во взаимосвязи,

пронизывающие все фрагменты терминологического пространства. Так, в последние десятилетия сформировался *религиозный функциональный стиль*, в связи с чем появился термин, его обозначающий.

Расширилось терминологическое пространство, взаимосвязанное с жанровой спецификой стилистически дифференцированных текстов. Если раньше понятие *жанр*, как правило, рассматривалось в литературоведении и его трактовка была связана, в первую очередь, с исторически обусловленным типом созданного автором художественного текста, единством его выразительных специфических свойств, формы произведения, его содержания, то сегодня жанры широко изучаются в культуре речи, герменевтике, риторике, теории текста.

В лингвостилистике изучение жанров неотделимо от функциональных стилей. Так, к жанрам административного характера относятся разновидности текстов, связанные с *предписанием*, функционирующие в *письменной, печатной, электронной* формах речевой коммуникации: целая система *приказов, военных, созданных внутри гражданских учреждений, решений, уставов образовательных учреждений, партий, общественных объединений, научных кружков, постановлений правительства, инструкций, служебных циркулярных писем, писем внутри учреждений, подведомственного характера, телеграмм, договоров между людьми и организацией, между организациями, республиками, странами, контрактов в гражданских учреждениях, учебных заведений, в армии, трудовых соглашений, представлений, заявок на получение оборудования, канцелярских товаров, книг, договоров страхования жизни, предметов роскоши, имущества*. В *устной* форме распространены жанры *распоряжений*, переданных лично, опосредованно по телефону. Разнообразна жанровая специфика *ходатайств*, функционирующих в *письменной* форме: *петиций, исковых, коллективных и личных заявлений, объяснительных записок в адрес руководства, рекомендательных, служебных писем, телеграмм ходатайствующего характера, завещаний, подготовленных адвокатом, коммерческих писем*. К ходатайствам, функционирующим в *устной* форме, относятся тексты, используемые в качестве *речей, содержащих представление, предложение, просьбу*. К информативным жанрам причисляют письменные тексты *автобиографий, служебных докладных записок, анкет, личных листков, связанных с учетом кадров, тексты резюме, коммерческих писем, банковских документов (аккредитивов, кредитных карт, принадлежащих разным банкам, платежных поручений), актов списания, получения, передачи, бухгалтерской документации (ордеров, отчетов ежеквартальных, полугодовых, годовых, квитанций, счетов, реестров, ведомостей на получение зарплаты, премии, журналов учёта, калькуляций, авансовых и других отчётов), документации, сопровождающей товар (накладных, актов получения товара, сертификатов соответствия), страховых полисов*. Жанры текстов административного характера в *устной* форме представлены такими разновидностями, как *тексты коммерческих переговоров, речи на приёмах и презентациях, на торгах, в форме бесед, выступлений и докладов на собраниях, совещаниях, телефонных разговоров*.

По мнению исследователей, в результате интенсивного взаимодействия функциональных стилей и их взаимопроникновения в XX в. сформировались разнообразные жанры. К *повествовательным* сегодня относят *пересказы подробные, сжатые, краткие, развёрнутые, комментарии динамического видеоряда, комментирование моделей, таблиц, схем, статических картинок, рассказы о дорожно-транспортных происшествиях, путешествиях, рассказы рекомендательного (совет купить недвижимость, взять кредит в банке, начать изучать иностранный язык), автобиографического, биографического характера*. К *рассуждениям* причисляют *обоснование актуальности темы, необходимости начать осуществление проекта, предложение предпринять интересное исследование*. Получили импульс к своему развитию такие жанры, как *выводы по содержанию текста, мотивация предпринятого решения, обобщение изученного, увиденного, услышанного, объяснение теории, смысла происходящего, доказательство теоремы, присутствия, размышление, используемое в текстах разных стилей: научном, публицистическом, художественном*. Интенсивно исследуются *рекламные жанры: презентация, реклама, занимающие в терминологическом пространстве стилистики одно из приоритетных мест*. Введены в сферу стилистики *жанры ретроспективного характера: отчеты, обзоры*. К *диалогическим жанрам* относят *тексты, используемые на собраниях, совещаниях, во время собеседований, переговоров, интервью*. Жанры *описательного характера: изображение человека, предметов, пространства*, - подверглись такой дифференциации, которая позволяет описать людей, предметы, окружающий мир с разных точек зрения, рассмотрев их присутствие в самых разнообразных ситуациях общения [См.: 3, с.125-126; 6].

Отражая определенное видение мира, присущее находящемуся в нём человеку, терминологическое пространство лингвостилистики, синтетическое по своей сути, очертило круг проблем, имеющих смысл именно в рамках лингвостилистики. В частности, все лингвистические термины, попадая в очерченный ею круг, становятся частью фрагмента терминологического пространства. Этот круг представляет собой открытую структуру, вбирающую в себя терминологические единицы, открытые для других направлений, но при этом исключается дублирование находящихся во взаимодействии терминологических единиц. Для лингвостилистики, как и для любого другого научного направления, важны не конкретные термины, использованные в других науках, но особые типы, разновидности значений, оттенков, которые и определяют систему понятий в лингвостилистике как научной дисциплине.

В глобальном современном научном сообществе наблюдается постоянное коммуникативное взаимодействие, в связи с чем многие терминологические лексемы выходят за пределы узко специального общения, превращаясь постепенно в общеупотребительные слова. Например, сегодня предельно расширилось значение таких терминов, как *стиль, текст, риторика*, употребляемых не только в научных текстах, но и в разговорных, художественных, деловых, где они обозначают новые особенности совокупного современного знания. «Парадигма философии сознания, по мнению все большего числа исследователей, замещается коммуникативной парадигмой» [5, с.19]. Терминологическое пространство современной лингвостилистики, пронизывающее наше сознание, может рассматриваться как «особая форма существования лингвистического знания, система с бесконечным числом степеней свободы, способная как к компрессии пространства, так и к его расширению» [2, с.40].

Интересен вопрос об эволюции терминологического пространства лингвистилистики. С одной стороны, мы знаем, что современное учение о стиле восходит к древнегреческой риторике. Современная лингвистилистика использует древнегреческую терминологию: понятие *стиль*, наименования тропов (*каламбур, оксюморон*), фигур (*эллипсис, повтор, параллелизм, хиазм, анафора, эпитофа*). С другой стороны, если мы возьмём понятие *логика* в том значении, как оно употреблялось в древнегреческой науке, мы увидим, что в современной лингвистилистике, литературоведении, философии такое употребление термина невозможно в связи с тем, что изменились теоретические основы современных областей знания. Следовательно, вопрос об эволюции в лингвистике может иметь противоречивый характер, а само терминологическое пространство подвергается постоянным изменениям. Развитие терминологии в лингвистилистике характеризуется переходами терминологической системы из одного состояния в другое, новыми качественными изменениями.

Терминологическое пространство представляет собой сложную полевую структуру, включающую наименования различных языковых компонентов, систему хранения, аккумуляции, трансляции, переработки лингвистилистической информации, структуру, имеющую каналы связи с другими терминологическими пространствами, содержащими объекты, между которыми возникают определенные взаимосвязи, отношения, приводящие к развитию терминологической системы.

Терминологическое пространство современной лингвистилистики – это особая форма функционирования терминологической системы, приводящая как к сжатию, так и к расширению терминологического поля.

Литература

1. Брусенская Л.А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. – Ростов-на-Дону, 1997. – 238 с.
2. Жеребило Т.В. Лингвистилистическая парадигма в информационном пространстве современного языкознания. Изд 2-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2015. – 206 с. (Чеченский государственный педагогический университет)
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с. (Чеченский государственный педагогический университет)
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов /Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
5. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 240 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка /Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

References

1. Brusenskaja L.A. Slovar' neizmenjaemyh inozazychnyh slov russkogo jazyka. – Rostov-na-Donu, 1997. – 238 s.
2. Zherebilo T.V. Lingvostilisticheskaja paradigma v informacionnom prostranstve sovremennogo jazykoznanija. Izd 2-e, ispr. i dop. – Nazran': Piligrim, 2015. – 206 s. (Chechenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet)
3. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponjatij. Izd. 6-e, ispr. i dop. – Nazran': Piligrim, 2016. – 610 s. (Chechenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet)
4. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov /Pod obshh. red. E.S. Kubrjakovoj. – M., 1996. – 245 s.
5. Mal'kovskaja I.A. Znak kommunikacii. Diskursivnye matricy. – M.: Editorial URSS, 2004. – 240 s.
6. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka /Pod red. M.N. Kozhinoj. – M.: Flinta: Nauka, 2003. – 696 s.

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.177

Белоус Л.В.

ORCID 0000-0003-3144-0853, кандидат филологических наук, доцент,

Северо-Осетинский государственный университет

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОМАНА АХМЕДА ЦАЛИКОВА "БРАТ НА БРАТА"

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта №16-14-15001

Аннотация

Предлагаемая статья – анализ представленных в романе осетинского русскоязычного автора и общественного деятеля Ахмеда Цаликова "Брат на брата" особенностей повседневного быта, фольклора, религиозных верований, обычаев, поведенческих норм и мировоззрения осетин на рубеже XIX-XX веков, когда происходил перелом в менталитете народа и разрушение традиционного уклада жизни народов Северного Кавказа под влиянием революционных событий в России и активного вмешательства российской политики в жизнь горцев.

Ключевые слова: менталитет, национальная самобытность, фольклор, этнографические особенности, разрушение обычая.

Belous L.V.

ORCID 0000-0003-3144-0853, PhD in Philology, Associate professor,

North-Osetian State University

FOLKLORE AND ETHNOGRAPHIC BASIS OF AHMED TSALIKOV'S NOVEL "BROTHER TO BROTHER"

The study was sponsored by the Russian Foundation for Humanities in the framework of a research project

№16-14-15001

Abstract

This article is an attempt to find and analyse features of everyday life, folklore, religious beliefs, customs, behavioral norms and worldview of Ossetians in the XIX-XX centuries, when there was a change in the mentality of the people and the destruction of the traditional way of life of the North Caucasus natives under the influence of the revolutionary events in Russia and the active intervention of the Russian policy in the life of the mountaineers, presented in the Ossetian russian-speaking author and social activist Ahmed Tsalikov's novel "Brother to Brother".

Keywords: mentality, national identity, folklore, ethnographic peculiarities, the destruction of the custom.

Ахмед Темболович Цаликов - активный общественный деятель блестящий публицист, писатель незаурядного художественного таланта, представитель русскоязычной литературы Северной Осетии первой четверти двадцатого столетия. "Его книги "Чаша жизни. Миниатюры", "Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта", "В горах Кавказа. Быль, очерки, легенды" были изданы в Москве и известны во всех уголках страны. В своих произведениях Ахмед Цаликов писал не только о родной ему Осетии, но и о жизни и судьбах других народов Северного Кавказа, России" [4;417].

Невозможно обойти вниманием стилистические особенности творчества А.Цаликова, роман которого создан в традициях реализма, а миниатюры и рассказы свидетельствуют о тяготении автора к символизму, к прозе в высшей степени эмоциональной, свидетельствующей о склонности автора к мистическому восприятию окружающего мира, притчеобразной по принципу осмысления действительности, насыщенной эпитетами, повторами и иными тропами, осложняющими восприятие, но превращающими тексты в глубокие и яркие произведения, равных которым в осетинской русскоязычной литературе не существует.

Фундаментальное изучение художественных особенностей наследия Ахмеда Темболовича до сих пор не предпринималось, чем обусловлены актуальность и научная новизна предлагаемого исследования. Автор может быть отнесен к разряду "возвращенных", однако его возвращение до сих пор не было сопровождено подробным литературоведческим анализом созданных им текстов.

Впервые имя А.Цаликова стало известно широкому читателю в конце XX века, в период "перестройки". Автором, который напомнил осетинским читателям об Ахмеди Цаликове, был Ш.Джикаев, который опубликовал в 1988 году в альманахе "Литературная Осетия" статью "Жизнь - путь подвижничества и долга". В этой статье была по достоинству оценена многогранная личность писателя, определены основные составляющие его необыкновенного дарования [1]. Далее к личности и творчеству А.Цаликова в своих трудах обращались Э.Мецаев, Р.Фидарова, А.Мзоков [2; 5; 3].

Наиболее весомый вклад в изучение жизни и творчества А.Цаликова внесла Зоя Мироновна Салагаева. Максимально полный сборник текстов писателя с обширным послесловием ученого - это результат ее многолетних поисков и собирания произведений писателя; скрупулезного, досконального изучения архивных материалов; анализа жизненного и творческого пути этого талантливого представителя осетинской интеллигенции начала XX в.; внимательного изучения особенностей его поэтики и стилистики [4].

Однако многие аспекты творческого наследия Ахмеда Темболовича не были затронуты в перечисленных материалах, в частности, представляет интерес фольклорно-этнографическая сторона его единственного романа, зафиксировавшая бытовые реалии и особенности мировосприятия горцев на рубеже XIX-XX вв.

В 1926 г. в эмиграции, в Праге, была написана и опубликована первая часть его романа "Брат на брата". О второй части произведения З.Салагаева пишет: "В газете "Вольные горцы", №1 за 1927 год на стр. 24 сообщалось, что готовится к изданию роман из революционной жизни Кавказа (продолжение романа "Брат на брата") Цалыкаты Ахмеда "Окровавленные горы". Однако судьба этого романа не известна" [4;493].

Роман А.Цаликова "Брат на брата" пронизан осуждением гражданской войны, религиозной вражды (между мусульманами и христианами), в романе есть романтическая линия (любовь главного героя, мусульманина, к дочери православного священника), подняты проблемы социального характера, поэтому можно говорить об историческом

характере текста. Роман А.Цаликова отражает фольклорные традиции осетинского народа, в нем представлены осетинские пословицы, поговорки, тосты, легенды, обычаи и обряды.

Кавказ – это прежде всего кавказская природа, которая, по словам А.Цаликова, была вынуждена нарушить свой вековой покой из-за кровавых столкновений, в которых погрязли жители гор. Горы – главное украшение Осетии. Для них писатель подбирает удивительные сравнения и эпитеты. Горы кажутся автору "стадом буйволов, легших на отдых и упершихся рогами в небесный свод. Будто концы этих рогов посеребрены" [6;287]. "Бледно-лиловые" [6;289] вершины выполняют для осетинских аулов функцию часовых [6;288]. Горы – "великаны, замороженные зимней стужей, занесенные снегами" [6;289]. Они напоминают писателю сгустки расплавленного серебра [6;355].

В пейзажных зарисовках А.Цаликова, несмотря на его изысканную красоту, чувствуется некоторая агрессивность. Такая особенность – использование брутальной и даже воинской терминологии в описаниях природы – может быть названа стилистической характеристикой текстов Цаликова: "Темным воинством подымается по обеим сторонам дороги уже начавшая кочаниться кукуруза. Каждый раз, как легкий ветерок пробегает по маисовому полю и колеблет верхушки стеблей, кажется, будто гордые султаны на киверах неведомого воинства склоняются пред нами" [6;392].

А.Цаликов не обходит стороной и Терек, который собирается из ручейков и превращается в тяжелую "свинцовую дугу" [6;290]. Терек наделен личностными качествами, писатель о нем скучает, как можно скучать о друге, о близком человеке [6;290].

Писатель, оглядываясь по сторонам, всматриваясь в окружающий мир, не забывает поднять взор к небу. Интересно, что даже созерцание звезд носит несколько этнически окрашенный характер: "Прямо над нашей головой Млечный путь – Арфаны фад. Отец мне говорил в детстве, что какой-то Арфан украл из небесных чертогов солому и побежал, но по дороге рассыпал ее, и след этой соломы остался на небе" [6;290].

А.Цаликов, возможно, с ностальгией, пытается воспроизвести бытовые подробности жизни осетинского аула, в частности, вкус той пищи, которую употребляли осетины. Угощение для него напрямую связано с процессом приема пищи, окруженным множеством ритуалов и легенд. Осетинское массовое застолье, не обходящееся без традиционных пирогов, теперь уже известных всему миру, – это воплощение народной мудрости. Прислуживает молодежь, что вырабатывает уважение к старшим, некоторое смирение, плохо сочетающееся с горячностью кавказских юношей, а потому особенно им необходимое [6;333].

Пить араку или пиво можно только после произнесения тоста и в определенном, веками проверенном порядке. Так употребление алкоголя из рядового распития, ведущего к опьянению, одурманиванию, неадекватному поведению, превращается в молитву богам, в желание передать небесным покровителям свои просьбы, пожелания и благодарности за уже полученные блага. Пьяных за осетинским столом в романах Цаликова нет. Вне застолья – есть, но пьянство является для героев романа дополнительной негативной, отрицательной чертой.

Одежда горцев непримитивна, но удобна, практична и многофункциональна. Мужской костюм, созданный с учетом того, что кавказский мужчина – всадник, обязательно сопровождается оружием, чаще всего кинжалом примерно до колен. У пожилых людей кинжал может дополняться посохом с загнутой вверх ручкой, снабженным штыком, надетым внизу на конец. Штык делает посох более устойчивым в качестве опоры и одновременно является еще одним способом защититься от врага в случае возникновения такой необходимости.

Одежда может восприниматься в цаликовском мире как символ. В одном из эпизодов автор пишет: "Но дело в том, что пришел однажды день, и я почувствовал, Валя, что мундир, который я носил с такой гордостью, давит мне грудь. Мне захотелось длиннополой черкески, стянутой в талии узким ремнем, неслышной поступи ноги, обутой в мягкий сафьян, мохнатой папахи на бритой голове. Мне захотелось смыть с себя белила и румяна – грим русской школы и русской среды – быть снова вольным сыном гор – простым и непосредственным" [6;319]. В этом отрывке четко видно не только и не столько отношение к одежде, сколько восприятие чужой и родной культур, своего и "не-своего" типа поведения, ощущения себя в мире.

Цаликов показывает на примере одного из отрицательных персонажей, каким образом новые веяния, идущие от России, сказываются не внешнем облике осетин: мужчина фиксатурит усы, надевает на них особый прибор, носит белые перчатки, завивает игривый "лакейский" [6;362] чуб, украшает костюм побрякушками, бляшками, висюльками, использует шелковые носовые платки, обильно пользуется духами. Все это описывается автором романа с нескрываемой иронией, явно неприязненно, поэтому Цаликов говорит в связи с обликом нового для осетинского народа типа мужчины-пижона, что он олицетворял собой "великолепие "образованного" человека" [6; 362]. Причем, слово "образованный" берется автором в кавычки.

Немаловажное значение для понимания характера народа имеет тип жилища, которое создают для себя осетинские семьи. Цаликов подчеркивает, что бедному осетину приходится проливать много пота и крови, чтобы обставить свое жилище мебелью, обвесить коврами и оружием. Осетинский дом аскетичен, пол земляной, помещение обмазано снаружи желтой глиной, смешанной с навозом. Очень высокий забор ("как крепостная стена" [6;285]).

Дом четко разделен на две половины: женскую и мужскую. Женская часть именуется в романе хадзаром: "Хадзар – это святыня в патриархальной семье осетина, здесь царство женщин. Здесь сосредоточивается вся интимная жизнь семьи" [6;285]).

Мужская часть дома называется кунацкой. Она предназначена (помимо повседневных мужских нужд) для встречи гостей, поэтому в этой комнате много скамеек, украшенных шкурами серн и оленей, рогами туров, которые использовали в качестве вешалок для оружия, головных уборов, бурок.

Ахмед Цаликов активно и умело, с нескрываемым восторгом перед народной мудростью использует в тексте романа осетинские пословицы. Писатель практически дословно переводит их на русский язык, хотя мог бы подбирать аналогичные высказывания из русского фольклора, тем более что это несложно и более понятно русскому читателю. Но цель А.Цаликова – познакомить человека, имеющего весьма приблизительное представление об осетинском фольклоре или не знающего осетинскую народную культуру вовсе, с духовным, бытовым и ментальным миром осетин, поэтому писатель избирает единственно правильный в данной ситуации путь – максимально близкий к

оригиналу перевод, например: "Башня разваливается от собственного камня" [6;357]; "Когда смерть приближается к муравью, то у него отрастают крылья" [6;361]; "Тот, кто не может справиться с лошадыо, бьет по седлу" [6;404].

Принцип подстрочного перевода А.Цаликов использует и в том случае, когда вставляет в текст романа стихотворение Коста Хетагурова "Вдова с детьми". Это одно из самых популярных произведений основоположника осетинской литературы, ставшее неотъемлемой частью культуры народа и известное современному читателю в поэтических вариантах перевода на русский язык под названием "Мать сирот". Безусловно, Цаликов мог бы перевести текст в стихотворной форме, но тогда теряется больше смысла в угоду рифме, ритму и другим формальным элементам. Цаликову же гораздо важнее содержательная сторона, как в случае с пословицами.

Осетины красиво поют. Их героические песни уносят человека от суеты сегодняшнего дня, и при звуках этих песен "сердце охватывает жажда подвига" [6;334], смерть перестает быть страшной.

Осетинский танец описан Цаликовым изнутри, от первого лица. Это не оставляет сомнений в том, что сам писатель владел искусством танца в совершенстве, иначе он не смог бы так точно и умело описать ощущения кавказского мужчины, захваченного волной танца. Цаликов показывает, что танец делает человека максимально свободным, пылким, не признающим преград, легко и смело глядящим в лицо смерти.

Очень трудно описать словами то, что должно быть увидено, но Цаликов использует свой талант писателя, чтобы адекватно передать, к примеру, характерную для кавказского танца особенность: статичность туловища при максимальной подвижности ног: "Тонкая талия, охваченная ремнем, вытягивается, и мне кажется, что туловище мое связано в талии с ногами только нитью, которая вот-вот может оборваться, а ноги мои получают особое самостоятельное бытие. Будто разум переселяется в концы пальцев, и он-то их толкает в ослеплении счастья и порыва на самые причудливые комбинации" [6;315].

Для А.Цаликова коренные жители Северного Кавказа – не одинаковые, мало отличающиеся друг от друга этносы. Он видит разницу между народами, как во внешних признаках, так и во внутреннем мире их представителей.

Кабардинцы для него – серые, бесцветные, не очень хорошо владеющие конем, что чрезвычайно важно для кавказца, они медлительны и спокойны. Речь кабардинцев наполнена шипящими и свистящими звуками. Ахмед Цаликов описывает эту речь, используя звукоподражание: "Будто Шелестит камыш, Через который пробирается Змей, или ветер Шевелит ковыль Степной, или Журчит по камням Чуть Заметный ручей" [6;380].

Другие соседи осетин, ингуши, представляются Цаликову более красочными и оригинальными людьми. Они проворны, живы. Черты их лиц заострены, носы хищны. Речь же их состоит из гортанных звуков, похожих на клекот орлов. И эти странные звуки ингуши не произносят, а будто резко кидают друг другу.

Об осетинской речи подобных конкретных упоминаний в романе нет. Но А.Цаликов говорит о том, что представители родного для него этноса стали часто прибегать к исковерканному русскому языку, уснащая осетинскую речь "заковыристыми русскими словами" [6;362]. На покосившейся вывеске в любимом ауле писатель с горечью читает слова, "нацарапанные безграмотной рукой: "Селеко правлении" [6;300].

Интересно также, что Цаликов произносит запоминающийся и заставляющий задуматься афоризм: "Нация – это язык" [6;300]. Следовательно, потеря языка равноценна потере национальной самобытности. Тем более горькими представляются строки, в которых земляки названы писателем "бессловесными овцами" [6;296].

Одной из основных особенностей мужского характера осетина, роднящей его с представителями других кавказских этносов, является воинственность, готовность взять в руки оружие для защиты от врага [6;284].

В основе женского характера (как показывает А.Цаликов, именно характера, а не поведения, основанного на определенных правилах) – покорность, отсюда молчаливость осетинки, стыдливо опущенные глаза и мягкая, невесомая "грация дикой козы" [6;314], позволяющая горянке делать все быстро, незаметно, для чего в осетинском языке есть специальное слово, которое не поддается дословному переводу.

Особой чертой осетинского национального характера А.Цаликов считает умение достойно, благородно стареть. В романе много удивительных, мудрых и вызывающих искреннее уважение старших, но особенно запоминающимся получился образ Куцала, который после смертоносного выстрела в орла произносит невероятную по уровню благородства и осознания своего места в мире речь, поражающую умением в двух словах передать самое важное [6;386].

Среди осетин в описываемую эпоху стали появляться новые типы характеров, о которых не без горечи повествует писатель. Этим персонажам ничего не стоит украсть, смошенничать, надуть самого близкого человека. Их А.Цаликов называет "лермонтовскими азаматами" [6;391], отсылая читателя к первой половине XIX века, в далекое прошлое. Сходство с Азаматом из "Героя нашего времени" подчеркнуто тем, что писатель намеренно и осознанно копирует ситуацию лермонтовского романа: обмен сестры на коня кабардинской породы [6;394].

Осетины тщеславны. Это качество А.Цаликов видит и в самом себе. Невозможно не обратить внимание на очень глубокое, буквально пророческое высказывание автора романа, которое уместно привести целиком: "Понятие добра и зла осетин выражает словом "худиная", что значит: "то, что вызывает смех"... Осетин боится не угрызений совести, а худиная – будут смеяться, будет стыдно, срамно. Угрызения совести – этот моральный момент чужд осетинской психике. Осетин боится только обнаружения его неблагоприятных поступков, потому что будет худиная... Осетин – раб общественного мнения... Люди, которые высшим критерием своего морального поведения ставят момент – "что о них скажут" – это и есть люди тщеславия... В этом отношении осетины напоминают Добчинского или Бобчинского... Обратная сторона тщеславия – жестокость. Худиная беспощаден. Проштрафившегося человека худиная уж не пожалеет... Однако каким могучим стимулом народного прогресса может быть "худиная", если он будет заряжен не пустышками и глупышками, а настоящим элементом. И эту работу должна выполнить интеллигенция... А что же происходит сейчас в действительности? Из осетинского обихода худиная исчезает. Русская революция убивает худиная, т.е. моральный момент в жизни народа, когда, наоборот, она должна была бы поднять этот момент на высшую ступень... Как же быть? Я никак не могу найти выхода!.. [6;405-407].

Строки о тщеславии можно назвать философской кульминацией романа, завещанием автора осетинской интеллигенции, криком его души. Но помимо прочего, здесь нельзя не сказать о том, что понятие "совесть", связанное с самообвинением, самоанализом, самооценкой; понятие, являющееся уникальной христианской категорией, по мнению А.Цаликова, чуждо осетинскому менталитету, оно не является для осетинского общества регулятором социального поведения. А вот слово "худинаг", лучшим аналогом которого в русском языке является слово "стыд", для осетинского этноса чрезвычайно весомо, а это понятие не несет в себе необходимости самоуглубления, характерной для религиозного восприятия мира. Оно скорее говорит о том, что осетин, совершая тот или иной поступок, смотрит по сторонам, ожидая от окружающих оценки. Но не согласует свои действия с внутренним пониманием правильного и неправильного, доброго и злого, хорошего и плохого.

А.Цаликов, рассуждая о "худинаге" остается внутри своего этноса, опирается на то, что этому этносу знакомо и дорого, но он пытается посмотреть на осетин со стороны, чтобы увидеть путь к спасению, к сохранению самобытности, то есть своего лица. Он дает вполне конкретный совет современникам и потомкам, страстно желает быть услышанным и пишет свой роман во многом именно ради этих строк о "худинаге".

Обычай рассматривается в романе как бы с двух сторон. Во-первых, из прошлого. То есть писатель показывает, как должно быть, если строго следовать порядкам и правилам, завещанным осетинам их предками. С этой стороны в авторской позиции преобладает любование, восхищение мудростью и простотой обычая. Вторая сторона – настоящее. То есть Цаликов, часто с искренним сожалением, демонстрирует современное состояние обычая, его разрушение, исчезновение или его трансформацию.

Многие обычаи не просто описываются А.Цаликовым, но и объясняются им. Либо автор уточняет логику и причину действий соплеменников, либо совершает исторический экскурс, демонстрируя, что обычай возник не на пустом месте, что в нем сосредоточена мудрость народа, накопленная столетиями.

Достаточно подробно, с самой неприглядной и трагической своей стороны в романе показан обычай умыкания невесты. Ситуация с похищением девушки уподобляется описанному Лермонтовым похищению понравившейся Печорину дикарки Бэлы. Эта параллель самим А.Цаликовым неоднократно подчеркивается упоминанием Азамата. Тем удивительнее поведение главной героини эпизода, Фаризет, которая не может смириться с ситуацией и бросается в обрыв. Поступок Фаризет, являясь репликой в диалоге А.Цаликова с М.Лермонтовым, с одной стороны, плохо сочетается с покорностью горянки и с распространенностью обычая похищения девушки, что должно было бы сделать его не таким жутким, трагичным. Но здесь есть несколько нюансов. Во-первых, Фаризет сватали, и ее семья сказала твердое "нет" потенциальному жениху, то есть девушка своим ужасающим поступком демонстрирует покорность решению старших своего рода, в данном случае, это решение совпадает с ее собственным желанием. Во-вторых, осетинские девушки были достаточно свободны в выборе женихов, что в романе вскользь показано. В-третьих, поступок Фаризет лишний раз подчеркивает нетрадиционный характер религиозности осетин.

Поведение на похоронах продиктовано не только обычаем, но и личным восприятием происходящего. Самые близкие умершего, согласно адату, не должны были на людях проронить ни одной слезинки, не позволяли себе ни крика, ни жестов отчаяния. Они обязаны были надеть траурные черные одежды и хранить величавое спокойствие. Но о мощи горя, переживаемого, например, матерью, потерявшей своего ребенка, говорит тот факт, что в первую ночь после похорон дочери героиня умирает от разрыва сердца [6;401].

Многие традиционные действия осетин носили воинскую подоплеку. Особая традиция - джигитовка. Это возможность для молодежи продемонстрировать свои умения, похвастаться своими успехами и достижениями в воинских искусствах. А.Цаликов показывает, как молодые мужчины на скаку поднимают с земли различные предметы, в том числе монеты, стреляют в цель, перекидываются с одного бока лошади на другой, проползают на скаку под брюхом своих скакунов, "выделяют разные фортели, шеголяя друг перед другом удалью" [6;386].

Обычай кровной мести упоминается несколько раз. Осетин А.Цаликов искренне и честно описывает свои внутренние переживания по поводу мести. Главный герой теряет свою опозоренную сестру и думает: "Вот передо мной умирающая сестра и беспомощный враг, и сверкает в моем мозгу, как молния, мысль: что же правда жизни, милосердие или древняя мораль – око за око, зуб за зуб? И жалкой, ничтожной, непригодной для жизни кажется мне обманчивая философия милосердия. Нет, око за око, зуб за зуб – вот правда жизни!.." [6;398]. То есть даже много лет проведя в России, став просвещенным и образованным человеком, герой не готов отказаться от жестокого и кровавого обычая предков. А.Цаликов явно хотел подчеркнуть, что обычай кровной мести – крайне спорное явление. С одной стороны, он жесток, утомителен и вреден для малочисленного народа, а с другой стороны, бывают ситуации, когда только утоленная месть может хоть как-то успокоить сходящего с ума от горя представителя осетинского этноса, как и других горских народов, потому что этот обычай – из разряда общекавказских.

С нескрываемым сожалением А.Цаликов видит вокруг себя повсеместное бестактное поведение молодых людей, открыто и нагло нарушающих обычаи предков, что воспринимается писателем как катастрофа. Молодежь теряет всякие сдерживающие начала [6;340].

Все это приводит А.Цаликова к печальному, даже трагическому выводу: "Все рушится: религия, нравственность, скромность и послушание молодежи, гостеприимство, уважение к старости. Да, так и есть. Все, на чем держалась наша жизнь. Что мы берегли, как глаз, и считали для себя дороже золота, то теперь не имеет ценности и сломанной иголки. Светопреставление" [6;324].

Писатель рассуждает о том, что существование осетина, жившего натуральным хозяйством, всегда было нормировано обычаем, традицией, контролировавшими каждый шаг горца с рождения до смерти. "Процесс жизни был прост, и сама жизнь была трафаретом" [6;408]. По убеждению А.Цаликова, трафарет стал портиться от соприкосновения горского аула с русским городом. Влияние русских усиливалось день ото дня, так как русский народ обладал более развитой системой хозяйствования. "Обычай перестал попевать за жизнью" [6;408]. И это, по убеждению А.Цаликова, начало конца осетинской национальной ментальности, самобытности осетинского этноса.

Одно из главных высказываний о религиозности осетин А.Цаликов завершает таким образом: "Мы ведь, осетины, и не мусульмане и не христиане, мы скорее уастырджисты или даже язычники, с культом заповедных рощ, вековых деревьев, духов, которыми мы наполняем поля и леса, воды и горы, дома и пещеры. Наша молитва – чинок араки или чаша пива в одной руке, круглый пирог с сыром в другой..." [6;319].

В осетинской молитве удивительным образом сочетаются Аллах (или Иисус Христос) и многочисленные персонажи осетинского пантеона, к примеру, духи дома [6;313], которых герои просят о благополучии, о сохранении огня в очаге и о сбережении основного камня в фундаменте дома.

А.Цаликов смотрит на религию с эстетических или философских позиций, но он находится не внутри религиозного сообщества, а вне его, что позволяет писателю быть объективным или, по крайней мере, к этому стремиться. Писателю совершенно очевидно, что старой Осетии, единой и верной адатам, больше не существует, а есть Осетия, раздираемая на мусульманскую и христианскую части [6;292].

В романе "Брат на брата" очень много внимания уделяется России и русским. Превалирует в этих эпизодах определение "страшная" по отношению к России [6;289]. Но здесь надо иметь в виду следующее: в тексте А.Цаликова речь идет о революционной России, то есть о ненормальном, кризисном состоянии народа, к которому писатель относится с глубоким уважением.

Революция же Цаликова пугает, ее суть автор выражает в нескольких фразах, четко и ясно формулирующих позицию писателя по отношению к описываемому политическому событию: "Да, в России революция, но в своеобразной русской форме – пугачевщина и разиновщина с вспарыванием беременным женщинам животов, с разбоем, разгулом, грабежом и насилием черни. С этой революцией демократия не оказалась в состоянии совладать. Только группа наиболее жестоких и бесцеремонных людей воспользовалась этой стихией, чтобы захватить центральную власть в свои руки. У этой группы единственная задача – сохранить эту власть путем каких угодно компромиссов, ухищрений, насилий, террора и т.п., так как они хорошо знают, что вместе с властью они потеряют и головы. Они декламируют на прекрасные темы о царстве социализма, но этим они только прикрывают грязную сущность своего пресмыкания перед зверем, проснувшимся в груди русского человека" [6;346].

Главным предметом недовольства русской политикой является то, что большой народ осуществляет насилие по отношению к малому и при этом лицемерно именует эту свою nepзволительную деятельность "осуществлением цивилизаторской миссии". Но ведь каждый народ, в чем не просто убежден А.Цаликов, а в чем он страстно желает убедить читателей, имеет полное право самостоятельно решать собственную судьбу.

Аргументы, используемые Цаликовым, до такой степени весомы, что даже сторонника насильственной политики первых лет советской власти по отношению к национальным меньшинствам заставят усомниться в правильности и допустимости подобной политики.

Первый аргумент таков: древнеафинская республика была в четыре раза меньше, чем Персия, но ее вклад в мировую культуру неизмеримо выше и весомее. С этим поспорить невозможно.

Второй аргумент. Русская культура считалась более развитой, разносторонней, богатой, нежели осетинская. Но, как пишет Цаликов, у осетинского этноса не было возможности и шансов свободно и независимо развивать свое национальное творчество, а у "народа-раба культура не может развиваться". И если осетинам дать возможность исправить это положение, то результат может оказаться удивительным [6;359].

Третий аргумент. Новая российская власть была властью рабочих и крестьян. Цаликов с возмущением говорит о том, что русские мужики, ставшие вдруг господами, возомнили, что могут дать, навязать что-то другому народу. Но писатель спрашивает: "Что они могут дать нам?! Ничего, кроме грязи, в которой они сами валяются" [6;382].

Четвертый аргумент. Новый стиль жизни, новая идеология насаждаются насильственно, кровавыми методами. Погибают люди. Цаликов несколько кощунственно, но справедливо по сути замечает: "Если стоимиллионный русский народ потеряет десять миллионов, то у него еще останется девяносто – цифра не маленькая. А мы при потере тысячи – уже истекаем кровью..." [6;408].

Пятый аргумент. Горцы не сочетаются с коммунистической идеологией, это, как образно выражает свою мысль автор романа, огонь и вода. Более того, попытку соединить горцев с коммунистической идеологией писатель именует "химерой в воспаленном мозгу сумасшедшего", "сумасбродством" [6;408]. Это, безусловно, крайне жесткая оценка, но время доказало правоту А.Цаликова, и сегодня приходится сожалеть о том, что к нему и к его единомышленникам не прислушались в свое время те люди, которые могли бы повлиять на ситуацию. Этого не произошло.

"Нет, у народа есть душа. Это его святая святых. Это его понятия о добре и зле, не те понятия, которые привносятся извне, а те, которые вырабатываются в результате тысячелетней страдальческой жизни на земной коре... Есть душа народа. Она может трепетать от восторга и испуганно биться, как птичка в клетке. Душа гордая и душа униженная. Душа цельная и душа раздвоенная. Какова же душа моего народа? [6;356]" – пишет А.Цаликов. Именно ответу на этот вопрос он посвятил свое творчество в целом и роман "Брат на брата", в частности. Он ищет душу народа в жилище, одежде, утвари своих соплеменников, в их пословицах и легендах, в их характере и поведении, конечно, в обычаях, прошедших проверку временем. Поэтому следует внимательно изучить эти писательские поиски и сформулировать те особенные черты, которые составляют суть мировоззрения осетина, его самоидентификации.

Ахмед Цаликов является очень важным свидетелем начавшегося процесса разрушения осетинской этнической самобытности под влиянием социально-политических потрясений, прежде всего, революции 1917 г.; под напором насильственной, как, не без оснований, считал А.Цаликов, русификации горских народов, а также в силу ставших очевидными и ощутимыми межконфессиональных разногласий внутри осетинского этнического единства, вдруг оказавшегося весьма зыбким.

Литература

1. Джикаев Ш. Жизнь – путь подвижничества и долга // "Литературная Осетия". 1988. №72. С.72-74.
2. Мецаев Э. Ахмат Цаликов. Социалист и патриот // "Владикавказ". №71 (537) от 26 сентября 2007 г. С.6.
3. Мзоков А. Ахмед Цаллыккаты // "Дарьял". 1995. №4. С.43-44.

4. Салагаева З. Ахмед Цаликов // А.Цаликов. Избранное. Владикавказ: Ир. 2002. С. 417-502.
5. Фидарова Р. Художественный мир Цаликова // Вестник СОГУ. 2011. №3. С. 262-265.
6. Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир. 2002.

References

1. Dzhikaev Sh. Zhizn – put podvizhnichestva i dolga // "Literaturnaja Osetija". 1988. №72. S.72-74.
2. Mecaev E. Ahmat Calikov. Socialist i patriot // "Vladikavkaz". №71 (537) ot 26 sentjabrja 2007 g. S.6.
3. Mzokov A. Ahmed Callykkaty // "Darial". 1995. №4. S.43-44.
4. Tsalagaeva Z. Ahmed Calikov // A.Calikov. Izbrannoe. Vladikavkaz: Ir. 2002. S. 417-502.
5. Fidarova R. Hudozhestvennyj mir Calikova // Vestnik SOGU. 2011. №3. S. 262-265.
6. Tsalikov A. Izbrannoe. Vladikavkaz: Ir. 2002.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.018

Винокурова Л.В.¹, Иванова В.И.², Ефимова А.Д.³¹ORCID:0000-0003-2466-5288, Кандидат филологических наук,²ORCID:0000-0001-9325-6395, Старший преподаватель,³ORCID:0000-0002-6088-8801, Старший преподаватель,

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

СЛУЖЕБНЫЕ ГЛАГОЛЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В статье рассматривается сравнительный анализ служебных глаголов во французском и якутском языках. Так, большинство французских и якутских служебных глаголов выступают в качестве словообразующих, формообразующих и иных составляющих в аналитических конструкциях, выражают абстрактное значение глагольности, предикативности, видовой и модальной характеристики первого компонента, с которым они составляют аналитические (составные) основы глагола. Установлено, что в обоих языках служебные глаголы играют большую роль в грамматической организации предложения, это связано с аналитической тенденцией и французского, и якутского языков.

Ключевые слова: грамматическая организация языка, вспомогательные глаголы, звукоподражательные и образные слова, составное сказуемое.

Vinokurova L.V.¹, Ivanova V.I.², Efimova A.D.³¹ORCID: 0000-0003-246605288, PhD in Philology,²ORCID: 0000-0001-9325-6395, senior lector, ³ORCID: 0000-0002-6088-8801, senior lector,

North-Eastern Federal University in Yakutsk

MODAL VERBS IN FRENCH AND YAKUT LANGUAGES

Abstract

The comparative analysis of modal verbs in French and Yakut languages is considered in article. So the majority of French and Yakut modal verbs act in as the preformative, form-building and other components in analytical construction, express abstract value of a verb, predicativity, the specific and modal characteristic of the first component with which they make analytical (compound) bases of a verb. It is established that modal verbs are of great importance in grammatical organization of the sentence that is connected with analytical tendency of both French and Yakut languages.

Keywords: grammatical organization of language, auxiliary verbs, imitative and figurative words, compound predicate.

И французский, и якутский языки – языки аналитические, в которых служебные глаголы играют огромную роль.

В тюркологии и якутском языкознании «вспомогательными глаголами» и «служебными глаголами» называются такие глаголы, которые в одних случаях сохраняют свое основное лексическое значение, а в других теряют его и выражают лишь грамматические (а также дополнительные лексические) значения другого (основного) глагола [2],[3].

Во французском языке служебные глаголы играют большую роль в грамматической организации предложения, что связано с аналитической тенденцией языка [1].

Во французском языке система служебных глаголов включает:

I. Глаголы *être* и *avoir* (быть и иметь).

Глаголы *avoir* и *être* называются вспомогательными глаголами, потому что они, кроме самостоятельного употребления, служат для образования сложных прошедших времен всех глаголов: *il a dormi* (он спал), *il est sorti* (он вышел). Входя в состав сложных времен, глаголы *avoir* и *être* теряют свое самостоятельное значение и являются лишь показателями времени, лица и числа. Само значение глагольной формы выражается одним *Participe passé* (причастием прошедшего времени). [1]

Например:

Il est professeur

Il est entré à l'institut

Il a une amie

Il a écrit une lettre

Использование глагола *avoir* в служебной функции – характерная черта французского языка.

Во французском языке даже флексии в Futur simple (простое будущее время) и в Conditionnel (условное наклонение) восходят к *avoir* (*je parlerai; je parler + (av)ais*). [1, С.132] в то время как якутское будущее время (кэлэр бириэмэ) образуется от основы причастия на –ыха, с помощью аффиксов принадлежности. [3, С.307].

Мин барыа5ым (Я пойду, поеду)

Биьиги барыахпыт (Мы пойдем, поедем)

Единственное число положительной формы будущего времени в якутском языке имеет параллельно употребляемый фонетически-стяженный вариант: *мин барыам, эн барыан, кини барыа*. А отрицательная форма будущего времени образуется аналитическим путем – от стяженного варианта формы с помощью имени отрицания *суох*.

Мин барыам суо5а (Я не пойду, не поеду)

Биьиги барыахпыт суо5а (Мы не пойдем, не поедем)

Глагол *avoir*, основное значение которого быть, иметь (*Il a un ami à Yakoutsk – У него друг в Якутске*) может выражать не только владение, обладание, но и характеристику (*Il a de la patience – он обладает терпением; elle a les yeux bleus – у нее голубые глаза*); отношение к месту, расположению (*Yakoutsk a beaucoup de musées – в Якутске есть (имеется) много музеев*); *mon appartement a trois pièces – моя квартира состоит из трех комнат*; чувство, состояние (*j'ai eu une sensation de malaise – я почувствовал неловкость; j'ai eu une facheuse impression – у меня сложилось неприятное впечатление*; действие (*l'enfant a eu des convulsions – у ребенка конвульсии; ils ont eu une discussion – между ними возник (был) спор, они поспорили*); победу, преодоление (*on les aura – мы с ними справимся, наша возьмет, мы победим*); обман, надувательство (*il nous a bien eus – здорово он нас надул (провел)*).

Глагол *être*, также как и *avoir* кроме вспомогательной функции, может выражать различные значения: места нахождения (*il est à Moscou – он (находится) в Москве*); время (*nous sommes en hiver – сейчас зима, на дворе стоит зима; aujourd'hui nous sommes le trente décembre – сегодня тридцатое декабря*); с инфинитивом *devoir* (долженствовать) переводится как *надо, нужно (cette idée est à retenir – эту мысль надо принять во внимание)*; *être à* с инфинитивом *занятие, дело, работу – il est toujours à travailler (он всегда работает)*; *être* с предлогом *de* выражает участие, содействие, причастность, соучастие – *il est de police (он из полиции)*; *être* может заменить функцию глагола *aller* (идти, ехать) – *il a été voir ce film hier (он ходил смотреть эту картину вчера)*; в безличном употреблении глагол *être* может переводиться как «быть», «существовать», «бывать» (*il est des gens qui ne croient à rien – бывают (есть) люди, которые ни во что не верят*); а с указательным местоимением *ce* переводится как «это» (*c'est – это, c'est la vie – такова жизнь*).

В якутском языке большинство служебных глаголов (көмө туохтуурдар) выступают в качестве словообразующих, формообразующих и других формантов в аналитических конструкциях.

Исследователи служебных глаголов якутского языка выделяют [3, С.401]:

1) служебные глаголы, образующие аналитические (составные) основы глаголов от звукоподражательных и образных слов или от наречий и деепричастий, а также от имен, выполняя функцию глаголообразующего аффикса: *куп гын (глухо бухнуть), ар диэ (рявкнуть), лэс гыннар (легонько шлепнуть), дык гын (внезапно вздрогнуть)*

Во французском языке слова, передающие звукоподражания принадлежат к междометиям (Interjection), передающим шум *сгас – трах; раф – трах!; бац!; бах!; рап – трах!; хлоп!; бац!*.

2) Служебные глаголы образуют с именами составное сказуемое, выступая в качестве связки: *Учуутал буолбут (Он стал учителем); Тымныы этэ (Было холодно)*. Во французском языке данные примеры можно перевести также при помощи служебных глаголов: *Il est devenu professeur; Il faisait froid*.

II. Функции служебных глаголов выполняют также глаголы движения *aller* и *venir*, употребляясь:

а) в имедиатных временах (temps immediats), выражающих непосредственно следующие или предшествующие действия: *je vais ouvrir la porte (я сейчас открою дверь); je viens d'arriver (я только что пришел)*;

б) в сложных сказуемых с целевым и видовым значениями: *il a fait venir chez lui (он зазвал меня к себе)*.

В отличие от французского языка, где категория вида еще твердо не установлена (некоторые исследователи категорию вида как морфологическую категорию глагола усматривают в двух грамматических явлениях: 1) в противопоставлении простых и сложных времен; 2) в противопоставлении точечных и линейных времен (passé composé/ passé simple/ imparfait) [1, С.150]. Якутский язык обладает развитой системой форм, выражающих характеристику особенностей протекания действий. Так, служебные глаголы аналитические видовые формы глагола, выражая лишь грамматическое значение вида: *бара түс (пойти немного), бара тур (продолжать идти), төнкөс гын (внезапно нагнуться), ситэн ыл (догнать быстро)* [3, С.401].

III. В систему французских служебных глаголов включают также глагол *laisser*, образующую каузативные конструкции: *laissez – moi passer! (дайте); je l'ai laissé partir (я позволил ему уйти; я отпустил его)*.

Во французском языке в ряд служебных глаголов включают модальные глаголы *pouvoir, vouloir, devoir*, образующие сложное сказуемое с модальным значением или с временным значением (devoir). [1, с.132] Например, *elle doit avoir trente ans (ей, наверное, тридцать лет); je voudrais pouvoir t'aider (мне хотелось бы помочь тебе)*.

1) Французские служебные модальные глаголы широко употребляются, выражая различные модальные значения (возможность, желание, долженствование и т.п.), на русский язык, в основном, переводятся безлично-предикативными словами: *Il peut se faire qu'il est parti (может оказаться, что (возможно, наверное, может быть) он уехал; il doit pourqu'il a fait cela (необходимо, чтобы он это сделал)*.

Как и во французском языке якутские служебные модальные глаголы выражают желание, пожелание, намерение, необходимость, колебание, боязнь, решимость, нерешимость и другие модальные значения: *эйиэхэ биэриэхпин саарбахтыбын ээ (я ведь сомневаюсь тебе отдавать); таптыыр киһитин кытта иирсиэн, айдаарсыан кэрэйдэ (он воздержался ссориться, ругаться с любимым человеком)*.

Таким образом, большинство французских и якутских служебных глаголов выступают в качестве словообразующих, формообразующих и иных составляющих в аналитических конструкциях. Служебные глаголы в

своем грамматикализованном значении не имеют вещественного содержания, а только выражают абстрактное значение глагольности, предикативности, видовой и модальной характеристики первого компонента, с которым они составляют аналитические (составные) основы глагола. В обоих языках служебные глаголы играют большую роль в грамматической организации предложения, что связано с аналитической тенденцией и французского, и якутского языков.

Литература

1. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. для студентов пед. институтов по спец. «Иностр. яз.» - 3-е изд., дораб. - М.: Просвещение, 1989. - 288 с.
2. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. - М.: Издательство восточной литературы, 1961.-470 с.
3. Коркина Е.И., Убрятова Е. И. Грамматика современного якутского литературного языка. М.: изд.: «Наука», 1982. - 496 с.
4. Костецкая Е.О., Кардашевский В.И. Практическая грамматика французского языка для неязыковых вузов.: Уч. пособие. - 8-е изд., - М.: Высшая школа, 1979. - 279с.
5. Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая экспедиция. Книга I. - М.: Academia, 2000. - 656 с.

References

1. Gak V.G. Sravnitel'naja tipologija frantsuzskogo i russkogo jazykov: Utcheb. dl'a studentov ped. Institutov po spets. "Inostr. yaz." - 3-e izd., dorab. - M.: Prosveshchenie, 1989. - 288 s.
2. Iskhakov F.G., Pal'mbah A.A. Grammatika tuvinskogo jazyka. Fonetika i morfologija. - M.: Izd. vostochnoj literatury, 1961.-470 s.
3. Korkina E.I., Ubrjatova E. I. Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka. - M.: izd.: «Nauka», 1982. - 496 s.
4. Kostetskaja E.O., Kardashevskij V.I. Prakticheskaja grammatika frantsuzskogo jazyka dl'a neязыkovykh vuzov.: Uch. posobie. - 8-e izd., - M.: Vysshajshkola, 1979. - 279s.
5. Pis'mennyye jazyki mira: Jazyki Rossijskoj federatsii. Sociolingvisticheskaja ekspedicija. Kniga I. - M.: Academia, 2000. - 656 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.020

Гончарова К.Д.

ORCID: 0000-0001-7005-1944, Аспирант,
Донецкий национальный университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-КОЛОРИЗМАМИ ЗЕЛЕНый, СИНИй, КРАСНИй, ЖЕЛТЫй, РОЗОВЫй НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация

Целью данной статьи является рассмотрение фразеологических единиц с компонентами-колоризмами в сопоставительном аспекте в четырех языках исследования. Устанавливается количественная характеристика фразеологических единиц, определяются доминирующие колоризмы в их составе. Выявляются фразеологические единицы, объединяющие четыре, три или два языка исследования.

Ключевые слова: фразеологическая единица, колоризм, сопоставление.

Goncharova K.D.

ORCID: 0000-0001-7005-1944, Postgraduate student,
Donetsk national university

THE COMPARATIVE STUDY OF THE PRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COLOUR TERMS GREEN, BLUE, RED, YELLOW, PINK IN ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND UKRAINIAN

Abstract

The aim of the given article is to compare the phraseological units with the colour terms in four languages under consideration. The quantity of the phraseological units is established, the dominant colour terms are determined as well as the phraseological units, common for four, three and two languages of the research.

Keywords: colour term, phraseological unit, comparative study.

1. Вводные замечания.

Семантика колоризмов неоднократно изучалась на материале различных языков (Комина Е.В., Кэй П., Вайлер С. на материале английского языка, Герасименко И.А. - русского и др. [1,2,4,7]), однако можно утверждать, что полисемия цветообозначений на материале английского, немецкого, русского и украинского языков не была предметом отдельного сопоставительного исследования. Необходимость создания системной модели исследования полисемии колоризмов в сопоставительном аспекте на материале обозначенных языков составляет актуальность данной работы.

Целью данной работы является сопоставление фразеологических единиц (ФЕ) к компонентами-колоризмами *зеленый, синий, голубой, красный, желтый, розовый*, выявление общих и отличительных признаков семантики этих лексических единиц в языках исследования.

Объектом исследования являются ФЕ с компонентами-колоризмами *зеленый, синий, голубой, красный, желтый, розовый* в английском, немецком, русском и украинском языках.

Предметом данного исследования является семантика ФЕ с компонентами-колоризмами *зеленый, синий, голубой, красный, желтый, розовый* в языках исследования.

Эмпирический материал был получен из наиболее репрезентативных толковых словарей. Единицей исследования служат ФЕ с компонентами-колоризмами *green, blue, red, yellow, pink, rose* в английском, *grün, blau, rot, gelb, rosa/rosig* в немецком, *зеленый, синий, голубой, красный, желтый, розовый* в русском и *зелений, синій, блакитний, червоний, жовтий, рожевий* в украинском языке. Общий объем выборки составляет 168 ФЕ в английском, немецком, русском и украинском языках.

2. Количественная характеристика ФЕ с компонентами-колоризмами.

Наибольшее количество ФЕ имеет в своем составе колоризм *красный*, 63 ФЕ, что составляет 37.5% от всего корпуса ФЕ с компонентами-колоризмами. Следующий по численности – ФЕ с компонентом-колоризмом *зеленый*, 38 ФЕ или 23%, третье место занимают ФЕ с компонентом *синий* (26 ФЕ или 15%), далее следуют ФЕ с колоризмами *желтый* (21 ФЕ) и *розовый* (20 ФЕ), что составляет 12.5% и 12% соответственно.

На данном материале исследования в английском и немецком языках отмечено одинаковое количество ФЕ – 52 ФЕ или 31%. В русском и украинском языках количество ФЕ значительно ниже, 35 ФЕ (21%) и 29 (17%) соответственно.

2.1 ФЕ с колоризмом *красный*.

Как отмечено выше, ФЕ с колоризмом *красный* присутствуют в наибольшем количестве ФЕ. Одинаковое количество ФЕ с этим компонентом отмечено в немецком и английском языках – 18 единиц, в русском их насчитывается 15, а в украинском – 12.

Три ФЕ являются общими для всех четырех языков исследования, например, рус. *красный, как рак*, укр. *червоний, мов (наче, як) рак*, англ. *red as a lobster* 'красный, как рак', нем. *rot wie ein Puter* 'красный, как индюк' или *krebsrot sein* 'красный, как рак'. Название всемирной гуманитарной организации *Красный Крест* также совпадает во всех языках исследования, англ. *Red Cross*, нем. *Rotes Kreuz*, укр. *Червоний Хрест*. Общей ФЕ в четырех исследуемых языках является метафорическое название Марса – рус. *Красная планета*, укр. *Червона планета*, англ. *the Red Planet*, нем. *der Rote Planet*.

Четыре ФЕ отмечены в трех языках исследования, в русском, украинском и немецком, две из них связаны с коммунистическим периодом, например: рус. *красный угол*, укр. *червоний куток*, нем. *rote Ecke* 'помещение при большом жилом доме, в учреждении, отведённое для культурно-просветительной работы', рус. *красная доска*, укр. *червона дошка*, нем. *rote Tafel* 'доска почета'. Общими также являются следующие ФЕ, например: рус. *проходить красной нитью (линией)*, укр. *проходити червоною ниткою*, нем. *der rote Faden* 'отчётливо подчёркиваться, постоянно выделяться (о какой-нибудь мысли, идее)', нем. *die Rote Liste*, рус. *Красная книга*, укр. *Червона книга* 'список редких животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения'.

Большое количество ФЕ, имеющих одинаковое значение, встречаются в двух языках исследования, в основном они совпадают в родственном английском и немецком языках, а также в русском и украинском. Пять ФЕ являются общими для английского и немецкого языков, например: 1) англ. *like (waving) a red rag to a bull* и нем. *ein rotes Tuch für jemanden sein* 'действовать, как красная тряпка на быка, раздражать, сердить кого-то.'; 2) англ. *not one red cent* и нем. *keinen roten Heller haben* 'не иметь ни гроша'; 3) англ. *better red than dead/ better dead than red* и нем. *lieber rot als tot/lieber tot als rot* 'лучше быть мертвым, чем красным/лучше быть красным, чем мертвым'. Эта ФЕ является лозунгом антикоммунистического движения периода холодной войны. Воспроизводит название книги английского писателя С. Рейнолдса [Reynolds, Stanley], опубликованной в 1964 и явившейся своеобразным откликом на высказанную в 1958 английским философом Б. Расселом [Russel, Bertrand] мысль о том, что между альтернативой гибели человечества и коммунистического господства второй вариант предпочтительнее. Обратный лозунг 'лучше быть красным, чем мертвым' ["better Red than dead"] использовался левыми силами в США. 4) англ. *to see red* и нем. *rot sehen* – 'потерять контроль от гнева'; 5) англ. *to go red* и нем. *rot werden* 'покраснеть (от смущения, стыда и т.д)'.

Две ФЕ являются общими только для русского и украинского языков, например: рус. *красная строка* и укр. *червоний рядок* 'отступ, абзац', рус. *красная цена*, укр. *красна ціна* 'наивысшая, лучшая цена'.

Одна ФЕ объединяет английский и русский язык: англ. *red-letter day*, рус. *красный день календаря* 'праздник, выходной день'. Интересно, что в немецком языке существует подобная идиома, однако она не совпадает полностью: нем. *etw im Kalender rot anstreichen* 'выделять красным что-то в календаре, отмечать в календаре какое-то событие'.

2.2 ФЕ с колоризмом *зеленый*.

Следующая по количеству группа ФЕ с компонентом-колоризмом *зеленый* (38 ФЕ, 23%), из них в английском языке и немецком языках установлено одинаковое количество ФЕ (11), в русском языке отмечено 9 ФЕ, в украинском – 7.

Только две ФЕ характерны для всех четырех исследуемых языков: 1) фразеологизм со значением 'разрешать, позволять или способствовать беспрепятственному осуществлению чего-л.': англ. *give the green light to sth*, нем. *grünes Licht geben*, рус. *давать/дать зеленый свет*, укр. *надавати/надати зелене світло*; 2) фразеологизм со значением 'парковая зона, леса' англ. *the green lungs*, нем. *grüne Lunge*, рус. *зеленые легкие (планеты)*, укр. *зелені легені*.

Две ФЕ являются общими для немецкого и русского языков, например: рус. *зеленая волна* и нем. *grüne Welle* (безостановочное движение автомобилей на всех перекрёстках за счёт синхронного включения зелёного света на светофорах); рус. *позеленеть/зеленый от злости*, нем. *sich grün und blau [gelb] ärgern*. 1 ФЕ отмечена в английском и русском языках, например: англ. *green with envy*, рус. *позеленеть/зеленый от зависти*. 2 ФЕ объединяют родственные русский и украинский языки: рус. *зелёная улица* и укр. *зелена вулиця* (о свободном пути для любого транспорта; об отсутствии препятствий, задержек для осуществления чего-л.); рус. *до зеленого змия напиться*, укр. *напитися (попитися і т. ін.) до зеленого (блакитного) змій* (напиться до беспамятства, галлюцинаций).

2.3 ФЕ с колоризмами *синий, голубой*.

Третьей по количеству является группа ФЕ с компонентом-колоризмом *синий, голубой* (26 ФЕ, 12%), из них 11 ФЕ в немецком языке, 9 ФЕ в английском языке, 4 ФЕ в русском языке и 2 ФЕ в украинском языке.

Не зафиксировано ни одной ФЕ, общей для всех языков исследования. Одна ФЕ с лексемой ‘синий, голубой’ характерна для трех языков исследования, например, англ. *bluestocking* рус. *синий чулок* и укр. *синя панчоха* (о женщине, погруженной в книги, умственные занятия, лишённой женственности). Интересно, что ЛСВ ‘грамотная, образованная’ (о женщине), равно как и ФЕ *bluestocking* в английском языке имеет как положительную, так и негативную коннотацию, тогда как в русском и украинском языках данная ФЕ используется неодобрительно о женщинах.

Отмечена одна ФЕ с данным компонентом, характерная для двух языков, немецкого и английского, например, англ. *beat somebody black and blue*, нем. *jemanden grün und blau schlagen* (избивать кого-то).

2.4 ФЕ колоризмом *желтый*.

Четвертой по количеству является группа ФЕ с компонентом-колоризмом *желтый* (21 ФЕ, 12.5%), из них в английском языке – 6 ФЕ, в немецком, в русском и украинском языках отмечено одинаковое количество – 5 ФЕ.

Только две ФЕ характерны для всех четырех исследуемых языков, например: 1) рус. *желтая лихорадка* ‘острое заболевание вирусной этиологии, передаётся с укусом комаров’, укр. *жовта лихоманка*, англ. *yellow fever*, нем. *das gelbe Fieber* 2) рус. *желтая карточка* ‘знак предупреждения игрока в некоторых командных видах спорта (в том числе в футболе и гандболе), демонстрируемый арбитром за следующие нарушения правил’, укр. *жовта картка*, англ. *yellow card*, нем. *die gelbe Karte*.

В русском и украинском языках наблюдается не только одинаковое количество ФЕ (5 ФЕ), но и полное совпадение значений. Например: 1) рус. *желтый билет* ‘альтернативный паспорт документ, который в Российской империи давал право легально заниматься проституцией’, укр. *жовтий білет*; 2) рус. *желтый дом* ‘больница для душевнобольных’, укр. *жовтий дім*; 3) рус. *желтая лихорадка*, укр. *жовта лихоманка*; 4) рус. *желтая раса* ‘о монголоидной расе’, укр. *жовта раса*; 5) рус. *желтая карточка* и укр. *жовта картка*.

Однако в родственных английском и немецком языках не наблюдается общих, уникальных только для этих языков ФЕ.

2.5 ФЕ колоризмом *розовый*.

Пятой и последней по количеству является группа ФЕ с компонентом-колоризмом *розовый* (20 ФЕ, 12%), из них наибольшее количество в английском языке — 8 ФЕ, в немецком языке — 7 ФЕ, наименьшее количество в русском и украинском языках, 2 и 3 ФЕ соответственно.

Лишь одна ФЕ является общей для всех четырех языков исследования, например: рус. *смотреть сквозь розовые очки* ‘представлять всё в приятном виде, смотреть на всё жизнерадостно, не замечая плохого’, укр. *дивитися крізь рожеві окуляри (скельця)*, англ. *to look at something through rose-tinted spectacles*, нем. *alles durch eine/dierosa/rosigen Brillen sehen*.

Одна ФЕ отмечена в трех языках исследования, в немецком, русском и украинском, например: рус. *представлять в розовом цвете* ‘приукрашивать, идеализировать что-то’, укр. *малювати рожевими фарбами*, нем. *etw. in den rosigen Farben darstellen*.

Интересно, что значение одной ФЕ в английском языке передают две ФЕ в немецком языке, например: англ. *be in the pink* ‘быть здоровым, в хорошем настроении’, нем. *rosige Laune, Stimmung haben* ‘быть в приподнятом расположении духа’, *rosig aussehen* ‘выглядеть здоровым’.

3. В результате исследования можно сделать следующие выводы:

3.1 Даже в генетически разных языках наблюдаются совпадения в восприятии цветов, о чем свидетельствуют 8 ФЕ с компонентом-колоризмом, которые характерны для всех 4 языков исследования.

3.2 Шесть ФЕ, характерных только для немецкого и английского языков, и 9 ФЕ, характерных только для русского и украинского языков, с одной стороны, демонстрируют генетическую близость данных языков, с другой стороны, показывают, как одинаковые цвета вызывают различные ассоциации и эмоции в разных культурах.

3.3 Наибольшее количество ФЕ имеет в своем составе колоризм *красный* (63 ФЕ, 37.5%), затем *зеленый* (38 ФЕ, 23%), на третьем месте ФЕ с компонентом *синий* (26 ФЕ или 15%), далее следуют ФЕ с колоризмами *желтый* (21 ФЕ, 12.5%) и *розовый* (20 ФЕ, 12%).

3.4 На данном материале исследования в английском и немецком языках отмечено одинаковое количество ФЕ – 52 ФЕ, 31%. В русском и украинском языках количество ФЕ значительно ниже, 35 ФЕ (21%) и 29 (17%) соответственно.

3.5 Одинаковое количество (18) ФЕ с компонентом-колоризмом *красный* отмечены в немецком и английском языках, в русском их насчитывается 15, а в украинском – 12. 3 ФЕ являются общими для всех 4 языков исследования, 4 ФЕ отмечены в 3 языках исследования (в русском, украинском, немецком), 5 ФЕ являются общими для английского и немецкого, 2 ФЕ объединяют русский и украинский, 1 ФЕ отмечена как в английском, так и в русском языке.

3.6 Четыре ФЕ с компонентом-колоризмом *красный*, объединяющие неродственные русский, украинский языки с немецким языком, свидетельствуют о значительном влиянии внешних факторов (например, коммунистической идеологии) на языки.

3.7 Одинаковое количество (11) ФЕ с компонентом-колоризмом *зеленый* установлено в английском и немецком языках, в русском языке отмечено 9 ФЕ, в украинском – 7. 2 ФЕ характерны для всех 4 языков, 2 ФЕ являются общими для немецкого и русского языков, 1 ФЕ объединяет английский и русский языки и 2 ФЕ объединяют родственные русский и украинский языки.

3.8 Одиннадцать ФЕ с компонентом-колоризмом *синий, голубой* отмечено 11 ФЕ в немецком языке, 9 ФЕ в английском языке, 4 и 2 ФЕ в русском и в украинском языке соответственно. Не отмечено ФЕ, характерных для 4

языков, 1 ФЕ характерна для 3 языков (английского, русского, украинского) и 1 ФЕ является общей для 2 языков (немецкого и английского).

3.9 Шесть ФЕ с компонентом-колоризмом *желтый* отмечены в английском языке, в немецком, в русском и украинском языках зафиксировано одинаковое количество – 5 ФЕ. 2 ФЕ характерны для всех 4 исследуемых языков, в русском и украинском языках наблюдается полное совпадение ФЕ.

3.10 *Восемь* ФЕ с компонентом-колоризмом *розовый* насчитывается в английском языке, 7 ФЕ — в немецком языке, 2 и 3 ФЕ — в русском и украинском языках соответственно. 1 ФЕ является общей для 4 языков, 1 ФЕ отмечена в 3 языках исследования, в немецком, русском и украинском.

В дальнейшем исследовании колоризмов планируется расширение эмпирического материала, детальное изучение семантики и этимологии, фразеологизмов с компонентами-колоризмами.

Литература

1. Берлин Б., Кей П. Основные цвета: Их универсальность и видоизменения. - М., 1969.
2. Герасименко И. А. Семантика русских цветообозначений: моногр. / Ирина Анатольевна Герасименко. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2010. –440 с.
3. Дегтярёва И.Н., Хавуш Нур. Лексика цветообозначения: русско-турецкие соответствия// Русистика и современность. Том 2. Материалы VII международной научно-практической конференции. – СПб, 2007.
4. Комина Е.В. Модели цветообозначений в английском языке / Е. В. Комина // Проблемы английской филологии и психолингвистики. –Вып. 1. –Калинин:КГУ, 1972. –С.45–86.
5. Robert MacLaury Language typology and language universals// Color terms – Berlin, 2001. – P.1227-1251.
6. Thompson E. Colour vision: a study in cognitive science and the philosophy of perception / E. Thompson. – New York: Routledge, 1995. – P.351
7. Wyler S. Colour and language: color terms in English / S. Wyler. – Tübingen: Gunter Narr, 1992. – S.161 - 164

References

1. Berlin B. Kay P. Osnovnye tsevt. Ich universalnost i vidoizmeneniia . –M: 1969
2. Gerasimenko I.A. Semantika russkikh tsvetooboznacheniy, monografiia, Irina Anatolievna Gerasimenko – Gorlovka, izd-vo GGPIIA 2010. –440s.
3. Degtiaryova I.N, Havrush Nur. Leksika tsvetooboznachenii: russko-turetskie sootvetstviia//russistika i sovremennost. Tom 2. Materialy VII nauchno-practicheskoi konferentsii - Stb, 2007
4. Komona E.V. Modeli tsvetooboznacheniy v angliiskom yazyke/ E/V/ Komina// problemy angliiskoi filologii i psiholingvistiki. Vyp. 1. – Kalinin: KGU, 1972. – S.45-86
5. Robert MacLaury Language typology and language universals// Color terms – Berlin, 2001. – P.1227-1251.
6. Thompson E. Colour vision: a study in cognitive science and the philosophy of perception / E. Thompson. – New York: Routledge, 1995. – P.351
7. Wyler S. Colour and language: color terms in English / S. Wyler. – Tübingen: Gunter Narr, 1992. – S.161 - 164

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.051

Горностаева А.А.

Кандидат филологических наук,

Московский государственный лингвистический университет

МЕСТО ИРОНИИ И ЮМОРА В НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРАХ

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению места и роли иронии и юмора в таких политических жанрах как публичное выступление, политическое интервью, политический анекдот. Автор анализирует высказывания современных российских, британских и американских политических деятелей и говорит о допустимости и важности употребления иронии и юмора для достижения успешного воздействия на аудиторию. В статье приводится анализ современных политических анекдотов как материала, отражающего новейшие тенденции в обществе и в языке. Результаты исследования могут быть использованы в рамках изучения политического дискурса, для развития теории и практики межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: ирония, юмор, политический дискурс, функции, механизмы иронии.

Gornostaeva A.A.

PhD in Philology, Teacher, Moscow State Linguistic University

THE PLACE OF IRONY AND HUMOUR IN SOME POLITICAL GENRES

Abstract

The article is devoted to the analysis of the place and role of irony and humour in such genres of political discourse as public speech, political interview, political anecdote. The author analyses the speeches of Russian, British and American politicians and argues the importance of irony and humour in ensuring the influence on the audience. Modern political anecdotes are studied as the material reflecting the latest trends in society and language. The results of the study can be used in political discourse research, in theory and practice of intercultural communication.

Keywords: irony, humour, political discourse, functions, mechanisms of irony.

Вопрос об уместности иронии и юмора в политике долгое время оставался без внимания. Понятие «политический юмор» в отечественной науке стало разрабатываться сравнительно недавно. Юмор был определен как родовое понятие, включающее в себя сатиру, иронию, шутку, пародию, и т.д. [3], были выделены

основные направления и содержание социологии политического юмора, его основные объекты и субъекты, приемы, социальные функции. Дальнейшие исследования подтвердили основную функцию политического юмора как желание человека уйти от неприятной ему реальности, освободиться не только от внешней цензуры, но прежде всего от внутреннего цензора, от страха перед авторитарным запретом, перед властью [4].

Британские ученые отмечают, что роль юмора в жизни современного общества намного больше, чем это ранее представлялось различными социальными теориями, что подтверждается возрастающим интересом к юмору и иронии как научным объектам. Исследователи указывают на значительное количество недавних научных работ, посвященных этим явлениям, появление методики обучения юмору [7].

Исследователи современного американского политического юмора указывают, что отношение к нему в обществе неоднозначно. С одной стороны, юмор считается источником удовольствия, средством и панацеей от стресса. Но юмор может оказывать разное влияние: сообщать достоверную или ложную информацию, вызывать любовь или ненависть, выявить или скрыть проблему [9]. Это противоречие привело к тому, что на американской политической арене в течение нескольких последних десятилетий происходит борьба между намеренным внедрением юмора в политический дискурс и сопротивлением ему.

Помимо десакрализации власти, политический юмор обеспечивает комфортное общение между политиком и его аудиторией, минимизирует вертикальную дистанцию, а также помогает наилучшим образом донести идею до собеседников. Ирония, являющаяся разновидностью юмора и в то же время имеющая свою область значения (подробнее об иронии и смежных явлениях см. [2]), более критична и более направлена на определенный объект.

В современном политическом дискурсе ирония используется наряду с другими стилистическими приемами для воздействия на собеседника, а также для поддержания интереса аудитории. Политический дискурс, освещающий события и факты в ироническом ключе, ориентирует аудиторию на активное переосмысление политических реалий, на отказ от политического конформизма; из пассивного потребителя информации адресат превращается в активного интерпретатора.

Применяя деление первичных и вторичных речевых жанров к жанрам политического дискурса, исследователи выделяют жанры институциональной коммуникации, составляющие основу собственно политической деятельности (речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и т.д.) и жанры бытового общения, т.е. «разговоры о политике», которые носят респонсивный характер и представляют собой комментирование, обсуждение, интерпретацию, одним словом, реакцию на действия [5].

Следует упомянуть о фольклорном понимании политического дискурса [1], то есть распространении его в самых разных социальных и профессионально-бытовых слоях общества. Действительно, даже те жанры, которые изначально не относились к политическому дискурсу, могут включать в себя политическую информацию и оценки политических деятелей. Для данного исследования представляют интерес те разновидности политического дискурса, которые предполагают широкое использование иронии и юмора. Прежде всего, это публичное выступление, политическое интервью, политический анекдот и некоторые другие.

Публичное выступление политического деятеля – это речь, произнесенная перед аудиторией в условиях непосредственного контакта между оратором и слушателями. В современном мире любое значимое событие становится предметом трансляции в средствах массовой информации. Однако политическая речь, передаваемая в СМИ, обладает своими отличительными особенностями и дополнительными параметрами воздействия. За счет средств массовой коммуникации привлекается более широкая аудитория, на которую направлена речь; использование обширного потенциала технических средств является значительным мультиплицирующим фактором массового воздействия. Существенные отличия связаны и с процессом визуального восприятия: человек, находящийся непосредственно в аудитории и слушающий оратора, оценивает его через призму собственного субъективного отношения, под своим углом зрения, в то время как показ публичного выступления по телевидению уже означает монтаж и интерпретацию реального события, что влечет за собой расстановку дополнительных акцентов.

Несмотря на то, что аудитория сохраняет молчание и напрямую не высказывается, публичная речь относится к разряду политической коммуникации, которая, предполагает участие в речевой деятельности не только говорящего или пишущего, но и слушающего или читающего. В целом основное содержание политических речей заключается в том, чтобы сформулировать цели, ценности и общественно-политическую стратегию определенной политической группы по отношению к избирателям, а также по отношению к своим политическим оппонентам.

В качественной публичной речи непременно учтен баланс между серьезной и развлекательной составляющей, что подразумевает отступление от темы, введение в текст иронических и юмористических высказываний, анекдотов, ссылок на курьезные исторические эпизоды.

Например, как в лекции, прочитанной советником президента России, академиком РАН С.Ю. Глазьевым для студентов магистратуры факультета государственного управления МГУ:

Кажется, что управление деньгами подвластно только небожителям. Люди, которые этим занимаются, считаются носителями тайного знания и, вместо того, чтобы что-то объяснять, наводят тень на плетень. Постараемся разобраться, где собака зарыта [YouTube. С.Ю. Глазьев Лекция №6 ФГУ МГУ 30.03.2015].

В выступлении С.Ю. Глазьева используются фразеологизмы и ирония абсурдного утверждения. Эти приемы речи помогают раскрепостить аудиторию, настроить ее на дружеское общение и создать комфортную атмосферу. В ситуации выступления известного государственного деятеля перед студентами – это весьма действенный способ сократить дистанцию и повысить внимание зала.

Приведем еще несколько примеров. Одним из лидеров политического остроумия можно назвать президента РФ В.В. Путина. Вот некоторые из его иронических высказываний:

Чем ЧК отличается от ЦК? ЧК чикает, а ЦК цыкает.

Я самый богатый человек не только в Европе, но и в мире. Я собираю эмоции.

Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца. А кто хочет его восстановить в прежнем виде – у того нет головы.

Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, что вместе продули они (о спортивных состязаниях).

Россия может подняться с колен и как следует огреть.

[<http://www.pravda-tv.ru/2015/04/05/136679>].

Высказывания российского президента остроумны, точны и полны иронии, что делает его речь интересной, острой, захватывающей внимание публики.

В некоторых из высказываний ирония основана на игре слов – обыгрывание слов с похожим звучанием, иное прочтение известных фраз. В процитированных примерах ирония выполняет функции насмешки, критики, нападения. В данном списке есть значительное количество самоироничных высказываний. Умение иронизировать над собой – очень важный показатель успешности политика.

Самоирония необходима, например, при высказывании отношения к пародии на самого себя. Министр иностранных дел России С.В. Лавров реагирует именно так: *В целом я должен поблагодарить создателей сериала «Мультичности», потому что наши отношения с Хиллари показаны намного более целомудренными, чем отношения других персонажей.* [«Вечерний Ургант», Первый канал, 59 выпуск, 24.10.12].

Надо признать, что найдется не много политиков, которые снисходительно и с юмором относятся к карикатурам на себя. Чаще ирония используется в адрес политических противников, с целью выразить насмешку, критику. Так, в современной предвыборной кампании в США используется немало язвительной иронии, направленной на кандидатов на пост президента:

Jeb Bush is low energy, Ben Carson is super low energy (Джеб Буш малоэнергичный, Бен Карсон – супермалоэнергичный¹), – говорит кандидат в президенты Дональд Трамп, используя иронический механизм сопоставления несопоставимого («супер» – означает высшую степень и не сочетается с определением «мало»). Ирония помогает говорящему выразить отрицательное отношение к оппонентам, сомнение в их способностях. Так же и в следующей фразе: *Bush went the other day to Berlin, Germany to pick up money. Berlin, Germany... What do you think Germany gets out of that?* (Буш недавно отправился в Берлин, в Германию собирать деньги. Берлин, Германия... Как вы думаете, зачем это надо Германии?) [YouTube. Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami FULL Speech HD 3.02.2016].

Здесь ирония оформляется просодическими и невербальными средствами (интонацией и мимикой), а риторический вопрос содержит намек на сомнительные связи кандидата в президенты.

Таким образом, подготовленная ирония является неотъемлемым элементом и эффективным орудием публичной речи. Но не всегда можно пользоваться иронией как готовым инструментом. Поскольку часто ирония – категория дискурса, она представляет собой сотрудничество между говорящим и слушающим, проявляющееся в процессе коммуникации. Рассмотрим политические жанры, предполагающие такое сотрудничество.

Жанр политического интервью позволяет всем участникам диалога использовать стратегии непрямой коммуникации, однако цели и результаты привлечения таких стратегий могут в значительной степени различаться. Это характерно как для русской, так и для англо-американской лингвокультуры.

Например, в ответе на вопрос интервьюера, что является для него первоочередной задачей – победить в предвыборной борьбе Хилари Клинтон или Дональда Трампа – кандидат в президенты США Берни Сандерс говорит: «Я с нетерпением жду победы над Дональдом Трампом. Я буду наслаждаться этим состязанием. А что касается секретаря Клинтон... с ней мы будем делать то же самое»:

- *Do you focus on beating Donald Trump or Hillary Clinton?*

- *I am looking forward to beating Donald Trump. I will enjoy this race. And with secretary Clinton... I think we will do it as well.* [YouTube - Bernie Sanders Looks Forward to Beating Donald Trump. 9.12.15]

Ирония заключается в игре слов (*to beat* означает «победить» и «побить»). Высказывание Сандерса можно интерпретировать как «я с нетерпением жду, когда я побью Трампа», что подчеркивает его негативное отношение к политическому противнику.

Английский актер и писатель Дэвид Митчелл, отвечая на вопросы интервью, также использует иронию:

- *What would you do with people who avoid tax?*

- *I would kill them.*

- *Would you pay the same tax if you could get away with it?*

- *I certainly wouldn't say I would. If I did I would do it secretly and then lie about it.*

(- Что бы вы сделали с людьми, которые уклоняются от налогов?

- Я бы убил их.

- А вы сами платили бы налоги, если бы могли уклониться от них?

- Я бы никому об этом не сказал. Я бы делал это тайно, а потом соврал.) [YouTube. David Mitchell on tax avoidance 20.02.2015].

Говорящий вначале прибегает к иронической гиперболе *I would kill them*, а потом использует иронический механизм нарушения коммуникативных ожиданий, честно признаваясь в готовности к обману.

Яростная пикировка ироническими репликами происходит во время предвыборных дебатов, когда противники пытаются морально подавить друг друга. Ирония используется в функции язвительной насмешки и критики:

Interviewer. *Are you a puppet for your donors?*

Bush. *Absolutely not. The only guy who wanted me to change my views and gave me money is Donald Trump. He wanted casino gambling in Florida.*

Trump. *No. I promise – if I wanted it, I would have got it.*

¹ Здесь и далее перевод автора

Bush. *You got Hilary Clinton to come to your wedding because you gave her money. Maybe you work for Hilary Clinton...*

Trump. *I am a businessman, I've got to get along with everybody.*

Bush. *But the fact is...*

Trump. *Excuse me... Jeb, for a second...*

Bush. *No!*

Trump. *More energy today, I like that.*

(Интервьюер. Вы являетесь куклой в руках ваших спонсоров?)

Буш. Категорически нет. Единственный человек, который пытался заставить меня изменить мои взгляды и предлагал мне деньги – это Дональд Трамп. Он хотел, чтобы во Флориде было казино.

Трамп. Нет. Клянусь – если бы я этого хотел, я бы этого добился.

Буш. Хилари Клинтон была на вашей свадьбе, потому что вы заплатили ей. Может быть, вы работаете на Хилари Клинтон...

Трамп. Я бизнесмен. Мне надо дружить со всеми.

Буш. На самом деле...

Трамп. Извините, Джеб, минуточку...

Буш. Нет!

Трамп. Сегодня у него больше энергии. Это мне нравится.)

[[YOUTUBE. DONALD TRUMP VS. JEB BUSH | PRESIDENTIAL DEBATE HIGHLIGHTS 16/09/2015](#)].

Откровенное признание Трампа в своих возможностях («если бы я этого хотел, я бы этого добился») является иронией в защитной функции, которая призвана смягчить остроту обсуждаемого неприятного для него вопроса; ироническая оценка энергичности оппонента имеет целью переключить внимание аудитории с обвинительных реплик Буша на снисходительно-покровительственное отношение к нему Трампа и, таким образом, сделать последнего центральной фигурой в этих дебатах. Подобная тактика используется умелыми ораторами и, как правило, работает безукоризненно.

Ироничные и шуточные реплики в ответ на острые вопросы журналистов часто бывают наилучшим выходом, помогают разрядить обстановку и сгладить напряженность. Такую тактику выбирает президент России в разговоре с главным редактором радиостанции «Эхо Москвы» А.А. Венедиктовым, известным своими каверзными вопросами и язвительными высказываниями:

Венедиктов. *Почему так много конфронтации? Мы видели демонстрации, видели раздетых девушек, здесь мы видели парад секс-меньшинств...*

Путин. *Вам повезло. Что касается девушек... Я с утра не успел позавтракать... Если бы они мне колбасу показали или сало, это меня бы порадовало, а те прелести, которые они демонстрировали – не очень. Слава богу, что гомосексуалисты не разделись.* [YouTube. Путин ответил Венедиктову, 28.10.13].

Для лучшего понимания иронии говорящего требуется знание экстралингвистической ситуации. Речь идет о казусе, произошедшем в Германии: во время встречи глав государств к ним неожиданно подбежали с криками протеста обнаженные девушки. Во-первых, ирония президента направлена на высмеивание такого способа привлечь к себе внимание; во-вторых, использование гротеска (упоминание о возможном раздевании гомосексуалистов) доводит ситуацию до абсурда. Понятно, что после такого комментария вопрос о подобных демонстрациях не может рассматриваться серьезно. Собеседник понимает такой настрой и к данной теме больше не возвращается.

Тем не менее жанр политического интервью имеет свои национальные особенности. Например, в английской и американской лингвокультурах дистанция между журналистом и государственным деятелем минимальна, допустимо обращение по имени, провокационные вопросы, свободное употребление иронии и сарказма в адрес высокопоставленного чиновника. В российской культуре традиционным для политического интервью является нейтральный модус: с одной стороны, он позволяет осуществлять коммуникацию людям с заведомо неравными социально-коммуникативными позициями; с другой стороны, он дает возможность наиболее оптимальным образом сохранять «лицо» политика в случае, если поднимаются неприятные темы. Это особенно важно, поскольку в политическом интервью всегда присутствует третий участник – аудитория (зрители или читатели).

Политические анекдоты – едва ли не самый универсальный тип анекдотов из всех, что существуют у народов, живущих в самых разных условиях и при разных политических системах. Можно с уверенностью утверждать, что такой жанр есть в любой лингвокультуре, но его особенности продиктованы национальными традициями и степенью свободы слова, существующей в той или иной стране. Подобно тому, как национальное чувство юмора является расплывчатым, неопределенным понятием, так и национальный политический анекдот – жанр специфический, часто понятный только носителям языка и тем, кто близко знаком с культурой страны.

Понимание политических анекдотов может быть затруднено не только для участников межкультурной коммуникации (по понятным причинам различия языков и культур), но и для носителей одной культуры. Исследователи замечают, что политические анекдоты являются постоянным источником коммуникативных неудач. Чтобы ответить на вопрос, почему это происходит, необходимо обратить внимание на национальную, культурную и историческую специфику. Так, исследователи [6] предлагают выделить следующие типы русских политических анекдотов, высмеивающих: политических деятелей (заметьте, что к этому типу относятся как анекдоты о политиках, не называемых по имени – о депутатах, сенаторах, так и анекдоты о конкретных политиках); определенную политическую партию или институцию; какую-либо политическую идею или лозунг; менталитет, семейные отношения и т. п. тех или иных народов в контексте государственного устройства разных стран; особенности политического устройства (отсутствие свободы слова, передвижения и т. п.); дефицит продуктов и так называемых товаров народного потребления; те или иные катаклизмы или политические потрясения. Из вышеприведенной классификации видно, что анекдоты тесно связаны с той или иной политической и экономической ситуацией и

предполагают знание имен государственных деятелей, определенных фактов и т.д. При несоблюдении этих условий смысл анекдота останется непонятным.

Политические анекдоты рождаются мгновенно, как реакция на что-то новое. У россиян политические анекдоты наиболее ярко отражают изменения в жизни и общественном сознании. Как один из ярких примеров юмора на политическую тему можно привести следующий пример:

Мальчик спрашивает отца: «Папа, кому это памятник на Москве-реке?» Отец: «Пока что Петру Первому, сынок. А дальше – видно будет». Носителю русской культуры понятно, что здесь содержится намек на постоянный пересмотр исторических событий и разнообразные, часто крайне противоположные оценки деятельности политических лидеров страны (кроме того, понимание данного анекдота облегчает знание экстралингвистической ситуации о первоначальном предназначении монумента как памятника Колумбу, задуманного скульптором для США).

Заслуживают внимания анекдоты с продолжением, получающие новое звучание в свете современных событий. Так, серия анекдотов про Вовочку, изначально не политическая, продолжается уже в политическом аспекте, благодаря тому, что имя *Владимир* весьма распространено среди российских политиков. Приведем примеры анекдотов, героями которых являются три разных Вовочки – государственных деятеля:

1. *Сидит Вовочка грустный, мальчиков не бьет, к девочкам не пристаёт, учительницу не доводит. Все удивляются, спрашивают: «Вовочка, что случилось?» — «Брата Саиу повесили».*

2. *Захотел Вовочка стать президентом России — и стал.*

3. *Пришел Вовочка домой поздно, устал. А утром его будят, говорят: «Вставайте, Владимир Вольфович, ваша фракция в Думу прошла!».*

Каждому россиянину понятно, о каком именно Вовочке идет речь в каждом анекдоте. Комический эффект усиливается фоновыми знаниями – обилием предыдущих анекдотов, закрепивших за героем образ хулигана и двоечника. При наложении этих качеств на образ политика срабатывает иронический механизм столкновения несовместимых понятий.

При рассказывании политических анекдотов коммуникативная неудача может быть вызвана не только отсутствием общих фоновых знаний у рассказывающего и слушающего, но и разными политическими взглядами участников коммуникации. Рассказывание анекдота «чуждой» слушателю идеологической направленности может вместо смеха вызвать конфликтную ситуацию, т.е. тоже привести к коммуникативной неудаче. Исследователи высказывают мнение, что языковые особенности русского анекдота в значительной, если не в решающей, степени определяются особенностями рассказывания анекдота как особого речевого жанра [6]. Коммуникативная цель рассказывания анекдота состоит в том, чтобы насмешить слушателей, перевести разговор в шутовское русло, снять напряжение. Если эта цель не достигнута, после рассказывания анекдота возникает неловкая пауза, рассказчика постигает коммуникативная неудача.

Итак, русские политические анекдоты можно выделить как особый жанр, занимающий достойное место в классификации русского юмора. Исследователи указывают, что политический анекдот (наряду с байками, частушками, комическими куплетами, переиначенными поговорками) является одним из основных жанров современного русского юмора [8].

Если обратиться к английской и американской лингвокультурам, то и здесь можно найти любопытные примеры политических анекдотов. Прежде всего, это «вечные» анекдоты об отношении людей к политикам вообще²:

What happens if a politician drowns in a river?

That is pollution.

What happens if all of them drown?

That is solution!

(Что произойдет, если один политик утонет в реке? – Загрязнение.

А если все они утонут? – Это решение!)

В данном случае возможно перевести английскую игру слов на русский язык, соблюдая рифму в паре: загрязнение – решение.

Речевая игра весьма популярна в англоязычных политических шутках:

Four years ago my brother ran for state senator.

What does he do now?

Nothing. He got elected.

(– Четыре года назад мой брат баллотировался в сенат штата. – Чем он сейчас занимается? – Ничем. Его выбрали.)

Why don't we ever hear of a thief stealing from a politician's house?

Professional courtesy.

(– Почему мы никогда ничего не слышали о кражах в домах политиков? – Профессиональная этика.)

Шутки о конкретных личностях весьма распространены. Среди их героев есть наиболее любимые персонажи. У американцев это Джордж Буш, уже известный более как комическая фигура, чем как политический лидер.

Washington DC Newsflash: A tragic fire on Monday destroyed the personal library of President George W. Bush. Both of his books have been lost. Presidential spokesman Ari Fleischer said the president was devastated, as he had not finished colouring the second one.

(Новости из Вашингтона, округ Колумбия. Трагическое событие – в понедельник пожар уничтожил личную библиотеку президента Джорджа Буша. Обе его книги сгорели. Пресс-секретарь Ари Флейшер сообщает, что президент очень огорчен, так как еще не закончил раскрашивать вторую.)

² Здесь и ниже анекдоты с сайта [http://www.guy-sports.com/humor/jokes/jokes_politics.htm].

Donald Rumsfeld is giving the president his daily briefing. He concludes by saying: 'Yesterday, 3 Brazilian soldiers were killed'. 'OH NO!' the President exclaims. His staff are stunned at this display of emotion, they watch nervously as the President sits, head in hands. 'That's terrible!' Finally, the President looks up and asks, 'How many is a brazillion?'

(Дональд Рамсфелд докладывает президенту о текущих событиях. Он заканчивает свою речь словами: «Три бразильских солдата были убиты». — «О, нет! — восклицает президент. — Это ужасно!» Присутствующие удивлены этим выражением эмоций и встревоженно наблюдают, как президент сидит, уронив голову на руки. Потом он поднимает глаза и спрашивает: «Бразильских — это сколько?»)

Последний анекдот невозможно перевести на русский язык без искажения смысла. Ироническая игра слов построена на созвучии “brazillion” и “million”, “billion”, “zillion” (несметное множество). Дж. Буш ориентируется именно на это, принимая прилагательное за числительное.

Для жанра английского политического анекдота характерны длинные истории с неожиданным концом, который и содержит комический эффект. Пример такой истории — о двух премьер-министрах Великобритании:

Gordon Brown is out jogging one morning, notices a little boy on the corner with a box. Curious he runs over to the child and says, 'What's in the box, sonny?' To which the little boy says, 'Kittens. They're brand new kittens.'

Gordon Brown laughs and says, 'What kind of kittens are they?

'Socialists', the child says.

'Oh that's lovely ', Gordon smiles and he runs off.

A couple of days later Gordon is running with his colleague Tony Blair and he spies the same boy with his box just ahead. Gordon says to Tony, 'Watch this.' and they both jog over to the boy with the box.

Gordon says, 'Look in the box, Tony, isn't that cute? Look at those little kittens. Och aye laddie, tell my friend Tony what kind of kittens they are.'

The boy replies, 'They're Tories.'

'What?' Gordon says, 'I jogged by here the other day and you said they were Socialists. What's changed?'

'Well,' the lad says, 'Their eyes are open now.'

(Во время бега трусцой Гордон Браун замечает на углу маленького мальчика с коробкой. Он подбегает к нему и с любопытством спрашивает: «Что у тебя в коробке, сынок?» Мальчик на это отвечает: «Котят. Они только родились».

Гордон Браун смеется и спрашивает: «А что это за котят?»

«Социалисты», — отвечает ребенок.

«О, это замечательно», — говорит Гордон Браун и продолжает свой бег.

Пару дней спустя Гордон бежит трусцой вместе с коллегой Тони Блэром и видит того же самого мальчика с коробкой. Гордон говорит: «Загляни в коробку, Тони, посмотри, какие симпатичные котят! Давай, парень, расскажи моему другу Тони, что это за котят»

Мальчик отвечает: «Они — торы»

«Как? — удивляется Гордон. — В прошлый раз, когда я пробежал мимо, ты сказал, что они — социалисты. Что изменилось?»

«Ну, — говорит парень, — теперь у них глаза открылись»).

В анекдоте обыгрывается двойное значения выражения «глаза открылись» — прямое и переносное. Смысл вполне понятен даже без дополнительных знаний об английской политической системе — он сосредоточен на недоверчивом отношении людей к политическим партиям. Тем не менее, для того, чтобы лучше почувствовать иронию и критику, реципиенту желательно иметь представление о личностях, которые являются героями этой истории, и о политической системе Великобритании. Такие длинные анекдоты требуют и от рассказчика, и от слушателей определенного терпения. Чтобы аудитория не утратила интерес, говорящий должен обладать актерским мастерством и умением удерживать внимание.

В рамках успешной межкультурной коммуникации интересны прежде всего политические анекдоты, существующие на разных языках и при этом не меняющие свой смысл:

Политики и подгузники похожи тем, что и те, и другие надо регулярно менять. Причем по одинаковой причине. [<http://www.inpearls.ru/>].

Этот анекдот есть и в английском варианте (*politicians and diapers*) и, как и в русском, он основан на двояком подразумеваемом смысле: подгузники пачкаются и становятся грязными, и политики тоже.

Таким образом, и в русской, и в английской, и в американской культуре популярно карикатурное изображение политиков и политических проблем в разнообразных формах: в виде объектов политических анекдотов, пародий, политических карикатур. Особенности этих жанров обусловлены национальной спецификой и традициями.

Ирония и юмор в политическом дискурсе обеспечивают более яркое, образное восприятие высказываемых идей и свидетельствуют об умении оратора манипулировать аудиторией, убеждать в своей точке зрения и устанавливать связь между говорящим и слушающим.

Литература

1. Базылев В.Н. Политический дискурс в России. // Политическая лингвистика. Выпуск № 15 / 2005 С.5-32.
2. Горностаева А.А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации. Монография. М.: ИПЦ «Маска», 2013. — 240 с.
3. Дмитриев А.В. Социология юмора. — М.: Издательство РАН, 1996.
4. Иванюшкин А. А. Политический юмор как фактор взаимодействия общества и власти. Дисс. ... канд. полит. наук, Москва, 2006. — 154 с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. — Москва — Волгоград: Перемена, 2000. — 367 с.
6. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Политический анекдот: типы коммуникативных неудач. - М. - Знание, 2002. — 25 с.
7. Bilig M. Laughter and ridicule. Towards a social critique of humour. Nottingham Trent University, Sage Publications, UK, 2005. 273 p.

8. Fialkova L., Yelenevskaya M. In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. Tartu ELM Scholarly Press, 2013. 282 p.
9. Lewis P. Cracking up. American humour in a time of conflict. The University of Chicago Press, 2006. 277 p.

References

1. Bazylev V.N. Politicheskii diskurs v Rossii. // Politicheskaya lingvistika. Vypusk № 15 / 2005 S. 5-32.
2. Gornostayeva A.A. Ironiya kak component angliyskogo stilya kommunikatsii. Monografiya. M.: IPTS "Maska", 2013. – 240 s.
3. Dmitriyev A.V. Sotsiologiya yumora. – M.: Izdatel'stvo RAN, 1996.
4. Ivanyushkin A.A. Politicheskii yumor kak factor vzaimodeystviya obshchestva i vlasti. Diss... kand. polit. nauk, Moskva, 2006. – 154 s.
5. Sheygal Y.I. Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya. – Moskva – Volgograd: Peremena, 2000. – 367 s.
6. Shmelyova Y.Y., Shmelyov A.D. Politicheskii anekdot: tipy kommunikativnykh neudach. – M. – Znaniye, 2002. – 25 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.070

Гречачин В.А.

ORCID: 0000-0002-1595-0995, Аспирант,
Башкирский государственный университет

К ВОПРОСУ О ТОКЕНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Аннотация

Предметом исследования данной статьи являются инструменты обработки естественных языков, необходимые для токенизации текста. В статье рассмотрены NLTK (Natural language toolkit) и регулярные выражения. На конкретном примере рассмотрены возможности этих инструментов. В качестве среды программирования использован язык Python. Кроме того, рассмотрена проблема гибкости инструментов токенизации текста. Анализ возможностей NLTK и регулярных выражений позволил сделать выводы о гибкости рассматриваемых инструментов.

Ключевые слова: токенизация, обработка естественных языков, регулярные выражения, Python.

Grechachin V.A.

ORCID: 0000-0002-1595-0995, Postgraduate student,
Bashkir State University

THE ISSUE OF TEXT TOKENIZATION

Abstract

The research subject of this article are the tools of natural language processing for text tokenization. The article considers NLTK (Natural language toolkit) and regular expressions. A specific example describes the possibilities of these tools. Python used as the programming environment for NLP. In addition, the article describes the problem of the flexibility of tokenization tools of the text. The analysis of possibilities of NLTK and regular expressions allowed us to draw conclusions about the flexibility of the reporting tools.

Keywords: tokenization, natural language processing, regular expressions, Python.

На сегодняшний день существует множество способов токенизировать текст, то есть разбить электронный текст на отдельно значимые единицы для последующей компьютерной обработки этих единиц. Существуют различные программы-токенизаторы, например, Stanford Tokenizer или специальные библиотеки, например, NLTK. Зачастую у разработчиков лингвистических корпусов возникают определенные требования к токенизации текста, которые не способны удовлетворить существующие программы и библиотеки. В данной статье мы будем рассматривать наиболее гибкий инструмент для токенизации текста – регулярные выражения, покажем преимущества этого инструмента.

Для токенизации мы будем использовать компьютер с установленными Python версии 3.4, который обладает встроенными регулярными выражениями, и библиотекой NLTK (Natural Language Toolkit). «NLTK представляет собой набор инструментов для Python, который направлен на работу с естественными языками» [2].

Допустим нам дан текст, который расположен на жестком диске компьютера в виде текстового документа *text.txt*. Перед нами стоит задача разбить этот текст на отдельно значимые единицы, чтобы в дальнейшем обработать и включить этот текст в корпус. *text.txt* содержит следующую последовательность символов:

«Этот мудреный и хлопотливый «случай» (как выражался сам Тоцкий) начался очень давно, лет восемнадцать этак назад. Рядом с одним из богатейших поместий Афанасия Ивановича, в одной из срединных губерний, бедствовал один мелкопоместный и беднейший помещик. Это был человек замечательный по своим непрерывным и анекдотическим неудачам, – один отставной офицер, хорошей дворянской фамилии, и даже в этом отношении почище Тоцкого, некто Филипп Александрович Барашков. Весь задолжавшийся и заложившийся, он успел уже наконец после каторжных, почти мужичьих трудов устроить кое-как свое маленькое хозяйство удовлетворительно». [1] Ф. М. Достоевский «Идиот», 1869 г.

Сперва мы запускаем Python 3.4 и перед нами возникает интерпретатор, куда мы должны вводить команды. Попробуем произвести автоматическую токенизацию с помощью NLTK. Для этого нам нужно ввести серию команд (читатель может воспроизвести все описанное здесь на своем компьютере, установив необходимое ПО, создав текстовый файл *text.txt* в личной папке пользователя и скопировав в него приведенную выше последовательность символов):

```
import nltk, re          #(1)
from nltk import word_tokenize #(2)
f = open("Текст.txt")    #(3)
raw = f.read()           #(4)
tokens = word_tokenize(raw) #(5)
```

Командой (1) мы импортируем в Python библиотеку NLTK и регулярные выражения (*re* – regular expressions), которые пригодятся нам в дальнейшем. В (2) мы импортируем в Python функцию автоматической токенизации *word_tokenize()* из библиотеки NLTK. В (3) мы присваиваем переменной *f* значение для открытия документа *Текст.txt*. Далее, в (4) функция *f.read()* читает содержимое переменной *f* которое мы присваиваем переменной *raw*. Теперь значением переменной *raw* является строка, состоящая из данного текста. В (5) с помощью функции NLTK *word_tokenize(raw)* мы токенизируем текст, а значение, которое получилось после совершения этой операции мы присваиваем переменной *tokens*. Теперь текст представляет собой список. Полученный список состоит из элементов, которые получились в результате деления строки на токены. Теперь мы можем пометить элементы тэгами, подсчитывать элементы, группировать, убирать ненужные и добавлять необходимые. Например, мы можем убрать все неинформативные и стоп-слова просто вычитая их из текста. Для того, чтобы просмотреть элементы списка в доступном человеку виде, вводим в интерпретатор команду *print(tokens)* и получаем содержимое переменной *tokens*:

```
[ '«Этот', 'мудреный', 'и', 'хлопотливый', '«случай», '(', 'как', 'выражался', 'сам', 'Тоцкий', ')', 'начался', 'очень', 'давно', ',', 'лет', 'восемнадцать', 'этаж', 'назад', '.', 'Рядом', 'с', 'одним', 'из', 'богачейших', 'поместий', 'Афанасия', 'Ивановича', ',', 'в', 'одной', 'из', 'срединных', 'губерний', ',', 'бедствовал', 'один', 'мелкопоместный', 'и', 'беднейший', 'помещик', ',', 'Это', 'был', 'человек', 'замечательный', 'по', 'своим', 'беспрерывным', 'и', 'анекдотическим', 'неудачам', ',', '-', 'один', 'отставной', 'офицер', ',', 'хорошей', 'дворянской', 'фамилии', ',', 'и', 'даже', 'в', 'этом', 'отношении', 'почище', 'Тоцкого', ',', 'некто', 'Филипп', 'Александрович', 'Барашков', '.', 'Весь', 'задолжавшийся', 'и', 'заложившийся', ',', 'он', 'успел', 'уже', 'наконец', 'после', 'каторжных', ',', 'почти', 'мужичьих', 'трудов', 'устроить', 'кое-как', 'свое', 'маленькое', 'хозяйство', 'удовлетворительно», '.', '[', '1', ']', 'Ф.', 'М.', 'Достоевский', '«Идиот», ',', '1869', 'г', '']
```

Квадратные скобки показывают, что это список. Внутри кавычек содержатся значения элементов. Каждый элемент обладает индексом, например, нулевой элемент этого списка – '*«Этот»*'. Как мы видим, автоматический токенизатор NLTK полностью не справился со своей задачей. Перечислим ошибки, которые он допустил: '*«Этот»*'; '*«случай»*'; '*удовлетворительно»*'; '*«Идиот»*'; '*г*'; '*!*'. Кроме того, нам может понадобиться токенизировать ссылку *[1]* и *Ф. М. Достоевский* как один элемент, для поиска в тексте авторства, или же токенизировать дату целиком, например, *1869 г.*

Теперь попробуем токенизировать данный текст с помощью регулярных выражений. Возвращаемся к переменной *raw*, которая содержит строку с текстом, в ней мы и будем проводить поиск подстроки. Для этого в интерпретатор Python вводим:

```
Text = re.findall(r'''(?x)
    \w+(?:[-]\w+)          #(1.2)
    |(?:\d+)\s+r+\.        #(1.3)
    |[A-Я]\.[s[A-Я]\.[s[A-Я][a-я]+ #(1.4)
    |[\d+,\d*]              #(1.5)
    |[\<>]                  #(1.6)
    |[-\.\[ ]              #(1.7)
    |S\w*                   #(1.8)
''', raw)                  #(1.9)
```

Все, что находится между тройными кавычками в приведенной выше команде, есть «алгебраические обозначения, необходимые для спецификации набора строк, то есть для создания шаблонов» [1, с.18]. Поясним, что означают использованные нами выражения. С полным списком регулярных выражений можно ознакомиться в книге «Speech and Language Processing» Daniel Jurafsky, James H. Martin.

В (1.1) мы присваиваем значение переменной *Text*, которое получим в результате выполнения функции *re.findall()* на строке *raw*, с помощью регулярных выражений. Результатами поиска будут подстроки, которые станут элементами списка. Далее в скобках функции *re.findall()* мы задаем шаблон. В (1.2) мы ищем слова с дефисами, в нашем случае под этот шаблон попадает местоименное неопределенное наречие *кое-как*. Каждый отдельный шаблон мы разделяем дизъюнктом «*|*». В (1.3) мы ищем даты, извлекая подстроку, содержащую цифровой символ (*\d*), который может повторяться (+), за которым следует пробел (*\s*), после которого идет *г* и точка (*\.*), в нашем случае это *1869 г.* В (1.4) мы извлекаем имена формата *И. О. Фамилия*. Выражение дает команду искать подстроку, содержащую заглавную букву от *A* до *Я*, после которой стоит точка, после идет пробел, после снова заглавная буква от *A* до *Я* с точкой и пробелом, а затем заглавная буква от *A* до *Я*, после которой идет строчная буква от *a* до *я*, которая может повторяться. В (1.5) ищем ссылки в квадратных скобках с указанием страниц и без. В (1.6) ищем все кавычки. В (1.7) тире, точки, запяты. В (1.8) несокращенные слова и цифры – даты, номера, цены и т. д. В (1.9) указываем, что поиск проводим в строке *raw*.

Теперь посмотрим, что у нас получилось с помощью функции *print(Text)*:

print(Text)

['«', 'Этот', 'мудреный', 'и', 'хлопотливый', '«', 'случай', '»', '(', 'как', 'выражался', 'сам', 'Тоцкий', ')', 'начался', 'очень', 'давно', ',', 'лет', 'восемнадцать', 'эта', 'назад', ',', 'Рядом', 'с', 'одним', 'из', 'богатейших', 'поместий', 'Афанасия', 'Ивановича', ',', 'в', 'одной', 'из', 'срединых', 'губерний', ',', 'бедствовал', 'один', 'мелкопоместный', 'и', 'беднейший', 'помещик', ',', 'Это', 'был', 'человек', 'замечательный', 'по', 'своим', 'беспрерывным', 'и', 'анекдотическим', 'неудачам', ',', '—', 'один', 'отставной', 'офицер', ',', 'хорошей', 'дворянской', 'фамилии', ',', 'и', 'даже', 'в', 'этом', 'отношении', 'почище', 'Тоцкого', ',', 'некто', 'Филипп', 'Александрович', 'Барашков', ',', 'Весь', 'задолжавшийся', 'и', 'заложившийся', ',', 'он', 'успел', 'уже', 'наконец', 'после', 'каторжных', ',', 'почти', 'мужичьих', 'трудов', 'устроить', 'кое-как', 'свое', 'маленькое', 'хозяйство', 'удовлетворительно', '», ',', '[1]', 'Ф. М. Достоевский', '«', 'Идиот', '», ',', '1869 г.']

Как мы видим, данный текст токенизирован так, как нам необходимо. Теперь мы можем подсчитать количество всех элементов, отдельных элементов с помощью функции *len()*. Не составит труда построить конкорданс, построить график частотного распределения слов с помощью *nlTK.FreqDist()*. Кроме того, теперь мы можем создать словарь слов текста с помощью функций *set()* и *sorted()*. Таким образом текст готов для дальнейших процедур NLP.

Литература

1. Jurafsky, D. Speech and Language Processing / D. Jurafsky, J. H. Martin. — 2nd edition. — New Jersey: Prentice Hall, 2008. — 1024 p.
2. Natural Language Processing with Python [Электронный ресурс] URL: <http://www.nltk.org/book/ch00.html> (дата обращения 13.05.2016).

References

1. Jurafsky, D. Speech and Language Processing / D. Jurafsky, J. H. Martin. — 2nd edition. — New Jersey: Prentice Hall, 2008. — 1024 p.
2. Natural Language Processing with Python [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.nltk.org/book/ch00.html> (data obrashhenija 13.05.2016).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.079

Дружинин А.С.¹, Песина С.А.²

¹Кандидат филологических наук, кафедра английского языка № 1
МГИМО (У) МИД России

²Доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор,
МГТУ им. Г.И. Носова

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ПЕРФЕКТНЫХ» ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В данной статье читателю предлагается взглянуть на перфектные видо-временные формы английской грамматики в ракурсе биокогнитивной концепции языка и прототипического подхода к семантике. Автор предпринимает попытку сформулировать семантические репрезентации данных глагольных форм, которые отражают их ориентирующее воздействие на субъектов речи в процессе коммуникации, а также способствуют лучшему пониманию особенностей их значения и функционирования в практике обучения.

Ключевые слова: биокогнитивная семантика, перфектные формы, видо-временные глагольные формы, когнитивный подход.

Druzhinin A.S.¹, Pesina S.A.²

¹PhD in Linguistics, 1st English Department, MGIMO University

²PhD in Linguistics, PhD in Philosophy, Professor, MG TU named after G. I. Nosov

COGNITIVE INTERPRETATION OF ENGLISH “PERFECT” ASPECT-TENSE FORMS

Abstract

The article offers a cognitive subject-oriented perspective on English perfect tense forms. The author endeavors to define and formulate their semantic representations which are supposed to meet three prime objectives, namely to 1) reflect the orientation effect used by a language user in the process of speech production as coordination of his/her own interactions; 2) interpret the meaningful content and mental imaging associated in the subject's mind with this grammar form; 3) serve as an auxiliary technique in understanding and explaining English grammar for various teaching and learning purposes.

Keywords: biocognitive semantics, perfect forms, aspect-tense forms, cognitive approach.

The hypotheses of bio-cognitive semantics and formulated principles of the subject's cognitive accumulation of grammar knowledge in the language environment they socialize imply that we should not trap ourselves in a vicious circle of independently existing forms and structures named ‘items of grammar’ [1,2,4]. Hence, all that impels us to look at the so-called perfect forms from the point of view of language routine and its semiotic value, in other words, make an attempt at identifying the semantic representation which is lodged in people's minds by the language form.

In the first place, to understand the true nature of languaging the idea of ‘perfection’ (we will challenge this term later on) we should pay attention to the sense-bearing peculiarity of recurrent ‘have+done’ usage. In fact, we all take it for granted that the idea of *knowing*, for example, can be expressed in English with the help of the verb *learn*, only somehow formally

modified. It is also the case with *be friends* and *make friends*. Examples are many. Indeed, the conventional semantic equation would look like:

know = have learnt

be friends = have made friends

In point of fact, it is subconsciously felt that the discourse meanings of the forms appear to be practically similar. A slight difference consists in the fact that the second form represents not simply knowing but something that a subject *has* after learning (*learnt*), or not simply being friends but a friendship which one *has* after making it (*made*). It turns out that English speakers have a language routine of expressing such a specific relation in time (*have-had-will have*) and space (the idea of having a *completion* of some action or state) that helps them more precisely describe the fragment of reality as they perceive it. In other words, they look at what they see in different aspects and refer to the notions of individual observation (existing in a specified position of doing), general knowledge and understanding (indefinite occurrences and facts) or 'possession of eventive accomplishments' (having accomplished events). That is why in English we deal with aspectuals or aspect forms *be doing*, *do*, *have done*, which also finds its manifestation in other languages through different linguistic means (e.g. the category of aspect in Russian).

'*Possession of eventive accomplishments*' is a suggested definition which, from our point of view, seems to embrace the semantics of *have done* forms or possessive constructions. In simpler words, the speaker refers to having, or encompassing something already completed. Taking cognition-based explanation into account, we could reach the conclusion that this possessive construction represents the fact that the subject **has/had/will have something in their spatial domain of perception which is left after** an action or state, i.e. signs or results of something completed expressed in the participial form of a verb.³

This approach comes into collision with the traditional interpretation dictating that 'present perfect denotes a past action at an unspecified time connected with the present' or whatever. First, conceptually this construction does not refer to an action. Second, it can never refer to the past. Only after realizing and recognizing this (even purely semantic, not that it is cognitive) factor will learners and teachers be able to enhance an understanding of this grammar phenomenon and cope with numerous delusion-related mistakes in its usage.

Discussing the theory of designation and indexation in connection with time reference, A. Kravchenko maintains, and we fully agree, that present is what constitutes the fragment of actuality sensually perceived by the subject (from Latin *praesent*, *prae* before, *esse* be, e.g. presumably meaning *which is before*) [4]. I would add on my part that this fragment appears as something the subject feels their presence in. Respectively, past is what '*past us*' or behind our senses and can be spatially 'pointed to' with the help of the index 'then'. Here are a few pairs of contrasted discourse situations exemplifying the underlying difference between present and past grammar forms frequently confused due to their typical structure-bound misinterpretation:

He is very sensitive. I have discovered that. =

I *have something left after discovering* that. =

I have a discovery of that. =

I know it now.

He is very sensitive. I discovered that. =

That discovery happened to me, I remember.

You look different! Did you get a haircut or something? =

Did *getting a haircut* happen to you [then]?

? You look different! Have you got a haircut or something? =

Do you have: a haircut [now]?

The presented view of the idea of possessiveness left after an action or state seems to serve as a more efficient explanatory guide for all those who struggle with English grammar. At least, the cited interpretation models testify to a more transparent vision of the orientation effect the speaker intends to make on the addressee. Such an approach to perfect forms calls for a more justifiable term, which could help define the essence of this language phenomenon in a more plausible way. We would propose 'possessive constructions' focusing on the semantics of the no-meaningless '*have*' rather than the participle of the verb, which has so dangerously misguided many grammarians into the idea of 'perfection' highlighted in the traditional term.

The meaning of possession and having can be metaphorically transferred to the idea of inclusion or presence in the fragment of reality described:

It has been an interesting interview, thank you.

I have had a hard day.

I haven't had a meal this morning.

The discourse meaning of encompassing the interview, today's hard day and this morning's meal is down to the speaker's sense of presence in them as part of their valid experience of having these spatial phenomena (*been*, *had*) in their domain of perception. The validity of experience gained by the subject in question can also trigger a rethink towards the idea of possession:

(On CV) I have worked at a university in Madrid.

³ By way of hypothesis to be later discussed and tested, we would assume that the given description seems to echo the psychonomic understanding of **awareness**, in which an observer consciously sees the stimulus and is able to 'make force-choice decisions above a chance level of performance' [5]. The psychological notion of stimulus in this case might be interpreted from the subject's perspective of signs, evidence and possible 'left-overs' representing a completed occurrence.

I have lived in Moscow, I know what it feels like.

A much more commonly found discourse situation where the speaker chooses to describe the act of having valid experience is that in which reference is made to a stretch of the subject's memory. In other words, the speaker claims that the perception of the described state of affairs embraces (encompasses) a period of time:

I have lived in Moscow for 5 years. =

I have: a 5-year [experience of] life in Moscow.

In relation to the sphere of the past, the presented interpretation pattern seems to prove its efficiency in cases when the traditional explication gives mixed messages. Particularly, the well-known 'action preceding another past action' goes beyond any understanding in the following examples:

He started reading. An hour later he had read 20 pages.

Before they had walked a mile, he took off his jacket.

He began apologizing before I had paid the driver.

He decided to wait until he had talked to the manager.

In essence, the dogma is predictably leading one astray as it stems from the idea of 'perfection' and 'before-occurrence' with the focus on the surface semantics of the participle. The clue about the reasons behind the choice of the verbs in these sentences lies in modeling the subject's perception and their 'spatial possession' (awareness of having something after a completed action) within it as identified in the possessive constructions:

He started reading. An hour later he had read 20 pages. =

An hour later he had 20 pages [in mind] =

He was aware of 20 pages of his reading.

Before they had walked a mile, he took off his jacket. =

Before they had a mile of walking, he took off his jacket. =

They were not aware of a mile's walk when he took off his jacket.

He began apologizing before I had paid the driver.

He began apologizing before the driver had my payment. =

He began apologizing when the driver did not have (wasn't aware of) my payment yet.

He decided to wait until he had talked to the manager. =

He decided to wait until he had a complete talk with the manager. =

He decided to wait until the manager was aware of him [after talking].

As a brief summary of the chapter we would sketch out the main points of the suggested approach to the so-called perfect forms:

- 1) perfect forms are possessive grammar constructions representing a subject's vision of time-space relation;
- 2) by using grammatical possessives the subject refers to encompassing the eventuation of an action or state in their spatio-temporal domain of perception;
- 3) the idea of having what is left after an event could be understood as the subject's present, past or future (according to the temporal point specified) awareness of some spatial change.

References

1. Druzhinin A. S. Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrafaktivnykh grammaticeskikh konstruksij v amerikanskom predvybornom diskurse 2000-2012 gg.: diss. ... kand. filol. n. / A. S. Druzhinin. – M.: 2014. – 181 S.
2. Druzhinin A. S. O statuse soslagatel'nogo nakloneniya v anglijskom yazyke v svete kognitivnoj lingvistiki / A. S. Druzhinin // Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki. – Tambov: "Gramota", 2012. – № 2 (13). – S. 62–65.
3. Druzhinin A. S. Znakovaya sushhnost' grammaticeskoi konstruksii / A.S. Druzhinin // Vestnik MGIMO–Universiteta. – 2012. – № 5. – S. 210–214.
4. Kravchenko A. V. Teoriya ukazatel'nosti: ehgotsentrichnost', dejktichnost', indeksal'nost' / A. V. Kravchenko. – Irkutsk: izd-vo Irkutskogo universiteta, 1992. – 210 S.
5. Merikle, M. P. Toward a definition of awareness / Philip M. Merikle // Bulletin of the Psychonomic Society, 1984. - Volume 22, Issue 5. – pp. 449-450
6. Novikov, D. N. K biokognitivnym osnovaniyam leksicheskoi semantiki: Tak gde zhe zhivut slova i ikh znacheniya? [Tekst] / D.N. Novikov // Vestnik MGLU, 2009. – № 571. – S. 101–114.
7. Pesina. S. A. Reprezentacija slov v leksikone / S.A.Pesina // Mezhdunarodnyj kongress : sb. mat-lov ; M-vo obr. i nauki RF, In-t jazykoznanija Ros. Akademii nauk, Tamb. gos. Un-t, Rossijskaja asociacija lingvistov-kognitologov. Tambov : Izdatel'skij dom TGU, 2010. S. 121-123.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.050

Дружинин А.С.

Кандидат филологических наук, кафедра английского языка № 1, МГИМО (У) МИД России
**ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП КОНСТРУКЦИЙ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ
 АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация

В данной статье читателю предлагается взглянуть на конструкции сослагательного наклонения английской грамматики в ракурсе биокогнитивной концепции языка и прототипического подхода к семантике. Автором выдвигается гипотеза о системном значении или грамматическом прототипе «супрареальности», лежащей в основе категории сослагательного наклонения английского языка.

Ключевые слова: биокогнитивная семантика, сослагательное наклонение, супрареальность, грамматический прототип.

Druzhinin A.S.

PhD in Philology, 1st English Department, MGIMO University
GRAMMAR PROTOTYPE OF THE ENGLISH SUBJUNCTIVE

Abstract

Subjunctive Mood is one of the few language phenomena which has been repeatedly targeted by a surprising variety of structural, semantic, functional, pragmatic and logical interpretations. This article offers the reader a new look at English Subjunctive within the biocognitive conception of language and prototype approach to semantics. The author propounds a hypothesis of suprareality as a cognitive structure underlying the category of Subjunctive of the English language.

Keywords: biocognitive semantics, subjunctive mood, suprareality, grammatical prototype.

В современной лингвистической парадигме анализ явлений языка и речи с позиции когнитивного подхода, в фокусе которого оказывается работа сознания индивида, представляет собой чрезвычайно актуальное направление. Именно данный подход позволяет открыть новые грани в явлениях, неоднократно исследованных в рамках более традиционных направлений лингвистической мысли. Одним из таких явлений в английском языке представляется категория сослагательного наклонения, которая с завидной регулярностью подвергалась изучению со стороны приверженцев структурализма и функционализма, однако при этом так и осталась противоречивой загадкой для лингвистов.

Принципиальное отличие новой парадигмы знаний заключается в акценте не на сам язык как самостоятельное «стихийное» явление, а на языковую личность: язык есть особая и неотъемлемая биологическая способность человека как живого организма, обладающего ВНД, т.е. сознанием, функция которой – адекватная адаптация к изменяющейся внешней среде. Будучи существом социокультурным, человек в процессе жизнедеятельности накапливает жизненный и языковой опыт в виде знаний об окружающем мире и языке. Тем самым, в процессе социализации формируя тезаурус в виде понятий, образов и представлений и накапливая лексикон в виде графических и звуковых образов слов и знаний их сочетаемости, человек как субъект восприятия постепенно овладевает умениями и навыками правильно ассоциировать форму с содержанием в нужной ситуации для осуществления речевой деятельности. Другими словами, в процессе жизнедеятельности языковой личностью накапливаются знания об окружающем мире в виде когнитивных структур, а также о том, как их опосредовать с помощью языка. Данный опыт позволяет индивиду адекватно адаптироваться к внешнему миру, так как языковое описание им любой ментальной сущности нацелено на понимание со стороны адресата, что приводит к необходимой координации поведения участников коммуникации в постоянно меняющемся пространстве.

С этой точки зрения, грамматика языка есть не что иное, как знания индивида о способах оформления языковых описаний для оказания нужного ориентирующего воздействия на адресата. Условными единицами такого языкового опыта можно считать грамматические конструкции как усвоенную сознанием модель материализации определенного ориентирующего смысла. Конструкции сослагательного наклонения являются подобными гносеологическими ориентирами для языковой личности.

Для того, чтобы раскрыть истинную сущность ориентирующего воздействия конструкций сослагательного наклонения и описать содержательный образ, ассоциируемый в сознании с данными языковыми формами, на наш взгляд, в первую очередь необходимо обратиться к принципам когнитивной семантики. Выводы психолингвистов, нейролингвистов и нейрофизиологов об особенностях работы человеческого мозга и функциональных свойствах памяти (см. работы Н. П. Бухтеревой, А. А. Леонтьева, Т. В. Черниговской, Р. А. Лурии, И. А. Зимней, Э. Рош) заставили по-новому взглянуть на природу языкового значения. В частности, мощное развитие получила теория прототипов применительно к категориям ментального пространства человека, формирующимся в процессе познания (категоризации) окружающей действительности на основе (первоначального) схватывания лишь самых ярких, наиболее репрезентативных, поэтому важных и существенных для жизни (т.е. знаковых, имеющих значение) признаков того или иного явления или объекта, которые фиксируются в памяти в виде отдельного понятия или представления о чем-то. Подобным путем (с онтологической точки зрения – параллельно) происходит познание человеком окружающей его языковой среды, в процессе которого накапливается опыт ментальных ассоциаций образов содержания (понятий, представлений) с образом формы (графической и фонетической оболочками слова) для адекватного и эффективного взаимоописания. Эти знаковые слияния в сознании человека можно назвать тем самым значением слова (образа формы), имеющим характер системности, прототипичности и ядерности. Попытки сформулировать данные номинативно-непроизводные языковые значения лексем из всех многочисленных речевых смыслов слов, реализуемых ими в разнообразных комбинациях в различных ситуациях дискурса, были предприняты представителями теории лексических прототипов петербургской языковой школы на примерах полисемантов и

широкозначных слов («слова грамматических комбинаций», так называемые вспомогательные глаголы) (см. труды И. К. Архипова, Д. Н. Новикова, С. А. Песиной, Е. И. Малютиной).

В результате когнитивной-семантического анализа семантики *would* [3, 4] на основе современных лексикографических источников было сформулировано прототипическое значение *the image of the image of after-now*, однако, как отмечает А. В. Кравченко в «Теории указательности», увлеченность так называемыми эгоцентриками *now*, *after-now*, *before-now* приводит к отождествлению референта слова *now* с моментом речи, что не отражает объективность воспринимаемой действительности [Кравченко, 1994], а передает лишь поверхностно семантическую структуру грамматического времени. С этим утверждением сложно не согласиться, ведь предложение *I was in bed now* вряд ли может ориентировать субъекта восприятия на непосредственное настоящее. Исходя из этого, формулировку *after-now* целесообразно перефразировать в *yet to come*, что лучше отражает позицию наблюдателя (а не только говорящего, который произносит высказывания относительно себя только в настоящем, отсюда и смешение грамматического и наблюдаемого/описываемого «момента речи»). Словосочетание «образ в образе» отражает своеобразное сочетание двух образов – образа будущего, предстоящего, «волевого забега вперед» (*will*), и образа прошлого как наблюдаемого пункта, точки отсчета для подобного «забегания». Получившийся «метаобраз предстоящего», на наш взгляд, весьма адекватно и небеспопечно можно описать как «воображение о предстоящем» (*imagination of yet to come*).

Тем не менее, наряду с *would* конструкции сослагательного наклонения охватывают также формы прошедшего времени (*If it were true*), которые, кажется, не ссылают субъекта на предстоящее, а лишь дополняют картину воображения, вводят распространенное описание (*If it were true, I would be happy*). Соответственно, есть основания полагать, что мы имеем дело со своего рода воображаемой действительностью, целой реальностью, которую субъект рисует в сознании как альтернативу актуально воспринимаемой. Эта действительность как будто бы «надстраивается» в сознании наблюдателя над образами непосредственно наблюдаемого и предстает в качестве мыслительной переработки существующего, существовавшего и осуществимого. В качестве рабочего термина для данной ментальной «надстройки» можно предложить название **супрареальность** (*supra* от лат. «над»). Гипотеза о том, что образ супрареальности является системным значением (грамматическим прототипом) КК, позволяет ответить на вопрос о том, чем «оперирует» сознание говорящего в ситуации оязыковывания форм «сослагательности», какое желаемое ориентирующее воздействие оказывается на адресата и какова координация внимания наблюдателя:

Would you mind if I took your picture? =

In suprareality: *Is it to come that you mind if I take your picture?* =

В супрареальности (как будто бы в реальности): предстоит, что вы возражаете, если я возьму вашу фотографию?

Из примера очевидно, что говорящий ориентирует внимание адресата на супрареальную ситуацию, в которой он позиционируется как наблюдатель, вольный (*will*) принимать то или иное решение при заданном условии (*if*), при этом актуальное пространство адресата остается не затронутым, что помогает ему воспринимать просьбу как ненавязчивое, осторожное гипотетическое предположение с прагматическим оттенком вежливости.

Предложенная схема содержательного компонента категории супрареальности является попыткой представить новый взгляд на когнитивную природу так называемого явления «сослагательности», с акцентом на восприятие познающим субъектом окружающей действительности и интерпретации наблюдателей языковых репрезентаций. Выражая события в собственной, своей реальности, субъект ориентирует коммуниканта на различные виды действий, зависящие от прагматических установок (просьба, выражения желания, оправдание и т.д.). Представление супрареальности как мыслимой действительности в воображении говорящего – есть знаковая основа конструкций *would+Inf* в сочетании с формами прошедшего времени глагола.

Литература

1. Архипов И. К. Язык и языковая личность [Текст] / И. К. Архипов. – СПб: ООО «Книжный дом», 2008. – 248 с.
2. Дружинин А. С. Когнитивно-прагматические особенности контрафактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе 2000-2012 гг.: дисс. ... канд. филол. н. / А. С. Дружинин. – М.: 2014. – 181 С.
3. Дружинин А. С. О статусе сослагательного наклонения в английском языке в свете когнитивной лингвистики / А. С. Дружинин // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов: «Грамота», 2012. – № 2 (13). – С. 62–65.
4. Дружинин А. С. Знаковая сущность грамматической конструкции / А. С. Дружинин // Вестник МГИМО– Университета. – 2012. – № 5. – С. 210–214.
5. Кравченко А. В. Теория указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск: изд-во Иркутского университета, 1992. – 210 С.
6. Новиков, Д. Н. К биокогнитивным основаниям лексической семантики: Так где же живут слова и их значения? [Текст] / Д. Н. Новиков // Вестник МГЛУ, 2009. – № 571. – С. 101–114.

References

1. Arkhipov I. K. Yazyk i yazykovaya lichnost' [Tekst] / I. K. Arkhipov. – SPb: OOO «Knizhnyj dom», 2008. – 248 s.
2. Druzhinin A. S. Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrafaktivnykh grammaticheskikh konstruktсий v amerikanskome predvybornom diskurse 2000-2012 gg.: diss. ... kand. filol. n. / A. S. Druzhinin. – M.: 2014. – 181 S.
3. Druzhinin A. S. O statuse soslagatel'nogo nakloneniya v anglijskom yazyke v svete kognitivnoj lingvistiki / A. S. Druzhinin // Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki. – Tambov: "Gramota", 2012. – № 2 (13). – S. 62–65.
4. Druzhinin A. S. Znakovaya sushhnost' grammaticheskoy konstruktсии / A. S. Druzhinin // Vestnik MGIMO– Universiteta. – 2012. – № 5. – S. 210–214.
5. Kravchenko A. V. Teoriya ukazatel'nosti: ehgotsentrichnost', dejktichnost', indeksal'nost' / A. V. Kravchenko. – Irkutsk: izd-vo Irkutskogo universiteta, 1992. – 210 S.
6. Novikov, D. N. K biokognitivnym osnovaniyam leksicheskoy semantiki: Tak gde zhe zhivut slova i ikh znacheniya? [Tekst] / D. N. Novikov // Vestnik MGLU, 2009. – № 571. – S. 101–114.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.098

Ершова А.А.

Аспирант,

Казанский федеральный университет

КАЗАНСКИЙ ПЕДАГОГ ЯКИМ АЛЕКСАНДРОВ – КРИТИК ТВОРЧЕСТВА А.П. ЧЕХОВА**Аннотация**

В статье рассматриваются вопросы рецепции личности и творчества А.П. Чехова казанским педагогом первой половины XX века Якимом Александровым. Анализируются отдельные аспекты преподавания литературы в казанской гимназии. Актуализируются конкретные моменты восприятия художественных произведений писателя критиком, что является примером того, что в Казани к А.П. Чехову был неподдельный интерес различных слоев населения: от рядового читателя до профессиональных литературных критиков.

Ключевые слова: рецепция, Чехов, Александров, Казань, критика.

Ershova A.A.

Postgraduate,

Kazan Federal University

KAZAN TEACHER YAKIM ALEXANDROV – CRITIC OF CHEKHOV A.P.**Abstract**

The reception of the Chekhov's person and works by Kazan teacher of the first half of XX century Yakim Alexandrov is considered in article. Analyze individual aspects of teaching literature in Kazan gymnasium. Actualizes specific points of perception of writer's literary works. This is an example of the fact that in Kazan was a genuine interest to Chekhov in the various sectors of the population: from the ordinary reader to professional literary critics.

Keywords: reception, Chekhov, Alexandrov, Kazan, criticism.

Казань начала XX века занимала одно из центральных мест в культурном пространстве России. В городе было несколько профессиональных театров, включая старейший казанский Городской театр, в стенах которого начал свой творческий путь актер Василий Иванович Качалов. Развивались и театр любительский, и кинематограф. Выходило в свет несколько периодических изданий, крупнейших в Поволжье, таких как «Казанский телеграф», «Камско-Волжская речь», «Казанский вечер», «Казань», «Казанское слово» и др. В настоящее время именно газеты являются бесценным источником информации по вопросам, касающимся театра и литературы.

На страницах казанских газет регулярно публиковались материалы, освещающие те или иные аспекты культурной жизни города. Помимо критических статей профессиональных критиков, таких как А. Уманский, Н.Ф. Юшков, В. Самсонов, печатались и отклики Якима Александрова, учителя с активной гражданской позицией, уважаемого в Казани педагога, поднимающего в публикациях проблемные вопросы образования и литературы, культуры и искусства.

Я.А. Александров родился 8.09.1877 года. Это был человек, прошедший долгий путь к получению образования и имевший большой и разнообразный опыт преподавания, отмечает в своей статье Т.А. Магсумов [7, С. 117].

Я.А. Александров был инспектором Казанской торговой школы со дня ее основания (1910 год), там же он преподавал русский язык и коммерческую географию. Параллельно с основной работой он преподавал в частной женской гимназии Л.П. Шумковой. К сожалению, в 1913 году он тяжело заболел, по этой причине в 1914 году был вынужден уйти из гимназии, где проработал десять лет.

В 1915 году газета «Камско-Волжская речь» сообщала, что 22 февраля гимназия Л.П. Шумковой чествовала своего бывшего преподавателя словесности и педагогики Я.А. Александрова. На квартиру к педагогу пришел педагогический персонал гимназии, ученицы и представители Общества вспомоществования бедным ученицам гимназии, которое Я.А. Александров организовал и был там долгое время секретарем правления. Представители педагогического персонала А.Р. Овчинников, А.П. Бунина и М.П. Маркачев прочитали заранее подготовленные слова. Примечательны следующие: «На своем учительском знамени Вы ярко начертали прекрасный девиз: «Настоящее счастье детей – основа будущего счастья, счастья взрослых людей». И Вы всеми силами творили это настоящее детское счастье на Ваших уроках, научно-литературных чтениях, литературно-музыкальных вечерах, в образовательных прогулках и путешествиях.

В Вашу творческую работу постоянно проникало сознание, что Вы воспитываете «женщину, главную воспитательницу человека», это особенно сильно сказалось на Ваших литературных беседах, рефератах и педагогических конференциях» [5].

Действительно, Я.А. Александров был учителем творческим, уделяющим огромное внимание заботе о душе подрастающего поколения, о нравственности. Он видел в своей работе глубокое предназначение и стремился к тому, чтобы воспитать достойное поколение. Оценки за знания при этом не играли первостепенной роли, гораздо важнее было духовное развитие учеников.

Я.А. Александрову по его мировосприятию и мировоззрению из русских писателей был, очевидно, близок А.П. Чехов. Это можно понять, исходя из многочисленных публикаций Я.А. Александрова на страницах казанских газет. Писал почтенный казанский учитель не только собственно о литературе, но и о различных аспектах так или иначе связанных с жизнью писателя или с его художественным наследием, Я.А. Александров был также активным зрителем казанского Городского театра, что также можно проследить по его публикациям.

В 1912 году в газете «Камско-волжская речь» было опубликовано несколько обширных материалов, посвященных чахотке и борьбе с этим заболеванием. Цикл статей был приурочен ко дню «Белого цветка» (в 1912 году проводился первый раз – 20 апреля), который был посвящен широкой пропаганде общественной борьбы с чахоткой. Этот день отмечался не только в России, но и в других странах (Португалия, Швеция, США и др.). В нашей стране

«туберкулезный» день был учрежден Всероссийской лигой для борьбы с туберкулезом по инициативе доктора А.А. Владимирова (Петербург). Я.А. Александров не остался в стороне от данной проблемы, касающейся и русских писателей. Для № 100 газеты «Камско-волжская речь» он готовит статью «Чехотка в жизни русских писателей». Вот что пишет Я.А. Александров об А.П. Чехове: «Чехов, милый, близкий нам Чехов, которого русские читатели любили исключительной, нежной любовью. Оба они (*Белинский и Чехов. Прим. Еришова А.А.*) выхвачены из жизни страшным недугом – чехоткой, не успев передать нам своего великого душевного богатства: глубоких мыслей, гуманных чувствований, изящных настроений. Один не дождался великого освобождения рабов, другой – первого русского парламента; а как бы они радовались вместе с живущими свидетелями первых дней свободы!..» [3]. Здесь важны не столько слова о борьбе с чехоткой, сколько рецепция творчества и личности А.П. Чехова незаурядным казанским учителем. Действительно, Я.А. Александров по-особенному относится к А.П. Чехову, считая писателя глубоко мыслящим человеком, высоконравственным. Более того, он не возносит писателя до недостижимых высот, а, наоборот, ставит его в один ряд со всеми жителями России, вместе с которыми А.П. Чехов радовался бы. Для педагога писатели – это люди, служащие на благо общества, призванные сделать жизнь лучше, духовно чище. Я.А. Александров с сожалением отмечает, что много талантливых писателей и критиков погубила чехотка. Одну из причин ее возникновения он видит в условиях жизни русских писателей, которые редко бывают благополучными. Писателям приходится «гибнуть в погоне за куском хлеба», но корень зла учитель видит в том, что народ не понимает необходимости борьбы с чехоткой. Только когда народ осознает это, можно будет что-то изменить.

В десятилетия XX века в Казани стали популярны спектакли-лекции. Можно предположить, что идея такого рода вполне могла принадлежать учителю-энтузиасту Я.А. Александрову. Тем более, именно он часто выступал в роли лектора перед спектаклями. Так, перед юбилейным спектаклем в Новом клубе в Казани в день десятилетней постановки «Вишневого сада» 14 января 1914 года Я.А. Александров прочел лекцию «Именины А.П. Чехова», текст которой был опубликован накануне в газете «Камско-Волжская речь» [1], а позже попал в интересную книгу, выпущенную типографией Я.Н. Подземского и собранную из публикаций Я.А. Александрова [4, С. 27–39].

Я.А. Александров в своей лекции рассказал слушателям о Московском художественном театре, о работе с ним А.П. Чехова, о тонкой и чувствительной душе писателя.

После спектакля-лекции вышла в печать заметка, в которой В.С. (В. Самсонов) написал положительный отзыв о лекции и спектакле: «Перед началом спектакля Я.А. Александров произнес глубоко-прочувственное слово, посвященное памяти А.П. Чехова, как писателя и человека. Многочисленная публика наградила лектора шумными, долго не смолкавшими аплодисментами» [6]. Небольшая рецензия В. Самсонова позволяет сделать вывод о том, что Яким Александров (да и не только он, но и казанская публика в целом) относился к А.П. Чехову не только как к создателю талантливых художественных произведений, но и как к человеку, такому же, как и все остальные.

Спектакли-лекции необычайно любопытное явление для литературной Казани десятилетия XX века, да и в целом для театра. Они носили просветительскую функцию. Зритель не просто шел в театр на тот или иной спектакль, но знакомился с некоторыми аспектами создания пьесы или с отдельными моментами биографии писателя. Идея предположительно состояла в том, чтобы зритель имел возможность глубже понять пьесу, замысел автора, проникнуться атмосферой театра и литературы.

Театр всегда волновал ум Я.А. Александрова, и не только казанский. Например, в феврале 1914 года он пишет большой материал о Московском художественном театре, называя его «Домом Чехова», который в короткое время вырос в крупное культурно-общественное явление. Особо отмечает постановку «Чайки» А.П. Чехова [2].

Интересно, что в ходе исследовательской работы не были обнаружены афиши и объявления, свидетельствующие о том, когда В.Ф. Комиссаржевская играла в чеховских спектаклях на казанской сцене. Но сохранилось уникальное издание Я.А. Александрова «Чайка русской сцены», на страницах которого автор вспоминает спектакль «Дядя Ваня» на сцене казанского Городского театра, в котором ему удалось видеть чудесную игру В.Ф. Комиссаржевской: «Пишущему эти строки никогда не забыть заключительной сцены «Дяди Вани». Среди тишины, благоговейно охраняемой зрительным залом, ставшим на этот момент храмом любви и милосердия и страдания, слышится чарующий, дивный голос Сони Комиссаржевской. Ничего подобного после не пришлось слышать. Такого голоса у обыкновенных людей не бывает... Слезы, очищающие, хорошие слезы, застилали глаза...» [4, С. 9].

Стоит сказать, что Я.А. Александров подчеркивает гениальность В.Ф. Комиссаржевской именно в контексте пьес А.П. Чехова. Вот, например, еще один фрагмент: «Белая, прекрасная Чайка, носясь над морем Жизни, она залетала и в наш город – рассказать нам о царстве Мечты, о стране Идеала, об исканиях Ибсена и Метерлинка, о слезах Чехова и страданиях своего сердца, исполненного любовью к людям и миру» [4, С.5]. Я.А. Александров отмечает, что не всегда казанский зритель понимал артистку, не всегда слушал ее. А в последний раз она была в Казани летом 1909 года. А Я.А. Александрову также вспоминается ее роль в «Чайке» на казанской сцене: «вспоминается худенькая девушка, с бледным личиком, с большими страдальческими глазами. Речь трепетная, идущая к сердцу. «Я – Чайка!.. И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам!»» Я.А. Александров подчеркивает, что в этой роли передана жизнь самой В.Ф. Комиссаржевской «ее скитания, нимб славы и внезапное исчезновение в темноту» [4, С. 8].

В газете Камско-Волжская речь был опубликован фельетон «Трагедия маленького человека» за подписью «Преподаватель». Автором фельетона вполне мог быть Я.А. Александров. К такому предположению мы приходим, проанализировав использованные лексические и синтаксические средств языка, характерные для публицистических материалов Я.А. Александрова; также в тексте фельетона присутствуют ремарки к творчеству А.П. Чехова, одного из любимых писателей Якима Александрова; характер содержания фельетона: начинается с описания жизни одного конкретного преподавателя – автора, а потом как будто превращается в абстрактный рассказ о случае из жизни учителя.

Учитель из фельетона идейный преподаватель: «детей не «учить» надо, а с детьми надо жить. Жить миром их интересов, знать их душу...» [8]. Это так похоже на отношение к своей работе Я.А. Александрова, считавшего, что душа важнее, чем уроки грамотности, что на учителя возложена важная миссия – воспитать Человека. Преподаватель

пишет, что он работал в женской гимназии, Я.А. Александров тоже работал в женской гимназии и все отмечали его талант в воспитании девочек, что же пишет автор фельетона: «Ведь девочки – тоже дети; ведь они тоже требуют ласки, дружбы, теплого слова?!» [8]. Автор приводит в качестве примера ситуацию неловкую, когда его доброе отношение к ученицам восприняли как нечто грязное и низменное. Конечно, это возмутило педагога.

Что касается «намёков» на А.П. Чехова, то появляются они в рамках разговора о методах преподавания в гимназии, вот что пишет автор фельетона об учителях, преподающих без души: «Посмотришь, закупорился человек в свой футляр, отгородился от детей прочной стеной «принятой корректности» и пошел верным путем к «статскому» и теплому местечку или кресту. Все-то считают его «почтенным», серьезным и даже дельным, что с того, что от него детские души замкнулись, ушли в себя, что он их не понимает, не знает. Было бы все «как следует» [8]. Здесь внимательный читатель видит явные чеховские мотивы – футлярность человека, закрывшегося от всего мира и пытающегося жить по жестким правилам, которые кажутся ему единственно верными.

Есть еще один важный момент в рассматриваемом нами фельетоне –

ученица задает преподавателю вопрос о герое драмы А.П. Чехова «Иванов», а это значит, что уже в 1911 году в Казани ученицы одной из женских гимназий читали чеховского «Иванова». И, конечно, предполагаем, что именно Я.А. Александров мог быть тем самым учителем, предложившим читать «Иванова» в гимназии.

Итак, Яким Александров был педагогом с высоконравственными взглядами на воспитание подрастающего поколения, преданным читателем книг А.П. Чехова и почитателем таланта писателя. Публикации Я.А. Александрова позволяют проследить специфику восприятия личности и творчества А.П. Чехова казанским читателем и зрителем.

Литература

1. Александров Яким. Именины А.П. Чехова. *Отрывки из лекции перед сегодняшним юбилейным спектаклем в Новом театре // Камско-Волжская речь. – Казань, 1914. – № 13.
2. Александров Яким. Московский художественный театр // Камско-Волжская речь. – Казань, 1914. – № 29.
3. Александров Я. Чахотка в жизни русских писателей // Камско-Волжская речь. – Казань, 1912. – № 100.
4. Александров Я.А. Чайка русской сцены. Театрально-литературные очерки. Страницы из истории культурных исканий и лучших порывов. – Казань. Типография Я.Н. Подземского, 1914. – С. 27 – 39.
5. БП. В гимназии Л.П. Шумковой // Камско-Волжская речь. – Казань, 1915. – № 47.
6. В.С. (В.Самсонов) Театр и музыка. О вечере памяти А.П. Чехова // Камско-Волжская речь. – Казань, 1914. – № 15.
7. Магсумов Т.А. Я.А. Александров – инспектор Казанской торговой школы // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – №11–С.117-118 URL: www.rae.ru/meo/?section=content&op=show_article&article_id=2387 (дата обращения: 31.01.2016).
8. Преподаватель. Фельетон. Трагедия маленького человека. (Из жизни) // Камско-Волжская речь. – Казань, 1911. – № 265.

References

1. Aleksandrov Yakim. Birthday party of A.P. Chekhov. * Excerpts from a lecture before today's anniversary performance at the New Theatre // Kama-Volzhskaya speech. – Kazan, 1914. – № 13.
2. Aleksandrov Yakim. Moscow Art Theatre // Kama-Volzhskaya speech. – Kazan, 1914. – № 29.
3. Aleksandrov Y. Consumption in the life of Russian writers // Kama-Volzhskaya speech. – Kazan, 1912. – № 100.
4. Aleksandrov Y. Seagull of Russian scene. Theatre - literary essays. Pages from the history of searches and better cultural impulses. Kazan: Printing Y.N. Podzemskogo, 1914. – P. 27 - 39.
5. Unknown author. In high school, L.P. Shumkova // Kama-Volzhskaya speech. – Kazan, 1915. – № 47.
6. V.S. (V.Samsonov) Theater and music. On the evening of memory A.P. Chekhov // Kama-Volzhskaya speech. – Kazan, 1914. – № 15.
7. Magsumov T.A. Y.A. Alexandrov - Kazan Inspector trade schools // International journal of experimental education. – 2011. – №11-S.117-118 URL: www.rae.ru/meo/?section=content&op=show_article&article_id=2387 (reference date: 01.31.2016).
8. Theacher. Feuilletton. The tragedy of the little man. (From life) // Kama-Volzhskaya speech. – Kazan, 1911. – № 265.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.072

Иванова Г.П.

Кандидат филологических наук,

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)

**ВРЕМЕННЫЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ СЛЕДОВАНИЯ
В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ⁴****Аннотация**

В статье рассматривается семантика и структура полипредикативных конструкций, выражающих отношения следования в вепсском языке. Семантически отношение следования представлено несколькими разновидностями: общее, близкое и ограничительное следование. В своей работе мы показываем, что данная семантика выражается в бифинитных союзных и бессоюзных предложениях, а также в помощи монофинитной конструкции с синтетическим показателем связи (для передачи значения общего следования) при определённом соотношении видо-временных форм глаголов-сказуемых.

Ключевые слова: вепсский язык, полипредикативная конструкция, следование.

Ivanova G.P.

PhD in Philology,

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)

**TENSE POLYPREDICATIVE CONSTRUCTIONS EXPRESSING CONSECUTION OF ACTIONS
IN VEPS LANGUAGE****Abstract**

In the article we demonstrate that this kind of semantics finds itself in bifinite conjunctive and asyndetic sentences, and is also expressed by monofinite construction with a synthetic marker of relation (to express the meaning of general sequential relation) in some forms of the verbal predicates' tenses and aspects. To express the sequential relation aspectual characteristics are used. These are such characteristics as: telicity and non-telicity, limited-unlimited, continuity-momentariness.

Keywords: veps language, polypredicative construction, consecution, sequential, sequence.

Временные ППК «выражаются различные виды внешней связанности двух явлений, осуществляющихся в одном и том же временном плане или планах» [1, 727]. При описании временных отношений мы используем термин «следование» в традиционном значении, отражённом, в частности, в «Грамматике» 1970 г. Отношения следования передают такую последовательность событий, при которой «действие главной части изображается как следующее за действием придаточной части» [1, 730]. Семантика следования предполагает, что ситуации обозначаются предельными глаголами, выражающими целостные, законченные действия, когда возможно возникновение ситуации №2 только после завершения ситуации №1.

Отношения следования в вепсском языке могут передаваться конструкциями разной структуры: бифинитными союзными и бессоюзными предложениями и монофинитной конструкцией с синтетическим показателем связи.

Семантически отношение следования представлено несколькими разновидностями: общее, близкое и ограничительное следование.

Семантику **общего следования** передают союзные скрепы [4, 136] *gälghe seda kut* 'после того как', *päliči seda kut* 'через то [время] как'. Например:

(1) *Gälghe seda kut sina ajid, mõ vüuki hätken pagizim.* [Сердцова А. С., с. Иваническ, 2010 г.]

gälghe se=da kut sina aj=i=d mõ после то=PART
как ты уехать=IMPF=2Sg мы

vüuki hätken pagiz=i=m
ещё долго разговаривать=IMPF=1PI

‘После того как ты уехал, мы ещё долго разговаривали.’

(2) *Päliči seda kut proidüi gä, mõ äim alahaks kalatamha.* [Ульянов А. С., д. Мардай, 2011 г.]

päliči se=da kut proidü=i=Ø gä=Ø mõ
через то=PART как пройти=IMPF=3Sg лёд=NOM/Sg мы

ä=i=m alahaks kalata=m=ha
поехать=IMPF=1PI вниз рыбачить=INF₃=ILLAT

‘После того как прошёл лёд, мы поехали вниз на рыбалку.’

Союзы широких значений *konz* ‘когда’ и *kut* ‘как’ тоже передают семантику **общего следования**. Ситуации в предложениях с предельными глаголами воспринимаются как следующие друг за другом. Отношение следования возникает на основе соотношения видо-временных характеристик сказуемых ГПЕ и ЗПЕ: глаголы имеют семантику недлительности и употребляются в прошедшем времени:

(3) *Konz mina tulin, susedad tuudihe.* [Ульянов А. С., д. Мардай, 2011 г.]

konz mina tul=i=n suseda=d

⁴ Вепсский язык – один из бесписьменных языков прибалтийско-финской группы финно-угорской семьи языков. Территория исконного расселения вепсов – Вологодская, Ленинградская области, Прионежский район Республики Карелия. В Восточной Сибири в деревнях Мардай, Иваническое Аларского района, Бабагай, Мягчинский, Маниловский Заларинского района по приблизительным данным живёт около 70 вепсов. Материалы, анализируемые в статье, были собраны автором в экспедициях 2010-2014 гг. в деревнях Мардай, Иваническое Аларского района, в гг. Ангарске и Иркутске.

когда я приехать=IMPF=1Sg сосед=NOM/PI

tuu=dihe

прийти=IMPF/3PI

‘Когда я приехал, пришли соседи.’

(4) *Kut veneh tartui randolo, mö läksim keradamha kuived haugod.* [Ульянов А. С., д. Мардай, 2011 г.]

kut veneh=Ø tartu=i=Ø rando=lo mö

как лодка=NOM/Sg приставать=IMPF=3Sg берег=ALLAT мы

läks=i=m kerada=m=ha kuive=d

пойти=IMPF=1PI собирать=INF₃=ILLAT сухой=NOM/PI

haugo=d

полено=NOM/PI

‘Как лодка пристала к берегу, мы пошли собирать сушняк.’

Значение общего следования может быть передано и бессоюзными предложениями. При этом события, происходящие в ГПЕ и в ЗПЕ, носят также конкретный, недлительный характер и локализируются, как правило, в плане абсолютного прошлого:

(5) *Kiitin kislin, aparod andoin živatalo.* [Зайцева М. И., Муллонен М. И. 1972: 32]

kiit=i=n kis=lin aparo=d

сварить=IMPF=1Sg кисель=GEN выжимки=PART

ando=i=n živata=lo

дать=IMPF=1Sg скот=ALLAT

‘Сварила кисель, выжимки дала скоту.’

Общее следование выражается в конструкции со сказуемым ЗПЕ в форме пассивного причастия в партитиве:

(6) *Lüpstud lehmid oigenzin hiid paimnelo.* [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

lüps=tu=d lehm=i=d

подоить=PP_{pass}=PART корова=PI=PART

oigenz=i=n hii=d paimne=lo

отправить=IMPF=1Sg они=PART пастух=ALLAT

‘Подойв коров, отправила их пастуху.’

Таким образом, дифференциальным признаком семантики общего следования является аспектальное значение недлительности и выражение следования конкретных событий в абсолютном прошедшем времени.

Близкое следование событий выражается двухместными скрепами *vaiše-vaiše ... kut* ‘только-только ... как’, *en ehtnü ... kut* ‘не успел ... как’, а также одностной двухкомпонентной скрепой *kut vaiše* ‘как только’. Например:

(7) *Vaiše-vaiše mina nukuškanzin, kut veraihe kolotiškatihe.* [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2011 г.]

vaiše-vaiše mina nuku=škanz=i=n kut verai=he

только-только я дремать=INCH=IMPF=1Sg как дверь=ILLAT

koloti=ška=tihe

стучать=INCH=IMPF/3PI

‘Только-только я задремала, как в дверь постучали.’

(8) *Mina en ehtnü tabata oružg, kut vell gö ambui.* [Ульянов А. С., д. Мардай, 2010 г.]

mina ep eht=nü taba=ta oružg=Ø kut vell

я не/1 успеть=PP схватить=INF₁ ружьё=NOM как брат

gö ambu=i=Ø

уже выстрелить=IMPF=3Sg

‘Не успел я схватить ружьё, как брат уже выстрелил.’

(9) *Kut vaiše mina lendin oružgän ken-so kričškanz.* [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

kut vaiše mina lend=i=n oružgä=n ken-so

как только я поднять=IMPF=1Sg ружьё=GEN кто-то

kriči=škanz=Ø

закричать=INCH=IMPF/3Sg

‘Как только я поднял ружьё, кто-то кричал.’

Семантика ППК близкого следования осложнена дополнительным значением быстроты, краткости временного разрыва между действиями в ПЕ. Главное событие непосредственно и быстро следует за зависимым событием.

В вепском языке есть конструкция ограничительного следования, которая обозначает, что началом события главной части является событие зависимой. Её образует трёхкомпонентный союз *ses aigaspäi kut* ‘с тех пор как’. Сказуемое зависимой части, которое служит ограничителем, называет более длительное событие, чем сказуемое главной части; главное действие может быть и длительным, и кратким, может занимать всю длительность зависимого события или только какую-то его часть. Например:

(10) *Ses aigaspäi kut mõ naidimas elam, mindai ižand ni kerdad ii lõnu.* [Ульянов А. С., д. Мардай, 2010 г.]

se=s aiga=späi kut mõ naidi=ma=s

то=INESS время=ELAT как мы жениться=INF₃=INESS

ela=m min=dai ižand ni kerda=d ii lõ=nu

жить=Pr/1PI я=PART муж ни раз=PART не3 бить=PP

‘С тех пор как мы женаты, муж меня ни разу не бил.’

Как правило, при отношении следования в обеих частях ППК употребляется имперфект. Однако на основе значения следования может развиваться значение причинной обусловленности одного события другим. Причинное значение в этом случае тесно связано с семантикой сказуемого главной части: если это каузативный глагол, то любое

соположенное с ним событие интерпретируется как явление, вызвавшее причину. Грамматически это выражается разными временными формами сказуемых: имперфектом в ЗПЕ, презенсом в ГПЕ:

(11) *Ses aigaspäi kut mö ajim elomaha lidnaha, dedoi halg ei voi.* [Ульянов А. С., д. Мардай, 2010 г.]

se=s aiga=späi kut mö aj=i=m
 to=INESS время=ELAT как мы поехать=IMPF=1Pl
 elo=ma=ha lidna=ha dedoi halg
 жить=INF₃=ILLAT город=ILLAT дедушка часто
 ei voi=Ø
 не3 мочь=Pr/Sg

‘С тех пор как мы переехали в другой город, дедушка часто болеет.’

Таким образом, для выражения отношений следования в вепском языке служат специализированные конструкции с союзами узких значений. В общем виде их можно представить следующим образом:

[CONJ N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]^{ЗПЕ} [N^S_{Nom} Tv=IMPF/Pr=PERS]^{ГПЕ}

Эта модель передает:

1) отношение общего следования, если сказуемые обеих частей обозначают недлительное действие и имеют временной план абсолютного прошедшего времени;

2) отношение близкого следования, если сказуемые обеих частей стоят в форме имперфекта и обозначают краткие действия.

Специализированная модель

[CONJ Tv=CONT=IMPF=PERS] [Tv=(CONT/MOM)=IMPF/Pr=PERS] передает отношение ограничительного следования, если сказуемое зависимой части, которое служит ограничителем, т. е. задаёт предел длительности главного действия, характеризуется большей длительностью, чем сказуемое главной части; главное действие может быть и длительным, и кратким, может занимать всю длительность зависимого события или только какую-то его часть. Сказуемые в обеих частях ППК, как правило, стоят в форме имперфекта, но возможен и презенс в ГПЕ, если используется каузативный глагол, тогда отношение следования осложняется причинной семантикой.

Специализированная модель

[Tv=PP_{pass}=PART] [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS] служит для обозначения отношений общего следования при сказуемом ГПЕ в форме имперфекта и аспектального значения недлительности, краткости.

Неспециализированная модель

[N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]^{ПЕ1} [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]^{ПЕ2} используется для выражения общего следования. События, названные в ПЕ₁ и в ПЕ₂, носят конкретный, недлительный характер, локализируются, как правило, в плане абсолютного прошлого, порядок представления предикаций соответствует естественному протеканию времени: предшествующее → следующее.

Условные сокращения и обозначения

ГПЕ – главная предикативная единица; **ЗПЕ** – зависимая предикативная единица; **ПЕ** – предикативная единица; **ППК** – полипредикативная конструкция; **ALLAT** – внешне-местный направительный падеж; **CONJ** – союз; **CONT** – суффикс со значением длительности; **GEN** – родительный падеж; **ILLAT** – внутренне-местный направительный падеж; **IMPF** – имперфект; **INESS** – внутренне-местный падеж нахождения; **INF₃** – III-й инфинитив; **INCH** – суффикс начинательной формы; **MOM** – суффикс со значением мгновенности; **NOM** – именительный падеж; **PART** – партитив; **PERS** – лицо; **Pl** – множественное число; **PP** – суффикс активного причастия прошедшего времени; **PP_{pass}** – суффикс пассивного причастия; **Pr** – настоящее время; **Sg** – единственное число; **Tv** – основа глагола.

Литература

1. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. – С. 767.
2. Зайцева М.И. Грамматика вепского языка / М. И. Зайцева. Л., 1981. – С. 360
3. Зайцева М. И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л., 1972. – С. 746
4. Zaitseva M. Vepsän kielen lauseoppia / M. Zaitseva. Helsinki, 2001. –150 S.

References

1. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazika. M., 1970. – 767s.
2. Zaitseva M. Grammatika vepsskogo jazika. L., 1981. – 767s.
3. Zaitseva M., Mullonen M. Slovar vepsskogo jazika. L., 1972. – 746 s.
4. Zaitseva M. Vepsän kielen lauseoppia / M. Zaitseva. Helsinki, 2001. –150 S.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.088

Ильющенко Н.С.

ORCID: 0000-0002-8204-6867, кандидат филологических наук,

Российский государственный социальный университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**Аннотация**

Статья посвящена сопоставительному анализу английских и русских фразеологических единиц, содержащих в своей структуре компонент «предмет одежды». Фразеологические единицы изучаются в работе по значению и компоненту переосмысления, выявляются общие черты и различия в их структуре, семантике и функционировании в английском и русском языках. На основании метода компонентного анализа выделяются три типа межъязыковых фразеологических соответствий/несоответствий: фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги и уникальные фразеологические единицы.

Ключевые слова: структурно-семантические характеристики, компонент «предмет одежды», фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги.

Pyushchenko N.S

ORCID: 0000-0002-8204-6867, PhD in Philology, Russian State Social University

CONTRASTIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING COMPONENT "PIECES OF CLOTHES" IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**Abstract**

The article deals with the comparative analysis of English and Russian phraseological units containing in their structure the component "pieces of clothes". Phraseological units are analyzed in accordance with their meaning and component of rethinking. The author elicits a number of common and distinctive traits in the structure, semantics and functioning of English and Russian phraseological units. In accordance with the method of component analysis based on the identity/nonidentity criterion of semantic structure of phraseological meaning, the author elicits three types of interlingual equivalence/nonequivalence: phraseological equivalents, phraseological analogues and unique phraseological units.

Keywords: structural-semantic analysis, the component of "pieces of clothes", phraseological equivalents, phraseological analogues.

Сегодня сопоставительное изучение фразеологизмов представляет огромный интерес не только с точки зрения разработки общей теории фразеологии, но и для выявления общих и отличительных признаков языков.

«Фразеологизмы являются одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка, ценнейшим лингвистическим наследием, в котором отражается видение мира, все то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития» [1, 11].

Рассматриваемые в нашей работе английские и русские фразеологизмы, содержащие в своей структуре компонент «предмет одежды» - одна из наиболее интересных областей фразеологии. Названия предметов одежды принимают активное участие в образовании и формировании значения фразеологических единиц, которые представляют большую группу в обоих языках. К примеру, в английском языке наиболее частыми по употреблению являются лексемы *hat, shoe, boot, belt, sleeve*, в русском - *рубашка, штаны, рукав, сапог*.

Фразеологические единицы, имеющие в своем составе компонент «предмет одежды», обладают высоким уровнем метафоричности. Человек всегда сравнивал неизвестное с известным, подвергая метафоризации, прежде всего, окружающие его понятия и предметы: родственные связи между людьми и части человеческого тела, предметы одежды и домашнего обихода, различные растения и животные, небесные светила и явления природы и т.д. [2, 768].

В нашей работе сравнение фразеологизмов, содержащих компонент «предмет одежды», проводилось по следующим параметрам: структурно-грамматический и компонентный (или лексемный). На основании метода компонентного анализа и с учетом структурно-грамматического уровня нами были выявлены три группы межъязыковых отношений, содержащих компонент «предмет одежды» в английском и русском языках.

К первой группе мы относим фразеологизмы английского и русского языков с компонентом «предмет одежды», тождественные по структурно-грамматической организации и лексемному составу. Фразеологизмы, входящие в эту группу, как правило, имеют идентичный семный состав сигнификативно-денотативного макрокомпонента значения, эмотивный, экспрессивный, оценочный, функционально-стилистический компоненты коннотации, структурно-грамматическую организацию и лексемный состав [3, 138]. Можно также утверждать, что для данного типа межъязыковых соответствий характерен *высокий уровень семантических соответствий*. Данный тип межъязыковых отношений мы назовем *фразеологическими эквивалентами*, например: "blue stocking" - «синий чулок» (сухая педантка, лишённая женственности и погружённая в книжные, отвлечённые интересы); "blue collar" - «синий воротничок» (производственный рабочий - класс работников, занятых по преимуществу физическим трудом, не требующим умственных усилий или высокой квалификации); "burn a hole in one's pocket" - «прожечь дыру в кармане» (долго не держаться (о деньгах); «трещать по швам» - "burst at the seams"; и др.

В данную группу мы также включаем фразеологизмы библейского происхождения, мифонимы, интернационализмы, фразеологизмы, связанные с историей и литературой, к примеру: «нить Ариадны» *миф.* (путеводная нить) - "the thread of Ariadne"; «ткань Пенелопы» *миф.* (об изощрённой хитрости) - "Penelope's web"; "But the emperor has no clothes!" - «голый король»; «кот в сапогах» (герой сказки) - "Puss in Boots"; «красная шапочка» - "Little Red Riding Hood"; «испанский сапог» *ист.* (инструмент пыток) - "the boot" и др.

Следует отметить, что для компонентного состава фразеологического значения английских и русских фразеологизмов характерны некоторые различия, которые могут касаться коннотативного макрокомпонента. Здесь

речь идет о функционально-стилистическом, экспрессивном и эмотивном компоненте, различающемся при тождественной семной структуре сигнификативно-денотативного макрокомпонента [3, 132].

Ко второму типу относятся фразеологизмы с тождественным или близким семным составом сигнификативно-денотативного макрокомпонента фразеологического значения при тождественности или некоторых различиях коннотативного макрокомпонента значения. Данный тип, отличающийся *средним уровнем семантических соответствий*, мы отнесем к **фразеологическим аналогам**. Приведем несколько примеров: “kick sb in the pants” *груб.* - «всыпать кому-л., взгреть кого-л.»; “pull up his socks” - «засучить рукава» (приложить усилия, поднапрячься); “cut from the same cloth” - «одним лыком шиты» (иметь много общего, быть похожими); “in someone's shoes” - «на чьем-либо месте», «на месте кого-либо»; «быть под каблуком у кого-л.» *разг.* (быть в подчинении, во власти у кого-л.) - “be under smb's thumb”; «родиться в рубашке» *разг.* (быть удачливым, счастливым во всем) - “be born with a silver spoon in one's mouth”, “be born under a lucky star”; «дело в шляпе» - “it's in smb's pocket”; «два сапога пара» - “they make a pair” *разг.*; “as tough as old boots” - «жесткий как подошва» (о кушанье); и др.

Третий тип представляют ФЕ, не имеющие адекватного фразеологизма с компонентом «предмет одежды» в исследуемом языке. При сопоставлении подобных ФЕ обнаруживаются как семантические различия, касающиеся, прежде всего, сигнификативно-денотативного макрокомпонента ФЕ, так и различия дифференциальной (что наблюдается не всегда) и интегральной сем.

Фразеологизмы этой группы мы называем **уникальными**, так как они не имеют адекватного аналога в языке-рецепторе и отличаются *низким уровнем семантических соответствий*, например: “wear one's heart on one's sleeve” - «не уметь скрывать своих чувств»; “at the drop of a hat” - «сразу же, немедленно»; “ants in your pants” - «быть неугомонным, беспокойным, энергичным»; “petticoat government” - «бабье царство»; “under one's belt” - «в прошлом, за плечами» (об опыте, воспоминаниях); “get hot under the collar” - «рассердиться»; “have bee in one's bonnet” - «носиться с какой-то идеей»; “a nice pair of shoes” *разг.* - «хорошенькое дело!», «веселенькая история!»; “Keep it under your hat” - «Только об этом никому!»; «сесть в галошу» *разг.* - “get into a mess”; «прийти к шапочному разбору» - “be late in the field”, “miss the bus”; «делать что-л. спустя рукава» *разг.* - “do smth carelessly”; «дать по шапке» - “to deal a blow” и др.

Таким образом, в результате проведенного сопоставительного анализа фразеологических единиц с компонентом «предмет одежды» в английском и русском языках были выявлены три группы фразеологических единиц, которые мы назвали соответственно **фразеологическими эквивалентами**, **фразеологическими аналогами**, **уникальными фразеологическими единицами**. В работе было также выявлено значительное несоответствие количества ФЕ данных типов. Так, больше всего в обоих языках распространены **фразеологические аналоги и уникальные ФЕ** и меньше всего - **эквивалентные ФЕ**. Наиболее интересными нам представляются **уникальные ФЕ**, в которых низкий процент эквивалентности, по всей вероятности, обусловлен различием религиозных, исторических, культурных факторов развития народа.

Литература

1. Аванесян Ж.Г. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, содержащих цветовую символику в английском и русском языках (на материале ФЕ с компонентами “black”, “white”, «белый», «черный») // Вестник МГОУ. М.: Серия: «Общественно-политические и гуманитарные науки». – 2013. №3. – С. 10-15.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
3. Ильющенко Н.С. Семантические корреляции в системе английских и русских антропоморфных фразеологизмов: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 194 с.
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: «Русский язык», 1984. – 944 с.
5. Райхштейн А.Д. О межязыковом сопоставлении фразеологических единиц // Иностранные языки в школе, 1979. – №4. – С.7.
6. Телия В.Н. Фразеология. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 560 с.
7. Cambridge Idioms Dictionary. Second edition. – CUP, 2006. – 520 p.
8. Concise Oxford Russian Dictionary. Russian-English, English-Russian. OUP, 2000. 2014 p.

References

1. Avanesjan Zh.G. Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic, sodержashhih cvetovuju simboliku v anglijskom i russkom jazykah (na materiale FE s komponentami “black”, “white”, «belyj», «chernyj») // Vestnik MGOU. M.: Serija: «Obshhestvenno-politicheskie i gumanitarnye nauki». – 2013. №3. – S. 10-15.
2. Gak V.G. Jazykovye preobrazovaniya. – M., Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1998. – 768 s.
3. Il'jushhenko N.S. Semanticheskie korrelyacii v sisteme anglijskikh i russkikh antropomorfnyh frazeologizmov: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2011. – 194 s.
4. Kunin A.V. Anglo-russkij frazeologicheskij slovar'. – M.: «Russkij jazyk», 1984. – 944 s.
5. Rajhshtejn A.D. O mezhjazykovom sopostavlenii frazeologicheskikh edinic // Inostrannye jazyki v shkole, 1979. – №4. – S.7.
6. Telija V.N. Frazeologija. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. – 560 s.
7. Cambridge Idioms Dictionary. Second edition. – CUP, 2006. – 520 p.
8. Concise Oxford Russian Dictionary. Russian-English, English-Russian. OUP, 2000. 2014 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.060

Кодола Н.В.

Кандидат педагогических наук, доцент,

Московский педагогический государственный университет

МЕТОД ФИЛОЛОГИИ ОБЩЕНИЯ**Аннотация**

Факт преобразования глобальных общественных процессов требует новых подходов к своевременному выявлению признаков противоречий развития общественных отношений глобального и локального характера. Для социологии эта проблема не новая, еще В. М. Бехтерев указывал на роль и место человеческого общения в возникновении и разрешении противоречий общественного развития, и выбрал направление для понимания возникающих проблем на основании метода исследования признаков человеческого общения, человеческой индукции и человеческого внушения, предметом которого он назвал человеческую словесно-символьную речь. Для развития современных взглядов на метод социологического исследования становится особенно актуальным применение методологии феноменологического исследования, с переориентацией на филологическое представление сути феноменов человеческого общения в границах предмета филологии общения, как одного из предметов социологической теории. В связи с тем, что в развитии общественных отношений расширяется роль и место медиа, приобретая значение не «ретрансляции» результатов проявления человеческих страстей, а перевоплощается в глобальную систему средств прямого воздействия и управления человеческими страстями, обеспечивая целенаправленное изменение форм человеческого общения. Существенно изменяется роль и место журналистики как непосредственного исполнителя медиа-идеологии, в которой отчетливо проявляются противоречия между возрастанием практической значимости журналистики и фактическим отсутствием отчетливого предмета теории журналистики. Поэтому феноменологическое исследование дает повод для обоснования перспективного направления развития теории журналистики на основании исследования предмета филологии общения.

Ключевые слова: предмет, филология, общение, теория, журналистика, феномен, феноменологический метод.

Kodola N.V.

PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Moscow State Pedagogical University

METHOD OF PHILOLOGY OF COMMUNICATION**Abstract**

Social essence of modern human civilization undergoes a noticeable change in connection with the manifestations of globalization and total informatization, both ordinary and philosophical communication of various social communities. The fact of the transformation of the global sociological processes requires new approaches to early detection of the signs of the contradictions of global and local social relations of civilization such. For social science this problem is not unique, so, V. M. Bekhterev drew attention to the role and place of human communication in the origin and resolution of contradictions of social development of human civilization. The scientist also outlined the direction for understanding arising issues on the basis of his sociological theory with research method of human communication, induction and suggestion, the subject of which as he considered was human verbal (symbolic) speech. Therefore, to correct contemporary views on method of sociological research it is particularly relevant to apply the methodology of phenomenological research with focussing on the philological insights of the phenomena of human communication rather than the psychological one in Philology as one of the subjects of sociological theory. Due to the fact that in the current development of public relations the role and place of the media are given special emphasis, transforming into a global system of direct influence and manipulation of human passions rather than "simple retranslation" of theirs, providing a purposeful change of forms of human communication. This significantly changes the role and place of journalism as the direct executor of media ideology, in the essence of which the contradictions between the increasing practical importance of journalism and the absence of a distinct subject of the theory of journalism are becoming apparent. Therefore, a phenomenological study of V. M. Bekhterev's sociological theory gives a reason for explanation of perspective directions of development of the theory of journalism based on the study of Philology of communication. This will provide material for the development of sociological theory and on the basis of the investigation of the phenomena of communication to reveal the basic contradictions of social development of civilization, because, according to V. M. Bekhterev's views, the crux of the phenomenon of communication is revealed not only in interpersonal relationships, mutual understanding, interaction, but in human communication with the outside world.

Keywords: subject, philology, theory, communication theory, journalism, phenomenon, phenomenological method.

Представляемый и воображаемый период существования людей характеризуется объединением отдельных личностей в коллективы, схожие выражением тождественных страстей к общению и выражением эмоций одинаковыми символами-словами в речи и актах эмоционального поведения. В современной цивилизации уже невозможно охватить интеллектом одной личности или одного коллектива всю совокупность познавательных преобразовательных дисциплин, составляющих «общечеловеческое знание». Множество научных направлений участвуют в развитии и совершенствовании физической основы жизнедеятельности человеческого общества, обеспечивая устойчивое развитие естественнонаучных дисциплин, однако для осмысления направления поступательного развития общественной науки неотчетливо определен предмет, суть которого могла бы объяснить и обосновать множество противоречий общественной жизни (Белл [6]; Бикертон [7]; Выготский [2]; Вулф [8]; Карнап [9]; Томаселло [10]). В связи с этим целесообразно отчетливо представить существование «ядра» взаимоотношения людей в человеческом обществе, в качестве которого проявляется феномен человеческого общения, как основного признака феномена самого «мыслящего существа» в актах его словесной речи и эмоционального поведения. Исторически эта проблема не новая, однако с точки зрения методологического подхода к выбору направления для ее

решения можно утверждать, что феноменологическое исследование на основе понятия общения ранее не проводилось, при этом можно утверждать, что одним из первых упоминаний о важности исследования роли и места общения в общественных науках был трактат В.М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» [1], анализ основных взглядов которого может обеспечить обоснование направления поиска предмета теории журналистики в социологической области филологии общения.

Взгляды В. М. Бехтерева можно характеризовать как указание для принятия к рассмотрению нового направления для поиска путей разрешения противоречий в определении предмета основ теорий гуманитарного научного направления. Он выдвинул идею комплексного изучения человека, рассматривая человека, как сложное, многогранное и многоуровневое образование, и стремился его реализовать в исследованиях, где человек был предметом физиологии, анатомии, педагогики, психологии, для осмысления сфер и уровней взаимодействия человека с миром. Фактором общественной интеграции он признавал общение, проявляющееся в виде взаимного подражания, внушения, убеждения, роль которого проявляется в осуществлении совместной деятельности и формировании ее коллективного субъекта, сохранении и распространении опыта, передачи потомству, обеспечении исторической преемственности общественных ценностей, потому что общение средство объединения людей в группы и условие социализации личности. Средства общения определялись как знаковая система, используемая для кодирования и передачи коммуникативного воздействия, в котором особая роль отводится речи, как способу воздействия, условию интеграции в социальные общности, эффективному средству общения, обмену мыслями в человеческом обществе, а органы чувств выступают как условия и предпосылки интеграции людей, организации их коммуникативного взаимодействия [1, с. 3-4, 9-10].

Рассматривая в основании всех общественных феноменов закономерную связь феномена человеческого общения с феноменом человеческой словесно-символьной речи, он предоставил повод для определения основной закономерности возникновения и развития человеческого общества в факте того, что без человеческого общения не возможно существование человеческой речи, а без человеческой речи невозможно существование человеческого общения. Он утверждал, что к проявлениям признаков отдельной личности применим объективный метод исследования, необходимый и к проявлениям коллективной, собирательной личности, а говоря об «общественном сознании» или «общественной душе», «душе коллектива», используют лишь образные выражения. Субъективный анализ с помощью самонаблюдения, по отношению к коллективному или собирательному индивиду не осуществим, хотя социологи оперируют с субъективными понятиями, которые в действительности являются обобщением субъективного состояния своего «я», которое не может быть переносимо на какое-либо общество [1, с. 18, 19].

В основании генезиса личности представляется подражание, без которого не могло быть личности как общественной особи, причем подражание проявляется в общении с себе подобными, благодаря сотрудничеству с которыми развивается род взаимной индукции и взаимовнушения. с подражанием и инстинктивной потребностью в общении связано происхождение языка, и человеческая мысль развивалась на основе слов и внутренней речи, способствующей отвлеченному мышлению. Человек сделался историческим существом благодаря письменности, а вместе с устным языком фонетическая письменность создала цивилизацию. Сложная суть общественных феноменов не может быть объяснена одной закономерностью, одной зависимостью, сложные зависимости можно раскрыть путем анализа общественных феноменов в разных направлениях. Наблюдение и опыт демонстрируют, что законы соотносительной деятельности собирательной личности те же, что и для всей живой и неживой природы, поэтому предметом коллективной рефлексологии служат мифы, обычаи, язык народов и проявления коллективной соотносительной деятельности. Социология изучает установление общественной жизни, причины и следствия социальных феноменов, взаимоотношение между индивидами, но не проникает в механизм развития общественных феноменов, поэтому целесообразно выявить такую научную дисциплину, предмет которой отражал бы признаки феноменов отношения объединенных человеческих масс, не только к другим коллективам или личностям, но и ко всей окружающей среде [1, с. 20-21, 35-39].

В основе общественной жизни лежат факторы феноменов общения, феноменов взаимоотношения личности и общества, подражание и повторяемость, а также фактор феномена сотрудничества. Человек представляется общественным существом, чувствующим, мыслящим и действующим, живущим экономической, половой, психологической, нравственной, умственной и чувственной жизнью, которые проявляются как соответствующие человеческие потребности. Причем способы общения могут быть в непосредственном общении отдельных членов коллектива, в общении через представительство, путем письменного или печатного слова. Подходить к исследованию общественных явлений необходимо методами естественных наук для установления особенностей сложных гуманитарных явлений по сравнению с более простыми физическими или физико-химическими, и выяснения, в чем эти сложные явления проявляют сходство с более простыми [1, с. 43, 49, 52].

Суть человека проявляется в свойственных общих верованиях и суждениях об окружающем, выработанные другими и принятые всем обществом. Цивилизованное человечество имеет общие интересы населения земного шара и руководствуется общечеловеческими принципами, хотя сообщества связаны одними интересами, но почти лишены возможности иного общения друг с другом, кроме печати. Склонность к образованию сообществ, как результат опыта отдельных индивидов, основана на развитии положительных мимико-соматических рефлексов, связанных с наступательной реакцией, приводящей к сближению. Наиболее важным и удобным способом общения или обмена мнениями в человеческом обществе является речь в широком смысле слова, устное и печатное слово. Устная речь дает возможность личного обмена мнениями, сопровождаемого возбуждением эмоций, жестами и выразительными движениями, и является наиболее важным средством обмена и общения между людьми. В процессе объединения в одну общественную группу проявляются три главных воспринимающих органов: осязание, зрение и слух. Поэтому факторами объединяющего характера являются взаимовнушение, взаимоподражание и взаимоиндукция [1, с. 70, 88, 100-105].

Взаимодействие членов коллектива между собой представляется как непосредственное или опосредствованное, потому что благодаря посредникам коллективное объединение может осуществляться независимо от пространственных и временных условий. Общество может быть разбросано по всему земному шару, не теряя единства между своими сочленами. «Духовное» единство путем традиций и других посредников, письменной и устной передачи, может существовать в коллективе индивидов, живущих в разные периоды времени. Важнейшим условием коллективного объединения является общность символических рефлексов в виде одного общего языка, который вырабатывается в результате коллективного единения. Слова дают людям возможность влиять друг на друга и обуславливать взаимное поведение. Речь является одним из наиболее действительных средств объединения коллектива путем убеждения, потому что устная речь действует сильнее печатного слова, она дает слушателю эмоциональные оттенки личности, произносящей речь, и возбуждает соответственную реакцию в слушателях, усиливающуюся еще более благодаря общности настроения. Воздействие печати на общество шире по своему распространению, ибо она воздействует почти на весь грамотный человеческий коллектив, говорящий на одном языке, а благодаря переводам и на образованную часть всего коллектива. Поэтому всякая пропаганда в обществе рассчитана скорее на внушение, чем на убеждение, потому что благодаря языку достигается развитие мировоззрения данного коллектива и оказалось возможным развитие знаний в человеческом обществе. Язык в форме членораздельной речи является усовершенствованным орудием единения человеческого коллектива. Язык эволюционирует вместе с обществом, а не общество обязано своей эволюцией языку, подобно тому как пространство и время не заранее даны каждому отдельному человеку, а выработаны коллективным опытом общественного человека, а рефлексy отдельных личностей объединяются благодаря взаимообщению и взаимовнушению [1, с. 118-128].

Происхождение логического суждения и мысли сводится к общественной жизни, а содержание логической мысли состоит из общих понятий (концептов), которые по происхождению являются результатом коллективности, как и язык, состоящий из концептов, является результатом коллективности. Понятия это объекты коллективного опыта, являясь «коллективными представлениями» в форме, установленной языком и будучи общими для целой группы. Слово, жест или письменный знак представляют собой символы, которые являются результатом коллективного опыта, и суждение может быть таким же результатом коллективного опыта. Феномены внушения и убеждения представляют особую форму объединения при посредстве слова. При этом суть внушения рассматривается как посредственное подражание, потому что в простом подражании проявляется воспроизведение акта под влиянием соответствующего зрительного, слухового или осязательного импульса, а при внушении акт исполняется посредством соответствующего словесного символа, отвечающего данному акту, в одном случае внешнее впечатление возбуждает сходственный акт, в другом случае тот же акт воспроизводится соответствующим символом. Механизм внушения в том, что слово как символ при условиях, связанных с отвлечением сосредоточения, дает толчок к воспроизведению уже имевшегося в жизненном опыте движения или состояния, воспроизведение которого облегчается [1, с. 230-235].

Основой общественности может быть подражание, без которого немыслимо развитие речи и благодаря которому человек становится общественным существом. При этом должны проявляться признаки феномена внушаемости, склонности непосредственно подчиняться словесному влиянию, взаимному влиянию путем слов одних лиц на другие в форме внушения, которую можно назвать общественным внушением. В коллективной жизни человека важное значение имеет принцип взаимодействия, обеспечивающий образование коллектива на основе объединения взаимодействующих индивидов [1, с. 239, 314].

Феноменологическое исследование на мировоззренческом уровне представления общественных проблем и социологической теории человеческого общения на основе точки зрения трансцендентального мышления (осмысления феноменов при взгляде с точки зрения как бы со стороны данной области существования действительности, а не с точки зрения со стороны самого человека) обеспечивает возможность рассматривать словесную речь и акты эмоционального поведения людей как феноменологические условия, как для человеческого общения, так и для самой человеческой речи, в теснейшем взаимодействии выступающие как и причина, и следствие генезиса как отдельной человеческой личности, так и всего человеческого общества. В основании общественных и гуманитарных наук целесообразно рассматривать словесно-речевое общение людей, феноменальные признаки которого отражают суть феноменов социологии, политологии, филологии и рефлексологии. Причем феноменальные свойства общения проявляются в том, что без человеческого общения не проявляются признаки слов, а без слов не проявляются признаки человеческого осмысленного общения. При этом становится достоверной идея отнесения к предмету социологической теории методологию словесного общения, суть которой целесообразно отнести к научной дисциплине, условно названной «филологией общения». Поэтому становится обоснованной идея о том, что предметом филологической теории журналистики целесообразно представить «филологию общения» [4, с. 152-167].

Феномен человеческого общения целесообразно рассматривать как источник возникновения и развития человеческой цивилизации в результате создания в процессе общения условий для возникновения социальных противоречий, и, в процессе же общения, создания условий для их разрешения. Причем одну из ведущих ролей в метаморфозах социологических процессов исполняет феноменальная система средств массовой информации, генезис и развитие которой неразрывно связаны с генезисом человеческих личностей и коллективов, в процессе взаимоотношений с которой они создали всю человеческую цивилизацию. При этом ключевое место в системе средств массовой информации всегда отводилось феноменальной области проявления человеческой активности журналистике [3, с. 155-159].

Сейчас уже очевидны место и роль журналистики, как источника самых актуальных сведений для реализации целенаправленного воздействия средств массовой информации на выбор направлений общественного развития. Однако суть феномена журналистики до настоящего периода являлась неотчетливой, необоснованной и неопределенной, хотя на решение проблем журналистики направлено множество исследований, эффект которых в области социологической, политологической, психологической теорий не достигает цели создания фундаментальной теории журналистики. Поэтому целесообразно глубокое проникновение в истоки социологических проблем,

действительные источники которых проявляются в феноменах жизни и мышления самой человеческой личности, источника мыслей, признаки которых проявляются в словесной речи, как генераторе человеческих идей и условии человеческого общения.

Социальная действительность современной цивилизации неразрывно связана с общением посредством медиа, в сфере которого создается иллюзия причастности каждого индивидуума к участию в решении как локальных, так и глобальных проблем цивилизации. Люди получают «виртуальную» возможность реализации своих стремлений для выражения своей страсти к общению посредством множественных медийных форм. При этом журналистика получает одну из ведущих ролей в глобальных процессах, направленных на развитие общества, культуры и науки современной цивилизации, и надежно закрепляет свою позицию в эти процессы на ближнюю и отдаленную перспективу. Однако при этом проявляются признаки противоречий в определениях самого понятия журналистики из-за неотчетливого представления о ее предмете, что сказывается на возможности поиска обоснованного направления для ее дальнейшего развития и совершенствования. Поэтому поиск путей преодоления противоречий журналистики становится наиболее актуальным в направлении, связанном с исследованием сути человеческого общения в границах филологии общения, как предмета социологической теории [5, с. 244-247].

Глубокомысленный взгляд на феноменальное содержание фундаментального ветхозаветного писания может предоставить повод для представления о том, что в нем отчетливо проявляются признаки «журналистского жанра репортажа» с места событий «сотворения мира», в котором сведения «подкрепляются» некоторой феноменальной формой общения апостолов с творцом в словесной речи. Поэтому можно принять как обоснованное мнение о том, что в качестве предмета теории журналистики целесообразно рассматривать именно филологическую теорию общения, которая обеспечит возможность направить исследование проблем журналистики по пути феноменологического метода филологии общения.

Феноменологическое исследование понятия общения предоставило повод для обоснованного определения направления поиска предмета перспективной теории журналистики в сфере теории филологии общения как одного из основных методологических оснований социологической теории зарождения и развития общественных отношений в человеческой цивилизации. Таким образом, на основании обоснованного направления становится возможным определение основных противоречий, как современного, так и перспективного процессов общественного развития, и на более достоверной основе определение направлений исследования проблем журналистики, не только как ретранслятора, но и как соучастника в возникновении и развитии новых принципов человеческого общения.

Литература

- 1 Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. 400 с.
- 2 Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
- 3 Кодола Н.В. Журналистика как филологический феномен. - Историческая и социально-образовательная мысль, Т. 7. № 4. 2015. С. 153-159.
- 4 Кодола Н.В. Феноменологический метод журналистики. Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2015. 559 с.
- 5 Кодола Н.В. Феноменологический метод филологии. - European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). № 5. Т. 2. М.: Наука, 2014. С. 242-248.
- 6 Белл, Роджер Т. Социоллингвистика: Цепи, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 320 с.
- 7 Бикертон, Дерек. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012. 336 с.
- 8 Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики под редакцией Тома Вулфа и Э. У. Джонсона. СПб.: Амфора, 2008. 574 с.
- 9 Карнап Рудольф. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 380 с.
- 10 Томаселло, Майкл. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.

References

- 1 Bekhterev V. M. Selected works in social psychology. [Izbrannye raboty po social'noy psikhologii] Moskva: Nauka, 1994. 400 p. (in Russ.)
- 2 Derek Bickerton. Adam's tongue: How humans made language, how language made humans. (Russ. ed.: Yazyk Adama: Kak ljudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal ljudey. Moscow: Yazyki slovyanskih kul'tur. 2012. 336 p.).
- 3 Kodola N.V. Journalism as a philological phenomenon. [Zhurnalistika kak filologicheskij fenomen] Istoricheskaya i sotsi-al'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. Vol. 7. No 4. 2015. Pp. 153-159. DOI:10.17748/2075-9908.2015.7.4.153-159 (in Russ.)
- 4 Kodola N.V. 2015. Phenomenological method of journalism. [Fenomenologicheskij metod zhurnalistiki]. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing. 559 p. (in Russ.)
- 5 Kodola N.V. 2014. Phenomenological method of Philology. [Fenomenologicheskij metod filologii]. European Social Science Journal (European journal of social Sciences). Moskva: Nauka. No. 5. Vol. 2. Pp. 242-248. (in Russ.)
- 6 Michael Tomasello. Origins of Human Communication. (Russ. ed.: Istoki chelovecheskogo obscheniya. Moscow: Yazyki slovyanskih kul'tur. 2011. 328 p.).
- 7 Roger T. Bell. Sociolinguistics: Goals, Approaches and Problems. (Russ. ed.: Sociolingvistika: Capi, metody I problemy. Moscow: Mezdunarodnye otnosheniya. 1980. 320 p.)/
- 8 Rudolf Carnap. Meaning and necessity: A study in semantics and modal logic. (Russ. ed.: Znachenie I neobhodimostj: Issledovanie po semantike I modal'noy logike. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 1959. 380 p.).
- 9 Tom Wolfe. The New Journalism with an anthology edited by Tom Wolfe and E. W. Johnson. (Russ. ed.: Novaya zhurnalistika I Antologiya novoy zhurnalistiki pod redakciey Tomf Wulfa I E. U. Dzonsona. Sankt-Peterburg: Amfora. 2008. 574 p.).
- 10 Vygotskiy L.S. Collection of works [Sobranie sochineniy]. Moscow, Pedagogika. 1984. Vol. 6. 400 p. (in Russ.)

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.116

Кривошеева Е.И.¹, Оробец Я.С.²¹ORCID: 0000-0002-8591-6442, Кандидат филологических наук,²Студент 3-го курса по специальности «Перевод и переводоведение»,

Тихоокеанский государственный университет

**ЗВУКО-ЦВЕТОВАЯ АССОЦИАТИВНОСТЬ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)****Аннотация**

В статье приводятся результаты психолингвистического эксперимента на выявление звуко-цветовой ассоциативности в звуко-символических словах японского и русского языков. На основании полученных данных, делается попытка подтвердить гипотезу о том, что определенные модели ассоциативного декодирования и кодирования имеют универсальные и национально-мотивированные аспекты звуко-цветовой картины мира, характерные для двух языков. При обработке и анализе данных учитывается и положение о характере эмотивности звуков.

Ключевые слова: синэстемия, звуко-цветовая ассоциативность, эмотивность.

Krivosheeva E.I.¹, Orobets Y.S.²¹ORCID: 0000-0002-8591-6442, PhD in Philology, ²Third year student,

Pacific National University

**SOUND AND COLOR ASSOCIATIONS: UNIVERSAL AND NATIONAL ASPECTS (BASED ON JAPANESE
AND RUSSIAN LANGUAGES)****Abstract**

The article presents the results of psycholinguistic experiment based on Japanese and Russian sound symbolic words, which aims to identify universal and national aspects in sound and color associations. The participants of the experiment were Russian and Japanese barriers. The theory of sound / meaning correlation was also taken into consideration while analyzing obtained data.

Keywords: sinestemiya, sound and color associations, emotiveness.

Любое звучащее слово, даже если его смысл нам неизвестен, произвольно вызывает в нашем сознании определенное представление. Это происходит в силу того, что в основе каждого информационного сообщения лежат образ и его звуковое оформление, а ассоциации являются неотъемлемыми элементами умственной деятельности человека.

Экспериментальные исследования человеческого сознания выявили существование ассоциативных семантических полей, в которые входят единицы, объединяемые общим концептом. Изначальная отприродная способность человека к ассоциациям и аналогиям позволяет предположить, что организация ассоциативной деятельности человека реализуется по определенным универсальным моделям [1].

В попытках определить эти модели, Р.Якобсон, О.Есперсен, Р.Пиаже и другие лингвисты, стремились выявить биологические основания языков, независимые ни от каких грамматических правил, изменяющихся во времени и географии. Ученые обнаружили в звуке глубокие психологические символы, связывающие язык и мышление. Полученные данные позволили с уверенностью утверждать, что определенные модели ассоциативного декодирования и кодирования, используемые носителями всех языков, имеют универсальный характер и могут считаться характерными для всех языков мира.

Ж. Колева-Златева полагает, что сходство между обозначающим и обозначаемым зачастую оказывается нарушенным. Связь же формы и значения реконструируется благодаря явлениям синэстезии и синэстемии [2, 34].

Проведенная А. П. Журавлевым серия постановочных экспериментов с целью выявления скрытого в подсознании цветового значения фонем русского языка позволила определить, что низкие звуки способны окрашиваться в темные тона, а высокие в светлые [3, 56]. А.Б. Михалёв в своих исследованиях идет дальше и определяет, что символизм звуков касается, прежде всего, синестетических ассоциаций, вызываемых отдельными фонемами или группами фонем, лишённых лингвистического означаемого. На этом уровне фонемы обладают сами по себе экспрессивными качествами, которые являются постоянными (универсальными), систематическими и предсказуемыми (национальными) в различных лингвистических и культурных контекстах [4, 60].

С целью проверить теоретическую гипотезу о том, что звуко-цветовые корреляции у носителей разных языков должны быть одинаковыми, нами был проведен психолингвистический эксперимент с использованием модифицированной методики семантического дифференциала Ч. Осгуда, с опорой на звуковую шкалу А.П. Журавлева и цветовую шкалу, составленную Л.П. Прокофьевой [5, 193]. Во внимание было принято и положение о характере эмотивности звуков, разрабатываемое Е.Б. Трофимовой и Е.И. Кривошеевой [6, 60].

Материалом для исследования послужил ряд звуко-символических слов японского языка класса «гитайго». Звуко-символизм носит межнациональный характер, а звуко-символические законы являются статистическими универсалиями, что позволяет исследовать звуко-цветовую ассоциативность одинаковыми методами в разных языках.

В исследовании приняло участие двадцать два японских и двадцать семь русских реципиента. Методом случайной выборки были отобраны девять слов, каждое из которых в записи, сделанной носителем японского языка, повторялось по пять раз. Во время прослушивания, испытуемым предлагалось выбрать один из шести цветов, а также обозначить впечатление от слова, как положительное «+» или отрицательное «-». Носителей японского языка просили максимально абстрагироваться от смысла услышанного и сделать упор именно на звуковой образ.

Предложенная шкала цветов соответствует основным цветам, принятым в русской лингвистической традиции: черный, белый, красный, синий, жёлтый, зелёный, розовый, коричневый. Розовый и коричневый исключены из

анализа, так как эти цвета не являются спектральными и не входят в число основных цветов по своим физическим параметрам.

Проанализируем полученные результаты (таб. 1.1). Для начала выделим слова, в которых наблюдается полное совпадение как по эмотивной, так по цветовой окраске (таб. 1.2).

Таблица 1 – Результаты эксперимента

Слово	Японские реципиенты		Русские реципиенты	
	Эмоциональное восприятие	Цвет	Эмоциональное восприятие	Цвет
1. はあはあ (haahaa)	+	Белый	+	Желтый
2. がしゅん (gashan)	-	Черный	-	Синий
3. もじゃもじゃ (mojamoja)	-	Черный	+	Желтый
4. ごろごろ (gorogoro)	-	Синий	+	Красный
5. ばさばさ (basabasa)	-	Черный	-	Желтый/зеленый
6. ちゃちゃくちゃ (chachakucha)	-	Желтый	+	Желтый
7. あかあか (akaaka)	+	Красный	+	Красный
8. わくわく (wakuwaku)	+	Красный	+	Красный
9. そよそよ (soyosoyo)	+	Белый	+	Желтый

Таблица 2 – Совпадение по эмоциональной и цветовой ассоциации

Слово	Значение	Японские реципиенты		Русские реципиенты	
がしゅん (gashan)	Бьющееся стекло	-	Черный	-	Синий
あかあか (akaaka)	Ярко	+	Красный	+	Красный
わくわく (wakuwaku)	Трепетать	+	Красный	+	Красный
そよそよ (soyosoyo)	С шелестом	+	Белый	+	Желтый

В первом слове gashan наблюдается совпадение в негативной оценке восприятия слова. Данное явление можно объяснить тем, что, возможно, реципиенты сочли доминирующий звук [ʃ] «холодным» и «неприятным». По А.П. Журавлеву звук также имеет отрицательную эмоциональную окраску. У Л.П. Прокофьевой звуку [ʃ] соответствует цвет «синий», что отметили и русские респонденты. «Синий» относится к палитре холодных цветов, как и «черный». Для японцев разбитое стекло – неприятное явление, что они и отметили с помощью «черного» цвета, самого темного из всей палитры.

Следующие слова akaaka и wakuwaku имеют положительную оценку при восприятии и ассоциации с «красным» цветом у респондентов с обеих сторон. Объяснить это можно положительным значением, которое А.П. Журавлев приписывает гласному звуку [a]. В системе Л.П. Прокофьевой звук [a] и звук [k] оба имеют цветное обозначение «красный», отсюда возможен вывод о том, что именно это звуковое сочетание определяет тяготение испытуемых к определенному цвету.

В слове soyosoyo за гласным звуком [s] у Л.П. Прокофьевой закреплен «желтый» цвет, также выбранный и русскими реципиентами. Для звука [o], который доминирует в слове за счет распада буквы ё на звуки [j] и [o], обозначен «желто-белый цвет», что так же соответствует результату, полученному в ходе эксперимента.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что теория об универсальности звуков нашла свое подтверждение. Однако, в результате экспериментов нами были также выделены и обоснованы сочетания звуков, которые можно отнести к национальным, исходя из влияния на их восприятие экстралингвистических факторов (таб. 2.1).

Таблица 3 – Сочетания звуков, исходя из влияния экстралингвистических факторов

Слово	Значение	Японские реципиенты		Русские реципиенты	
もじゃもじゃ (mojamoja)	Косматый	-	Черный	+	Желтый
はあはあ (haahaa)	Звук дыхания	+	Белый	+	Желтый

В обоих примерах наблюдается выбор слов одинаковых по цветовой палитре. В слове *mojamoja* положительный по эмотивному восприятию гласный звук [a] превалирует над согласным [dz], вызывая общий положительный отклик. Однако отсутствие в русском языке звука [dz] приводит к недоверию со стороны русских респондентов, что они и отметили, выбрав «синий» цвет. В японском языке звук [a] несет отрицательную коннотацию [7, 156]. Говоря же о выборе цвета, то осмелимся предположить, что у японцев произошло превалирование значения над звучанием. К тому же, как мы знаем, азиаты имеют преимущественно черный цвет волос.

Еще одно слово, сочетания звуков которого имеют национальный характер: *haahaa*. Японские, и русские реципиенты сошлись в том, что значение данного слова является положительным (превалирует гласный [a] над нейтральным [h]), а расхождение в цветовой ассоциации, можно отнести на счет значения самого слова, которое повлияло на опознание у японских реципиентов. Тем не менее, считаем, что белый и желтый цвета можно отнести к одной цветовой палитре.

Основываясь на результатах эксперимента можно сделать вывод, что звуко-цветовые корреляции у носителей разных языков могут совпадать (т.е. считаться универсальными) или же расходиться под влиянием экстралингвистических факторов (т.е. считаться национальными).

Человеческие знания и представления о мире закреплены в семантике слова с помощью ассоциативных компонентов невербального мышления на уровне подсознания. Языковая же реализация цвета, то есть цветообозначение, становится не просто явлением объективной действительности, но морально-нравственной категорией, обладающей экспрессивно-оценочными коннотациями, выражающей нормы и оценки общества. Таким образом, наряду с универсальными, можно говорить и о национальных лингвоцветовых картинах мира, причиной возникновения которых является несовпадение взглядов представителей разных культур на восприятие цветов.

Хотелось так же отметить, что наше исследование не ограничивается вышеописанным экспериментом. Для проверки данной теории планируется привлечь к рассмотрению большее количество звуко-символических слов не только японского, но и китайского, и корейского языков.

Литература

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М., 1979.
2. Koleva-Zlateva, Z. Славянская лексика звуко-символического происхождения / Z. Koleva-Zlateva // *Annales Instituti Slavici. Universitatis Debreceniensis. Slavica XXXVII*, 2008. - P. 33-53.
3. Журавлев, А.П. Фонетическое значение. /А.П.Журавлев - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. - 160с.
4. Михалёв, А.Б. Теория фоносемантического поля [Текст] / А.Б. Михалёв. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.
5. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты, дисс. на соиск уч ст д.ф.н. Саратов, 2009.
6. Кривошеева, Е. И. Определение соотношенности звукоподражаний японского языка с обозначаемым объектом в условиях психолингвистического эксперимента / Е. И. Кривошеева, Е. Б. Трофимова // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Языковой знак в аспекте синхронии и диахронии. Труды VI Международной науч. – практ. конф. (г. Бийск, 6-8 октября, 2014 г.)*. – Бийск, 2014. – С. 56-62.
7. Hamano, S. The sound-symbolic system of Japanese. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. - University of Florida, 1986. – 299 p.

References

1. Lurija A. R. Jazyk i soznanie. – M., 1979.
2. Koleva-Zlateva, Z. Slavjanskaja leksika zvukosimvolicheskogo proishozhdenija / Z. Koleva-Zlateva // *Annales Instituti Slavici. Universitatis Debreceniensis. Slavica XXXVII*, 2008. - P. 33-53.
3. Zhuravlev, A.P. Foneticheskoe znachenie. /A.P.Zhuravlev - L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1974. - 160s.
4. Mihal'jov, A.B. Teorija fonosemanticheskogo polja [Tekst] / A.B. Mihal'jov. – Pjatigorsk: Izd-vo PGLU, 1995. – 213 s.
5. Prokof'eva L. P. Zvuko-cvetovaja associativnost' v jazykovom soznanii i hudozhestvennom tekste: universal'nyj, nacional'nyj, individual'nyj aspekty, diss. na soisk uch st d.f.n. Saratov, 2009.
6. Krivosheeva, E. I. Opredelenie sootnesennosti zvukopodrazhanij japonskogo jazyka s oboznachaemym ob#ektom v uslovijah psiholingvisticheskogo jeksperimenta / E. I. Krivosheeva, E. B. Trofimova // *Obshheteoreticheskie i tipologicheskie problemy jazykoznanija: Jazykovoj znak v aspekte sinhronii i diahronii. Trudy VI Mezhdunarodnoj nauch. – prakt. konf. (g. Bijsk, 6-8 oktjabrja, 2014 g.)*. – Bijsk, 2014. – S. 56-62.
7. Hamano, S. The sound-symbolic system of Japanese. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. - University of Florida, 1986. – 299 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.112

Махмудова М.Д.

ORCID 0000-0002-7971-0421, соискатель,

Таджикский Государственный Педагогический Университет им. С. Айни

**ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ НА ФОНЕ
ДИСЕНТЕНЦИАЛИЗАЦИИ****Аннотация**

В данной статье автор рассматривает такое языковое явление как дисентенциализация, которое является процессом редукации придаточных предложений. Автор статьи указывает на сходство и предпосылки дисентенциализации с такими языковыми явлениями как синтаксическая синонимия и языковая экономия, и представляет сопоставительные примеры внутриязыковой и межязыковой дисентенциализации в таджикском и английском языках.

Ключевые слова: дисентенциализация, синтаксическая компрессия, синтаксическая синонимия, сложноподчинённые предложения, языковая экономия, трансформация.

Mahmudova M.D.

ORCID 0000-0002-7971-0421, applicant,

Tajik State Pedagogical University of S.Aini

**SUBORDINATE CLAUSES OF TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES ON THE CONTEXT
OF DESENTENTIALIZATION****Abstract**

The article discusses one of the parameters of linkage of complex sentences -desententialization. The author underlines the idea of the analogy and prerequisites of desententialization with the other language units as syntactic synonymies and syntactic compression. Also, on the base of Tajik and English languages is shown the process of desententialization of subordinate sentences intralingual and interlingual.

Keywords: desententialization, syntactic synonymies, syntactic compression, intralingua, Interlingua, complex sentences, language economy, transformation.

Латинское слово desententialization в буквальном переводе означает лишать предложения, т.е. нет предложения. Дисентенциализация (desententialization) как языковое явление тесно связано со сложными предложениями, особенно сложноподчинёнными предложениями. Этот языковой термин впервые был изложен в работах К. Лехмана, когда речь шла о придаточных предложениях. [Ch. Lehmann, 1988] Из шести параметров типологических соединений сложных предложений, которые он представляет, дисентенциализация является одним из ключевых параметров в данной области. Расширение и сокращение сложных предложений неизбежное свойство, которому подвергаются сложноподчинённые предложения, при этом создавая новые эффекты исследования сходных языковых тематик как финитность и нефинитность, синонимичность и речевую экономию. В данной работе мы укажем на предпосылки и сходства процесса дисентенциализации с такими языковыми явлениями как экономия в языке и синонимика придаточных предложений, и рассмотрим динамику внутриязыковой и межязыковой дисентенциализации в сопоставляемых языках.

Дисентенциализация, как автор сам отмечает, является процессом редукации, т.е. в этом процессе мы имеем финитную форму, которая редуцируется на дефинитную форму или же в дивербалу (deverbal). Целевая ориентировка этого языкового феномена заключается: (буквально сказанное К.Лехманом) The goals of desententialization

Таблица 1

proses nominalization >	conjugation form infinitive >	derived stem verbal noun
adjectivization >	participle >	verbal adjective
adverbialization >	converb/gerund >	verbal adverb

Но, процесс редукации в языке динамично функционировал и функционирует и естественно возникает вопрос, как же эти преобразования придаточных предложений именовались до Лехмана с его термином дисентенциализация?

Компрессия - это термин, который был введён в языковую среду и в русскоязычную лингвистическую школу в прошлом веке, используемое для изучения свойств придаточных предложений в синтаксисе. Как отмечает Б.П.Дюндик «компрессия – это особый вид преобразований, который основывается на имманентных свойствах языковой системы и способствует приведению развёрнутых синтаксических конструкций к менее сложному виду, способных, однако, передавать и передающих тот же объем информации, что и полные развёрнутые построения. В этом смысле термин «компрессия» близок термину «комплексная конденсация», предложенному одним из основателей Пражской функциональной школы В. Матезиусом. Сравнивая функционирование чешского и английского языков, учёный обратил внимание на тот факт, что там, где в чешском употребляется сложное предложение с каким-либо придаточным, в английском то же содержание передаётся именной фразой, причастным оборотом, инфинитивом или герундием» [Дюндик Б.П., 1971] И как отмечает Валгина Н.С. «Компрессия и редукация – явления одного плана; появления их делает речь лаконичной и сжатой» [Валгина, с.231]. Сжатость и лаконичность в речи приводит к языковой экономии. Как подчёркивает Дюндик Б. П., в синтаксисе стремление к

экономии выражается в стремлении говорящего использовать меньшее количество знаков плана выражения при передаче определённого содержания, что является одной из причин того, что одна и та же информация может получать и получает разные пути своего выражения. По Лехману этот процесс имеет двойную цель: позитивная - это креативность в приобретении других языковых категорий, а негативная сторона - это сужение свойств придаточных предложений. Исходя из вышесказанного учёными, мы приходим к выводу, что в процессе диссентенциализации придаточных предложений, мы получаем компрессию, комплексную конденсацию, редукцию, которые имеют одну целевую окраску, т.е. передача языковых и речевых единиц по принципу экономии языка и создание новых языковых категорий. Можно сказать, что термин диссентенциализация, введённый в лингвистику К. Лехманом как параметр подчинённого предложения, устойчив и употребим и пропорционален в отношении с ранее использованными терминами, в нашем случае с компрессией (языковая экономия) придаточных предложений. И так мы вправе сказать, что процессу диссентенциализации как параметру придаточных предложений, предшествовало такое явление как компрессия в экономной функции передачи информации. Хотим мы этого или нет, как подчеркнула Патюкова Р.В «У современного человека, помещённого в представленные условия существования, в целях информационного и коммуникативного выживания абсолютно осознанно будет доминировать тенденция к языковому упрощению и соответственно экономии» [Патюкова Р.В, 2011]

В предыдущем параграфе мы анализировали сходство и предпосылки процесса диссентенциализации на уровне речевой экономии, а теперь рассмотрим взаимозаменяемость придаточных предложений с их диссентенциализованной формой в плане синонимичных рядов, ядерных предложений. Например:

John felt silent as he didn't know what to say.

John felt silent not knowing what to say.

John felt silent without knowing what to say или же

After I have done my washing, I went to granny's = Having done my washing, I went to granny's

Как отметила Е.И. Шендельс [Шендельс 1964], каждый вид придаточных предложений связан с синонимичным ему причастным оборотом. В этом плане можно сказать, что синтаксическая синонимия и эквивалентность являются какой-то ещё одной предпосылкой диссентенциализации. Как отмечает С.Джоматов «наиболее раннее упоминание об эквивалентности зависимых предложений (dependent clauses) и причастных групп, (participle groups) выступающих в одной и той же синтаксической функции, мы находим в книге основателя научной грамматики Г.Суита, впервые опубликованной в 1891 году. Идея термина эквивалентной-*equivalency* (эквивалентность) придаточных предложений и оборотов с инфинитивными формами глагола нашла отражение в работах других представителей классической научной грамматики» [Джоматов. с. 329с]. Таким образом можно сказать, что эквивалентность придаточных предложений с конструкциями неопределённых форм глагола отражают сходство и предпосылки процесса диссентенциализации.

И так мы можем иметь связную цепочку синтаксическая синонимия (синонимичный ряд) + языковая экономия (компрессия) = диссентенциализации. Когда речь заходит о сложных предложениях, диссубординацию (desubordination) можно найти в синонимичных рядах и в синтаксических компрессиях в процессе диссентенциализации придаточных предложений.

Изучая диссентенциализацию наряду с языковой экономии и синонимии и указывая на их подобия и преемственность, рассмотрим это языковое явление в сопоставительном функционировании в таджикском и английском языках. В этом плане можно подчеркнуть, что диссентенциализация придаточных предложений процесс внутриязыкового и межязыкового характера и на примере таджикского и английского языков можно представить эту картину. Так как в английском языке существует вербальная форма передачи, имеется ли это форма в таджикском языке? Да, и в таджикском языке мы имеем инфинитив = масдар, причастие = сифати феълӣ, чтобы передавать редуцированные формы языковых категорий. Но, изучая масдар (инфинитив) и сифати феълӣ (причастие) в таджикском языке, мы никогда не подчёркивали, что данное придаточное предложение подвергается процессу диссентенциализации. Мы просто передавали это языковое явление под таким контекстом: ба иборати сифати феълӣ табдил додани ҷумлаи пайрави муайянқунанда ва ба иборати масдари табдил додани ҷумлаи пайрав. (преобразование придаточного определительного в причастное выражение или же преобразования придаточных предложений в инфинитивные выражения.) [Ниёзмухаммадов, с 264]. На примерах таджикских придаточных посмотрим, как внутриязыковая диссентенциализация придаточных предложений происходит с языковыми категориями одного языка. 1. Ман ба шумо тавсия медиҳам, ки мавизи Самарқандро харед. = Ман ба шумо **харидани** мавизи Самарқандро тавсия медиҳам. (Я советую Вам купить самаркандский изюм.) 2. Мехоҳам чизхоеро, ки наметонам, ёд гирам. = Мехоҳам чизҳои **наметонистагӣ** ёд гирам. (Хочу выучить то, чего я не знаю.) Вышеприведенные примеры явно указывают на тот факт, что процесс диссентенциализации в таджикском языке имеет место и можно этот феномен назвать внутриязыковой диссентенциализацией, касающегося только одного языка. Но, как функционирует процесс диссентенциализации в английском языке? В раннем синтаксисе и морфологии английского языка мало найдутся работы для раскрытия нашей темы, и это подчёркивает А. Винсенти и при этом перечисляет ряд авторов, которые оповещали в этом направлении. Например, она пишет «The collated observations go from the «*puosa faticata*» (Colsoni 1688:11) needed in comparison with Latin, to the «simplicity» and «easy learnability» of morphological-syntactic rules, or to the «easiness and shortness» (Jonson 1640:61; Adams 1799:42) of the noun declension system and to the «freedom from troubles» (Priestly 1762:38), which show a positive attitude towards linguistic change and evolution.» [А.Винсенти. с 51] Далее, по работам Суита об эквивалентности придаточных предложений можно сделать вывод, что придаточные английского языка подвергаются диссентенциализации. Например: Eg.1. The man who is talking to John is from Korea. = The man **talking** to John is from Korea. Eg.2. It is very likely that the prices for these goods will go up again in England = The prices are likely **to go** up for these goods in England Eg.3. The man denied that he had committed that crime. = The man denied his **committing** the crime Из приведённых примеров видно, что внутриязыковая диссентенциализация имеет место, как в английском, так и в таджикском языке за исключением герундиальной формы в таджикском языке.

Второй вопрос это межязыковая дисентенциализация, т.е. посредством вербальных категорий одного языка передавать смысл придаточных предложений другого языка. В этом плане соответствует ли термину «комплексная конденсация», предложенному одним из основателей Пражской функциональной школы В. Матезиусом термин дисентенциализация? По исследованиям учёного Дюндик Б.П. Матезиус В, сравнивая функционирование чешского и английского языков, обратил внимание на тот факт, что там где в чешском употребляется сложное предложение с каким-либо придаточным, в английском то же содержание передаётся именной фразой, причастным оборотом, инфинитивом или герундием. [Дюндик Б.П. 1971] Трансформации придаточного предложения посредством нефинитных форм другого языка можно увидеть в таджикском и английском языках. Например: 1. Духтаре, ки рӯймол харидааст, ҳамсоия мост.= Духтари рӯймол харидагӣ ҳамсоия мост. Девушка, которая купила платок наша соседка.= 1. A girl **having bought** a kerchief is our neighbor. (participle) 2. Падари пир писарони худро насихат мекард, ки одамони хуб шаванду ба халқ хизмат кунанд. Старый отец наказывал своим сыновьям стать хорошими людьми, служить народу. = 2. The old father advised his sons **to be** good men and **serve** the people. (Infinitive) 3. Чавонзан ба онхое, ки ба писараш кӯмак расониданд, миннатдорӣ намуд. Молодая женщина поблагодарила всех, кто помог её сыну.= 3. The young woman thanked for **helping** her son. (gerund)

Приведённые примеры показывают, что межязыковая дисентенциализация придаточных предложений применима и в таджикском языке, но применима ли обратная сторона, т.е. с английского на таджикский язык такого явления. Например: 1. I thanked the woman who helped me = Ман ба зани кӯмакрасонида изхори миннатдорӣ намудам. Я поблагодарил женщину, которая помогла. 2. Professor Wilson, who teaches Chemistry, is an excellent teacher.= Профессор Вилсон аз кимӣ таълим диҳанда, устоди асил аст. Профессор Вилсон, который преподаёт химию, отличный учитель. 3. There was no hope that we should get the tickets.= 3. Он чо умеди ёфтани чипта набуд. Не было надежды, что мы найдём там билет. Возможность обратной передачи придаточных предложений с английского на таджикский посредством вербальных форм приемлема из вышеприведённых примеров.

В заключение мы можем сказать, что дисентенциализация как параметр придаточных предложений эволюционировало постепенно от таких языковых явлений, как компрессия (языковая экономия) и эквивалентность придаточных предложений. Внутриязыковое и межязыковое сопоставление придаточных таджикского и английского языков на фоне дисентенциализации показало, что внутриязыковая дисентенциализация английских придаточных продуктивнее по сравнению с таджикскими придаточными, а межязыковая дисентенциализация придаточных предложений имеет место при трансформации придаточных в обоих языках. Но, в связи с тем, что сжатость выражения представляет значительные трудности при переводе с английского на таджикский язык и обратно, мы широко не используем этот способ передачи, а часто прибегаем к построению сложноподчинённых предложений, т.е. декомпрессируем предложение. Проведённый выше анализ свидетельствует о том, что дисентенциализация придаточных предложений в современном английском и в таджикском языках проявляется на всех уровнях языковой системы и является высокопродуктивным средством языковой экономии и креативности.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2000. - 304с
2. Дюндик Б.П. Компрессия придаточных предложений в современном английском языке. /Автореферат дисс. канд. филол. наук. - М., 1971
3. Джоматов С. Становление и развитие лингвистической терминалогии таджикского и английского языков, дисс. докт. филол. наук. Душанбе: 2015. 407с
4. Иванов В. Б, Семенова Е.В, Хушқадамова Ҳ.О Учебник таджикского языка для стран СНГ -М...: КЛЮЧ-С, 2009.-231с
5. Качалова К.Н, Е.Е.Израилевич Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами -М... : ЛадКом, 2012
6. Ниёзмухаммадов Б.....Синтаксис современного таджикского литературного языка- Душанбе: Ирфон, 1970.-264с
7. Патюкова Р. В. Образный контент в аспекте речевой компрессии: Диахронический вектор(XVIII-XXI вв) \\\ Вестник Пермского Университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.1(13) с27-31 23.
8. Шендельс Е.И. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола) в современном немецком языке: дисс. ... докт. филол. наук. - т.1. - М., 1964 –478 с.
9. Azar, Betty Schramfer Understanding and using English Grammar -USA: Longman Pearson Education, 1999
10. Vinceti. A The Economy Principle in Language Notes and Observations from Early Modern English Grammars // Mots Palabras Words . 3/2003 <http://www.ledonline.it/mpw/>
11. Lehman Ch. Towards a typology of clause linkage // [http:// www.christianlehmann.eu/publ/linkage.pdf](http://www.christianlehmann.eu/publ/linkage.pdf)

References

1. Valgina N.S. Aktivnie procesy v sovremennom ruskom yazike M...; Logos, 2000. - 304с
2. Djundik B.P. Kompresiya pridatochnich predlozheni v sovremennom angliyskom yazike. /Avtoreferat dis.kand. filol. nauk. - М., 1971
3. Dzhomatov S. Stanovlenie i razvitie lingvisticheskoi terminalogii tadjzhikskogo i angliyskogo yazikov. dis... doc. filol. nauk. Dushanbe: 2015.-407с
4. Ivanov V.B, Semenova I.V, Chushkadamova H.O Uchebnik tadjzhikskogo yazika dlya stran SNG -M...: Klyuch-S, 2009.-231с
5. Kachalova K.N, I. I. Izralievich Prakticheskaya gramatika angliyskogo yazika s uprazhneniyami i klyuchami- M... : LadKom, 2012
6. Niyozmuhammadov B. Sintaksis sovremennogo tadjzhikskogo literaturnogo yazika Dushanbe: –Irfon, 1970 -264с
7. Patyukova P.V. Obrazni content v aspekte rechevoi kompresii: Diachronicheski vector(XVIII-XXI v) \\\ Vestnik Permskogo Universiteta. Rosiyskaya I zarubezhnaya filologiya. 2011. Vipusk.1(13) с27-31 23.

8. Shendels E.I. Gramaticheskaya sinonimiya (na baze morfologii glagola) v sovremennom nemeskom yazike. dis. ...doc.filol.nauk. - t1. - M., 1964 –478 c.
9. Azar, Betty Schramfer Understanding and using English Grammar -USA: Longman Pearson Education, 1999
10. Vinceti. A The Economy Principle in Language Notes and Observations from Early Modern English Grammars // Mots Palabras Words . 3/2003 <http://www.ledonline.it/mpw/>
11. Lehman Ch. Towards a typology of clause linkage // [http:// www.christianlehmann.eu/publ/linkage.pdf](http://www.christianlehmann.eu/publ/linkage.pdf)

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.078

Морозов Е.А.

Кандидат филологических наук, доцент,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

МОЛОДЕЖНЫЙ ЯЗЫК ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТ 18 ВЕКА ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ**Аннотация**

В статье рассматриваются и анализируются предпосылки и история возникновения молодежного языка Германии Jugendsprache в XVIII веке, прослеживается история его развития с 1950-х годов до наших дней, выявляются основные тенденции его развития. На сегодняшний день с образованием многочисленных молодежных групп Jugendsprache перестает быть единой субстанцией, поэтому в статье раскрываются причины популярности и функционирования молодежного языка в системе нормативного немецкого языка и языковой культуре в целом, их взаимодействие и взаимовлияние.

Ключевые слова: молодежный язык Германии Jugendsprache, нормативный язык, языковая культура.

Morozov E.A.

PhD in Philology, associate professor,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Nosov State Technical University of Magnitogorsk”

THE YOUTH LANGUAGE OF GERMANY: ITS HISTORY FROM THE 18TH CENTURY TO OUR TIME**Abstract**

The article examines the preconditions and origins of the youth language, Jugendsprache, in Germany in the eighteenth century, traces the history of its development from the 1950s to the present day, identifies the main trends of its development. Today, with the formation of numerous youth groups Jugendsprache ceases to be a single substance, thus the article reveals the reasons for the popularity and functioning of the youth language in the system of standard German and linguistic culture in general, their interaction and mutual influence.

Keywords: youth language of Germany Jugendsprache, standard language, language culture.

Молодежный язык Германии Jugendsprache представляет собой одну из самых интереснейших тем современной лингвистики. Он отличается непривычным смешением лексики и грамматики с огромным количеством вспомогательных элементов (морфемы, графемы, фонемы) и свободными правилами построения предложений (порядок слов). Сегодня молодежный язык Германии становится пристальным объектом лингвистов Германии, таких как Ева Нойланд, Петер Шлобински, Яннис Андросополос, Герман Эман.

Единого определения «Jugendsprache» не существует. П. Шлобински поясняет это явление языка следующим образом: «при определении молодежного языка принимается во внимание различие в языковых ситуативных предпочтениях (дома или в школе), а также необходимо учитывать тот фактор, кто принимает участие в диалоге, их возраст и личное настроение» [6, 178]. При этом нельзя отождествлять понятия «Jugendsprache» (молодежный язык) и «Sprache der Jugend» (язык молодежи). Jugendsprache нужно рассматривать, как множество нестандартных языковых моделей, которые делятся внутри одной молодежной группы на социокультурные части» [1, 4].

Проанализировав работы лингвистов, больше всего на роль определения молодежного языка подходит следующее: «Jugendsprache является средством самовыражения молодежи, которое, с одной стороны, служит идентификатором в рамках одной группы, а с другой – средством ограничения молодежи от полного законов и правил мира взрослых, а также и от их языка, полного нормативных правил» [2, 263].

Исследовать молодежный язык начали в 16 веке. Но эти исследования вплоть до 18 века проводились на основе мизерного количества источников, к которым можно отнести Zachariäs Renommist, Kortums Jobsiade и жизнеописание магистра Локхарда. Первое настоящее научное исследование можно датировать 18-м веком, оно было посвящено исследованию галльского студенческого жаргона, «языка учеников и студентов прошлых веков, который является предком того языка, на котором говорит современная молодежь, фундаментом молодежной культуры». [5, 94].

Вскоре количество исследований сократилось. Вновь данные по молодежному языку начали собирать уже только после Второй мировой войны, тогда и появилось понятие «Jugenddeutsch», так называемый язык «университетов, казарм и молодежных групп». Заинтересованность ученых породила огромное количество исследований, поэтому наиболее важным будет рассмотреть именно развитие молодежного языка в промежутке с 1950-х годов до нашего времени.

Если искать молодежные выражения старше 50 лет, то можно сделать вывод, что активное развитие «потребительского молодежного языка» началось одновременно с распространением масс-медиа, в первую очередь, телевизоров и особенно интернета. По причине того, что ранее единственным медиа средством были книги, которые были написаны стандартным языком, о развитии молодежного языка, как единого целого, не могло быть и речи. Молодежный язык того времени состоял из отдельных сценических языков, а точнее внутригрупповых языков.

Распространение молодежного словарного запаса было очень ограничено. Если опросить людей старшего возраста, то станет понятно, что молодежные выражения человека, выросшего, к примеру, в Вене, будут совершенно непонятны уроженцу Тироля, не говоря уже о Германии. Общеизвестные молодежные выражения 50-х годов прошлого века очень сложно найти.

До 60-х годов молодежный язык еще находился под влиянием прошедших военных событий и последствий. «Это сложное время с 1943 по 1950 до сих пор находит отражение в выражениях тех молодых людей, которые в то время еще даже не ходили в школу или которым было от силы 10 лет, в общем, они были в возрасте, когда человек все впитывает, как губка». Молодежи, которая пережила войну, приходилось вместе с выжившими родственниками бороться за жизнь. То, чем они тогда занимались, получило название «hamstern», на русский перевести это можно глаголом «хомячить» - добывать еду, есть (от нем. der Hamster – хомяк), что для молодежи того времени значило нелегально добывать себе пропитание, топливо или другие необходимые товары. На черном рынке найденное можно было обменять на товары первой необходимости. Такой вид обмена был назван Schleichhandel (торговля из-под полы, спекуляция) или попросту Schleich. Также этим словом обозначалось место сделки.

После того, как сложное время осталось позади, в городах снова стала расцветать жизнь. Это было время, в котором существовали такие понятия, распространенные среди молодых людей, как Swing, Jazz и Bebop; людям было понятно, что означали слова Tanzböden и Petticoats, Bluejeans и Coca-Cola, Halbstarken и Rowdys.

Молодежная культура снова начала развиваться. Молодежи больше не надо было становиться маленькими взрослыми, минуя пору юности. Теперь они могли посвятить свое время поиску своей личности, самого себя. Благодаря своей музыке, одежде и своему поведению против истеблишмента, против консерватизма, они разожгли глубокий конфликт поколений. В Вене таких молодых людей называли «Schlurf» (уничижительное обозначение для неухоженных длинноволосых людей), а их длинные густые волосы были известны как «das Packl», позже укоренилось слово Halbstarker (в 50-х годах агрессивно настроенные молодые люди, в большинстве выходцы из рабочего класса) или же Rowdy, Оповознательными знаками молодых людей, относящих себя к Halbstarken были джинсы, кожаные куртки и прически как у Элвиса, и, конечно же, обязательно было наличие мопеда, который в Вене называли «Schlurf – Rakete» или «Pupperl-Hutsch'n». Halbstarken представляли до 1960х годов большую часть молодежной сцены. Идолами для подражания в то время были Элвис Пресли, Билл Хейли и Марлон Брандо. Rock'n'Roll был повсюду.

В это время также были и свои собственные выражения у женского пола, касающиеся танцев и развлечений. Если хотелось подцепить модную красотку (flotte Biene), то нужно было устроить пирушку (ein Fass aufmachen), закатить крутую вечеринку (dufte Party geben). Если крутую девочку удавалось зацепить (steilen Zahn treffen), то вспыхивал огонь (die neue Flamme). И если девушка была первоклассной (die Braut einsame Klasse sein), то с ней можно было танцевать под горячие джазовые ритмы (heißen Beat hotten) всю ночь напролет. На примере этих выражений можно достаточно четко увидеть, что в нынешнее время они уже не используются.

Возьмем к примеру глагол «hotten». В 1964 году это слово было у всех на устах, настолько популярным, что даже Йоахим Штаве, немецкий писатель, посвятил ему целую главу своей книги «Wie die Leute reden». «Возможность развлекаться (hotten) рассматривалась молодежью, как привилегия, когда они, несмотря на каждодневный педагогический контроль и предписания могли танцевать так, как им этого хотелось», - писал он без иронии [7, 179]. Популярный немецкий рок-певец Удо Линденберг использовал это выражение в 1983 году в своей песне «Mein Onkel Joe»: «Das Orchester von Cäpt'n Wahnsinn spielt im Mördertakt – und dann müsst ihr mal sehen, wie Onkel Joe seine Madonna packt – und dann hotten sie, bis meiner Tante das Mieder knackt ...» [8] Его молодым слушателям значение этого слова уже могло показаться устаревшим или незнакомым вовсе. В наше время его все еще можно найти в Duden («Hotjazz spielen, danach tanzen») [3, 358]. В лексиконе молодежного языка Германа Эмана можно найти слово (ab-)hotten [4, 129], которое на русский язык переводится как «устраивать вечеринку, праздновать». Но в наши дни оно скорее относится к внутригрупповому сленгу.

С распространением телевидения (с 1955), началом производства журналов для молодежи (например, «Bravo» с 1956) или началом выпуска молодежных программ («Ohne Maulkorb» с 1967) разные виды разрозненного в то время молодежного языка начали объединяться. Представители церкви и другие общественные институты искали поддержки друг друга в борьбе против понятия «Schund» (халтура, низкопробное чтиво). Под этим определением подразумевались, в первую очередь, комиксы, которые с 1954 импортировались в Германию, а также газеты и иллюстрированные журналы, такие как «Bravo». В 1959 году вышел выпуск «Bravo-Starschnitt», на обложке которого была легендарная Бриджит Бардо в сетчатых чулках. Разразился скандал не только среди родителей и учителей, на журнал были наложены санкции об ограниченном распространении, потому что его содержание могло навредить молодежи. В 1960 году мэр города Wels приказал газетчикам и продавцам журналов не выставлять «эти сомнительные журналы Bravo и комиксы» на витрины и не продавать их молодежи, потому что подобная продукция могла наставить молодежь на ложный путь.

Революции студентов 1968 года, которые были направлены не только на борьбу с консервативными порядками в вузах, но по сути больше на само общество, знаменовали новую эру. Революция в 1968 году была молодой, проходила с шутками и многие политические акции заканчивались удачно (mit Happening).

В 1980 году молодежный язык продолжал выстраивать свою основу на фундаменте, заложенном в 1950-60 годы. Но теперь, вместо «die Party war einsame Spitze» все чаще можно было услышать «die Party war echt die Härte» или «voll der Hammer». Те, кто раньше «Tschik qualmte» (курить сигареты), теперь «eine Fluppe reinzog», а кто много болтал (labbern) был просто желторотым птенцом (ätzend).

То, что в 90-е было «stark» (сильно), сейчас «fett» (жирно), то, что называли «echt brutal», сейчас скорее прозвучит «voll krass». То, что сегодня можно найти в словарях молодежного жаргона, завтра может исчезнуть из употребления.

Язык всегда помогал молодежи чувствовать себя обособленно не только среди взрослых, но и среди таких же представителей молодежных течений, возвращать так называемое «чувство нас» («Wir-Gefühl»). То, что о

молодежном языке до сих пор говорят, как о едином целом, можно «винить» ученых-языковедов и их академические исследования, которые, по сути, сосредоточены на исследовании языка определенной молодежи, который возводится в постулат. Исследование настоящего молодежного языка осложняется тем, что невозможно уследить за постоянно появляющимися новыми группами и тенденциями на молодежной сцене, а также по причине того, что не существует какой-либо исследовательской методики. Большинство авторов «молодежного лексикона» занимаются тем, что наостряют уши и собирают материал. Но никогда лексику не разделяют по принципу, кто именно из молодежи в какой именно ситуации употребляет то или иное выражение, а также по тому, идет ли речь об активном или пассивном употреблении. Снова и снова в газетах можно наткнуться на статьи, где родителям объясняется, как говорят их дети.

В разговорном языке со скоростью света подвергаются изменениям различные цитаты и фрагменты из разных СМИ источников, которые впоследствии проникают в повседневную речь. Появление новых специфичных языковых стилей опирается на два момента: обращение к специальным культурным ресурсам, которые распространяют СМИ, а также на создание новых связей. Например, переход всем известных рекламных слоганов в повседневную речь.

Молодежный язык часто используется в рекламе в качестве стилизованного элемента. Благодаря его использованию можно расширить возрастной диапазон клиентов и повысить эффективность рекламных слоганов. Мнение «рекламщиков» о том, что благодаря использованию молодежного сленга можно повысить спрос на товар, сложилось по причине того, что молодежь на западе очень ценит те продукты, реклама которых сделана на «их» молодежном языке, таким образом, молодые люди начинают невольно доверять рекламодателю, говорящему с ними на «одном языке». В качестве примера использования Jugendsprache в рекламных целях можно привести следующие слоганы.

«Geiz ist geil» («жадность – это прикольно!») является самым цитируемым, критикуемым и анализируемым рекламным слоганом на протяжении нескольких лет не только на территории Германии, но и по всей Европе. Если принять во внимание одну из функций слоганов, а именно «привлечение внимания потенциального покупателя, узнаваемость товара и реакция на него», то идею создания данного слогана можно назвать более чем успешной. Среди факторов, которые привели к успеху, языковая форма выражения играет, чуть ли, не самую важную роль: слоган закрепился в памяти людей, потому что в нем содержится аллитерация. В данном случае авторы использовали сочетание несочетаемого, то есть неожиданное сочетание в принципе разных по значению качеств, свойств, наделив их положительным значением: прилагательное geil – чужеродный объект для письменного разговорного языка. Оно относится скорее к словарю молодежного языка и представляет собой описательное прилагательное. Данный слоган быстро вошел в повседневность и, более того, стал олицетворением одной из сторон немецкого менталитета, а именно любви немцев к экономии, а на волне экономического кризиса «Geiz-ist-geil-Mentalität» даже стало нарицательным понятием, понимаемый как «менталитет, основанный на жадности/экономии, – это круто».

Пример мы можем увидеть в рекламе супов быстрого приготовления «Maggi», а именно «Maggi – voll fett!» Здесь к вышеозначенному слову «voll» добавляется слово «fett», также имеющее двойное значение. Слово «fett» может быть использовано в прямом смысле «fett – жир», что позволит нам перевести слоган, как «Магги – полный жиров». Но нельзя забывать о переносном молодежном значении обоих слов. Слово «fett» уже давно не используется в качестве прилагательного для описания какого-либо предмета или человека, напротив, оно стало выражением удивления или восхищения. «Das ist echt fett!» можно перевести как «Просто здорово!». Принимая во внимание молодежный аспект, мы можем также перевести рекламу как «Магги – очень круто!».

Рассмотрев лишь некоторые аспекты молодежного языка, мы можем констатировать следующие моменты. Использование своего языка для молодежи является отходом от обыденности, игрой, иронией или маской. Молодежный сленг изменяется также быстро, как изменяется сама молодежь. Но, в то же время, он является неким подобием социального зеркала. Появляясь в рекламе, он способен «поставлять материал» для «нужд общества», тем самым «изменяя» нормативное использование языка. С образованием новых молодежных групп Jugendsprache перестал быть единой субстанцией, по стилю речи молодых людей можно сделать вывод, к какой именно социальной группе принадлежал тот или иной тинейджер.

Литература

1. Androutsopoulos, Jannis, K. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1998 – 684 S.
2. Brockhaus Enzyklopädie. 20. Band. - Mannheim: Brockhaus GmbH, 1993 – 736 S.
3. Duden – Die deutsche Rechtschreibung, 1996 – 358 S.
4. Ehmann, Hermann. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2005. – 178 S.
5. Müller-Thurau, Claus Peter. Lass uns mal 'ne Schnecke angraben. Sprache und Sprüche der Jugendszene. – Düsseldorf: Econ Verlag, 1984 – 176 S.
6. Schlobinski, Peter, Kohl, Gaby, Ludewigt, Irmgard. Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993 – 241 S.
7. Schwitalla, Johannes. Gesprochene Sprache. Eine Einführung. – Erich Schmidt Verlag GmbH & Co. Verlag, 2003 – 240 S.
8. Songbook [Elektronnyj resurs] URL: http://www.udo-lindenbergl.de/mein_onkel_joe.57436.htm (data obrashheniya 28.05.2016)

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.052

Мухамедзянова Е.К.¹, Патенко Г.Р.², Горячева О.Н.³¹Кандидат филологических наук, ²кандидат филологических наук;³кандидат филологических наук, Scopus Author ID: 56296843600,

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

**СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА:
ФОРМЫ, ЯЗЫК, ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ****Аннотация**

В статье даётся общее представление о презентации как эффективной форме визуальной коммуникации, как особом языке бизнеса. Проанализированы основные инструменты визуализации в бизнес-презентации. Авторы приходят к выводу, что правильно выстроенная деловая коммуникация во многом определяет степень эффективности всей деятельности субъекта, финансовой, политической, социальной. Материалы исследования можно применять на любых занятиях как в учебном процессе в высшем учебном заведении, так и на предприятиях.

Ключевые слова: визуальная коммуникация, инструменты визуализации, сторителлинг, ментальная карта, визуальное мышление, визуализация слова.

Mukhamedzyanova E.K.¹, Patenko G.R.², Goryacheva O.N.³¹PhD in Philology, ²PhD in Philology;³PhD in Philology, Scopus Author ID: 56296843600,

Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University

MODERN COMMUNICATIVE CULTURE: FORM, LANGUAGE AND SPECIFICS OF IMPLEMENTATION.**Abstract**

The article gives an overview of the presentation as an effective form of visual communication as a special language of business. The main visualization's tools in the business presentation are analyzed. The authors conclude that a well-crafted business communication largely determines the degree of efficiency of the whole activity of a subject, financial, political, social. Research materials can be used in the educational process in higher educational institute and at enterprises.

Keywords: visual communication, visualization's tools, storytelling, mental map, visual thinking, visualization of the word.

Грамотная организация общения в деловой сфере очень важна для его становления. Нужные слова, в нужной форме и в нужное время – это залог не только финансового, но коммуникативного благополучия.

Для достижения высокого уровня результативности практически в любом виде коммерческой деятельности необходимо овладеть искусством выступлений. Неслучайно риторика как учебная дисциплина занимала одно из центральных мест в образовательной системе Античности, причем публичным выступлениям обучали лучшие умы того времени, а на словесные бои приходило зачастую больше зрителей, чем на самые популярные сражения гладиаторов. Аргументированная речь приводила трибунов к высшим ступеням власти. В настоящее время система коммуникации представляет собой крайне сложное и противоречивое явление, и чем более стихийными и запутанными становятся информационно-коммуникационные потоки, тем важнее их контролировать и повышать степень эффективности коммуникации. Мы в своей работе рассмотрим различные формы бизнес-коммуникации как разновидности современной коммуникативной культуры, отдельно остановимся на презентации.

Презентация (лат. - «представление») – это многогранная форма коммуникации: уникальный творческий акт; выдающееся событие; институт (продаж, формирования общественного мнения, мотивирования, маркетинга, рекламы, PR); любое публичное выступление (в любой языковой культуре); сложная и дорогая, но эффективная форма коммуникации; театральное представление; инструмент бизнес-коммуникаций; большой опыт.

В этой связи презентатор получает статус универсального специалиста – мастера вербальной и невербальной коммуникации, сценариста, режиссёра, дизайнера.

А. Каптерев, один из ведущих мировых экспертов по вопросам проведения презентаций, в работе «Мастерство презентации. Как создавать презентации, которые могут изменить мир» отмечает: «Сегодня приходится выступать публично гораздо чаще, чем когда-либо ранее» [2, с.19].

Презентация состоит не только из умения грамотно составлять слайды, но и из искусства речи. Чем приятнее будет звучать речь, тем более благоприятное впечатление можно создать.

Однако из подавляющего большинства презентаций, делающихся каждый день, только незначительный процент осуществляется на нужном коммуникативном уровне. В сфере бизнеса неумение проводить презентации рассматривается как потенциальный источник коммуникативного провала. Сейчас в России мы наблюдаем лишь шаги в зарождении культуры презентаций – коммуникативной культуры убеждать, мотивировать, вдохновлять.

В современном мире появились новые явления, которые на первый план выводят визуальные коммуникации. Как следствие этого – тесное взаимодействие зрительных образов, визуальных кодов, видеотехник и практик визуальности. В настоящий момент можно наблюдать всепоглощающую визуализацию общества, когда активно протекают процессы когнитивной деятельности по восприятию объективной реальности в виде зрительных изображений (при этом зрительная форма может быть дана как реально существующим, так и созданным в сознании любым ментальным объектам и явлениям).

Презентация как эффективная форма визуальной коммуникации, заставляющая людей действовать, должна постепенно превратиться в коммуникативный язык бизнеса. Как известно, визуализация информации – это способ сделать сложное простым, многие вещи не только ясными и понятными, но и убедительными и наглядными. Для реализации этой функции у презентации есть все возможности. Презентация – это не просто один из каналов передачи информации, но и очень мощный инструмент воздействия на аудиторию.

Успех презентации определяется не только важностью ключевой идеи, но и подготовкой выступающего, материалов и даже места проведения презентации. Современная бизнес-презентация – это не самоцель, а инструмент достижения масштабных целей. Она является на сегодняшний день наиболее эффективным рекламным инструментом, предопределяющим коммерческий успех любой фирмы.

Бизнес-презентация – это очень ответственно. Она требует тщательной подготовки, ведь от того, как выступит оратор, зависит судьба проекта, фирмы, компании. Скучное многословие никто не будет слушать. Информации сейчас так много, что она уже практически ничего не стоит, а вот внимание клиента – бесценно как никогда. А чтобы заполучить это внимание, нужно усвоить основные инструменты и правильно их применять.

Рассмотрим основные инструменты визуализации в бизнес-презентации:

1. История как инструмент визуализации.

Суть первого визуального приема хорошо отражает еврейская нравоучительная история одиннадцатого века:

Притча нашла Правду дрожащей от холода и умирающей с голоду. Притча сжалась над Правдой, привела ее к себе в дом, согрела, одела в историю и отправила дальше. Облаченная в пристойную историю, Правда снова принялась стучать в дома жителей деревни, и теперь ее охотно пускали, усаживали у очага и вкусно кормили.

Ещё Аристотель заметил: «Если в обществе не умеют рассказывать истории, то оно деградирует» [4, с. 510]. Об этом вспомнили и в современном мире: умение рассказывать истории становится обязательным приемом, без которого невозможно полноценно решать коммуникативные вопросы, связанные с лидерством и деловым общением. Известно, что Рейган активно использовал этот приём в своей политической карьере, рассказывая через каждые два минуты увлекательные истории.

Основная идея заключается в том, что данные и визуализация не обязательно должны передавать лишь голые, холодные факты. Иногда то, что необходимо, это вовсе не аналитические прозрения. Порой бывает полезнее рассказать историю с эмоциональной точки зрения, чтобы подтолкнуть зрителей к размышлениям над имеющимися данными.

Бизнес-коммуникации трудно представить без этого востребованного жизнью инструмента представления информации: история помогает реализовывать идеи с энергией, убедительностью и харизмой; история захватывает внимание и воображение слушателей.

В истории всегда отражаются человеческие эмоции. Истории – это не просто факты. Истории – это факты с душой, это факты особой стратегии. Именно они, выстроенные в последовательность, придают деловому высказыванию запланированный смысл.

Истории как форма коммуникации возникли задолго в дописьменную эпоху и были оптимальной формой для устной передачи фактов. Существует простая технология, которая поможет профессионально, оперативно подготовить практически любую презентацию: необходимо дать последовательную цепочку, почти, как на театральной сцене: важно показать, *как началась история, где и когда возник конфликт, и как из него выйти.*

Указанные элементы могут быть обыграны в различных типах истории. Например, А. Симмонс в работе «Сторителлинг. Как использовать силу историй» рассматривает классификацию, в которой 6 типов историй:

1. Истории типа «Кто я»
2. Истории, объясняющие «Зачем я здесь».
3. Истории о «видении».
4. Поучительные истории.
5. Истории, демонстрирующие «Ценности в действии».
6. Истории, говорящие о том, что «Я знаю, о чем вы думаете» [6, с. 5].

Хорошо реализованная история проясняет жизненную картину мира, делает ее понятной для всех. Она способна сотворить чудо в бизнес-презентациях, переговорах и личных взаимоотношениях.

2. Ментальная карта или «интеллект-карта» – интерактивный инструмент для визуального мышления.

Человеческое сознание обладает невероятными функциональными возможностями. Любой компьютер уступает в своих возможностях человеческому мозгу, способному запоминать сведения, обрабатывать имеющуюся информацию, принимать мгновенные решения или планировать будущую деятельность. Однако, самое уникальное качество человека – способность совершенствовать алгоритмы работы сознания и оптимизировать собственную деятельность. Один из подобных «апгрейдов» – это метод интеллект-карт, позволяющий совершить качественные изменения во многих сферах собственной жизни [5].

Ментальная (интеллектуальная) карта или Mind map – это удобный инструмент для отображения процесса мышления и структурирования информации в визуальной форме. Она сочетает в себе элементы как логического, так и образного мышления, при её изучении работают оба полушария. Результат применения – гораздо лучшее усвоение материала, лучшая воспроизводимость полученных знаний, развитие образного мышления, цепкая память.

Всем известна поговорка: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» (современная интерпретация: «Используйте картинку, стоимость ее – тысячи слов»). Действительно, изображения запоминаются лучше, чем слова. А слова и картинки вместе запоминаются лучше в совокупности.

Основная задача, которую мы пытаемся реализовать во время презентаций, прибегая к помощи схемы, - увидеть то, что в обычном формате рассмотреть было невозможно, понять что-то качественно новое. Для этой цели применяют «интеллект-карты». Их возможности практически безграничны, коммуникативный ресурс поразителен.

Если же использовать традиционный подход в виде обычных стандартных записей или списков – перечней на слайдах, то можно отметить фактически полное отсутствие визуального видения процесса: нет визуальной системы, не использованы функции визуальной иерархии, не применяются цветовые решения, забыта игра картинок, создающих образы, тускло графическое видение информации, нет оперирования с многомерными предметами – объектами. При этом затрудняется ориентация в пространстве, нет целостного восприятия и нужных ассоциаций. Ментальные карты восполняют в полной мере этот пробел: здесь есть все необходимое для эффективной

мыслительной работы слушателей как в процессе воспроизведения материала, так и в ходе его интерпретации. Кроме того, подготовка ментальных карт – это ничто иное, как способ нахождения основных идей в презентации. Ценность ментальной карты – в тех идеях, которые появляются в процессе ее создания.

Почему ментальные карты воспринимаются лучше, чем привычные списки, графики, таблицы, тексты? Дело в том, что они лучше соответствуют структуре человеческого мышления – ассоциативного, иерархического и визуального.

3. Визуализация слова.

Устная коммуникация, как известно, находит отражение в визуальной, которая хранит и передает информацию от одного поколения к другому, накапливая культурный опыт цивилизаций. «Звуко-буквенное письмо можно рассматривать как визуальный код речи» [3, с. 98].

Для выражения образа в тексте презентаций подбираются слова. Поэтому текст – это тоже визуальное: текст раскрывает суть мира через сцепление букв в слова, а слов в предложения.

Рассмотрим, какие формы визуализации слова, непременно применяются в бизнес-презентации. Прежде всего – это **метафора**.

Метафора как особая форма мышления, обладающая наглядной четкостью, информационной нагруженностью, результативностью действия, силой убеждения, должна рассматриваться не просто как фигура речи, а как форма мысли, обеспечивающая взаимодействие идей. Появление научных метафор обусловлено необходимостью дать название вновь открытым фактам и явлениям с последующим их закреплением в языке научной терминологии.

Приведем некоторые примеры.

1. *Компьютер – это эквивалент велосипеда для мозга.*
2. *Микропроцессор – это мозг вашего компьютера.*
3. *Продажа впечатлений.*
4. *Пустое пространство – это способ дать вашим слайдам дышать.*
5. *Оденьте ваши цифры.*
6. *Факты подобны мешкам – если они пусты, они не могут стоять. Чтобы факт стоял на ногах, нужно прежде всего напичкать его разумом и чувствами, которые дали ему жизнь.*
7. *Чтение текста с листа подобно рыцарским доспехам: оно ограничивает поле зрения и делает вас неповоротливым.*

Метафора визуализации является отображением на некоторый мир визуализации, где безобразные объекты получают свое визуальное представление. Цель метафоризации состоит в увеличении выразительности изучаемых объектов [1].

К палитре визуальных красок, которые раскрасят презентационную речь, можно отнести:

- **игру слов:** *Имейте большой талант нанимать большие таланты. Всё решают кадры, которые решают всё.*
- Дефект «нулевого» дефекта. *Мягкое твердо. Твердое мягко;*
- **парадокс:** *Вы никогда не бываете сильны так, как в моменты бессилия;*
- **гиперболу:** *Проблема «нулевого» дефекта: нет ярких поражений – нет и грандиозных успехов;*
- **определение:** *профессиональный, важный, невероятный, великолепный, уникальный, замечательный, умный, революционный, удивительный, классный, потрясающий;*
- **риторическое восклицание:** *Вы не поверите, какой звук он может создавать! Послушайте!;*
- **цитирование:** *Я бегу туда, где шайба будет, а не туда, где она сейчас* (Стив Джобс). *Если вы не можете объяснить это просто – значит вы сами не понимаете этого до конца* (Альберт Эйнштейн);
- **аналогию:** *Тысяча песен у вас в кармане;*
- **слова с повышенным энергетическим значением:** *инфографика, интерактивная композиция, визуальный контент* и др.

В эпоху визуального потребления инструменты визуализации, использованные в презентации, становятся особенно востребованными. Их миссия в деловой коммуникации – донести мысли до клиента в максимально простой форме.

Умение публично выступать и вести переговоры необходимо практически в любой профессии. Умело построенная деловая коммуникация – это пропуск в финансовое, карьерное и социальное благополучие. Убеждающая сила презентаций зависит от «алхимии слов», от того, как выстроены и произнесены ключевые фразы. Профессиональное использование речевых средств позволяет «раскрасить» бизнес-презентацию и сделать ее более яркой и убедительной, отсюда следует и высокая степень эффективности деловой коммуникации.

Литература

1. Авербух В.Л. Метафора интерфейса и метафора визуализации. Какая теория нам нужна? [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/53418/chitat_knigu.shtml
2. Каптерев А.С. Мастерство презентации. Как создавать презентации, которые могут изменить мир. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 336 с.
3. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего/ пер. И.О.Тюриной. – М.: Академич. проект: Фонд "Мир", 2005. – 496 с.
4. Мухамедзянова Е.К. Бизнес-презентация как важный визуальный элемент корпоративной культуры // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сборник статей международной научно-практической конференции (23 октября 2014 года) – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 566 с. – С. 509-514
5. Ребрик С. Бизнес-презентация. 100 советов, как продавать проекты, услуги, товары, идеи [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.arhcity.ru/data/480/Prezent.pdf>
6. Симмонс А. Сторителлинг. Как использовать силу историй. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013 – 272 с.

References

1. Averbukh V. L. Metaphor interface metaphor and visualization. What theory do we need? [Electronic resource] / access Mode: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/53418/chitat_knigu.shtml
2. Kapterev, A. S., the art of presentation. How to create presentations that can change the world. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. – 336 p.
3. McLuhan M. the Gutenberg Galaxy: the making of man print/ translated by I. O. Tyurina. – M.: Academic. project: Foundation "World", 2005. – 496 p
4. Mukhamejanova E. K. Business presentation as an important visual element of the corporate culture // Visual communication in social and cultural dynamics: a collection of articles of international scientific-practical conference (October 23, 2014) – Kazan: Publishing house of Kazan. University press, 2015. – 566 S. – S. 509-514
5. Rebrik S. Business presentation. 100 tips on how to sell projects, services, goods, and ideas [Electronic resource] / access Mode: <http://www.arhcity.ru/data/480/Prezent.pdf>
6. Simmons A. Storytelling. How to use the power of stories. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013 – 272.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.167

Русан А.В.

Магистр филологии,

Санкт-Петербургский государственный университет

СМЕШЕНИЕ И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ ЧЕШСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Аннотация

Проблема переключения и смешения кодов является крайне актуальной в зарубежной лингвистике последних десятилетий. Цель работы – описание и функционирование смешения и переключения кодов на материале романа Йозефа Шкворецкого «*Příběh inženýra lidských duší*». В качестве основных методов исследования применялись: метод сопоставительного анализа, позволяющий выявлять англоязычные вкрапления как единицы английского языка, детерминирующие национально-культурную специфику английского языка; метод компонентного анализа, позволяющий выявлять семантические взаимосвязи английских реалий; дескриптивный метод. В ходе работы мы сделали вывод, что герои романа, высокообразованные и культурные (Данни Смиржицкий, Вероника Прстова), практически не допускают в речи на чешском языке английских вкраплений, либо такие вкрапления используются намеренно и являются способом языковой игры. Менее же образованные представители чешской эмиграции в Канаде или те, кто владеет английским языком в меньшей мере, допускают в чешских высказываниях появление единиц английского языка в неизменном или адаптированном виде.

Ключевые слова: переключение языкового кода, смешение языковых кодов, языковой контакт.

Rusan A.V.

Master of philology,

Saint-Petersburg state university

CODE-MIXING AND CODE-SWITCHING IN THE SPEECH OF CZECH-EMIGRANTS
(BASED ON JOSEF SKVORECKÝ'S PROSE)

Abstract

The problem of code-switching and code-mixing is highly relevant in the sphere of modern linguistics. The purpose of the article is to describe the functioning of code-switching and code-mixing in the novel by Joseph Škvorecký. "The engineer of human souls". The basic methods of the research are: the method of comparative analysis, which allows to identify the English insertions as the units of the English language, determining the cultural specifics of English and the descriptive method. It was concluded, that the highly educated and cultured characters of the novel (Danny Smiržický, Veronika Prst) hardly ever use code-mixing, they use English insertions as an element of language game. The Czech emigrants, who are less educated, or who haven't learned English well enough, use English words in their Czech speech.

Keywords: code-switching, code-mixing, bilingualism.

Проблема переключения кодов является крайне актуальной и широко обсуждаемой в зарубежной лингвистике последних десятилетий. Целью данной работы является описание функционирования смешения и переключения кодов в речи чешских эмигрантов на материале романа Йозефа Шкворецкого «*Příběh inženýra lidských duší*».

Явления переключения и смешения кодов представляет собой значительный интерес для отечественных ученых.

Данной проблематике посвящена работа Е. А. Проценко «Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике» [1], где дан обзор точек зрения и подходов к изучению проблемы зарубежных исследователей. Переключение языковых кодов определяется как попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта более или менее двуязычным говорящим [1, с. 123]. Е. А. Проценко отмечает, что первым в этой области стал У. Вайнрах. Вслед за У. Вайнрахом выделяются три основных комплекса факторов переключения кодов или три направления исследования: внешние, экстралингвистические "on the spot" или социолингвистические; внутренние, психолингвистические и, наконец, собственно лингвистические среди которых чаще рассматриваются грамматические, синтаксические или структурные вопросы. Зарубежные исследователи пришли к выводу о том, что составить исчерпывающий перечень социальных сфер переключения кодов (the domains for codeswitching) практически невозможно. В своей работе Е. А. Проценко указывает зарубежных ученых, которые

занимались данной проблематикой: Р. Бхатт, К. Беккер, Р. Джейкобсон, П. Ауэр, Э. Эпплер, Р. Финлэйсон, Л. Фигейро, Т. Голдштейн, М.-Б. Хансен и др.

Обобщая современные зарубежные исследования, Е. А. Проценко отмечает, что, несмотря на достаточно многочисленные исследования по проблеме переключения кодов, до сих пор остается много неразрешенных вопросов. Одним из них является проблема дифференциации терминов переключения кодов и заимствования.

Некоторые исследователи предлагают ввести дополнительные термины, такие как смешение языков ("codemixing", [2, 3]) или "вставленное" переключение ("insertional codeswitching", [4]).

При этом, если переключение кодов (code-switching) понимается всеми исследователями более или менее одинаково (переход с одного языка на другой в рамках одного текста - диалогического или монологического), то со смешением кодов (code-mixing) дело обстоит значительно сложнее. Сам термин «смешение кодов» понимается разными исследователями принципиально по-разному: от включения в речь на одном языке элементов другого языка в практически неограниченном объеме и в неадаптированном (фонетически и грамматически) виде до переключения кодов в пределах одного предложения, т.е. разновидности переключения кодов (при втором подходе тем самым постулируется процесс говорения на двух языках и снимается принципиальная разница между переключением кодов и смешением кодов).

Также Е. А. Проценко рассматривает сферы переключения кодов. По мнению автора, переключение кодов может использоваться в любой сфере (дома, на работе, в средствах массовой информации и т. д.). Тем не менее, его появление обусловлено рядом факторов, самыми важными из которых являются участники коммуникации, обстановка и условия коммуникации [1, с. 123].

Опираясь на социолингвистические исследования, автор делает вывод, что именно характеристики участников играют главную роль в выборе того или иного языкового кода. «С. Сильва-Корвалан пришла к выводу о том, что независимо от окружающих условий говорящий не будет переключать языковые коды в том случае, если это может повлечь за собой сбой коммуникации или если ему не известны лингвистическая компетенция и языковые предпочтения других участников коммуникации» [1, с. 123-124].

А. В. Жиганова подчеркивает, что явление кодового переключения представляет собой «мотивированный процесс, так как оно выполняет определенную функцию в ситуации общения. Смешение кодов является спонтанным, и часто происходит внутри тесно связанного словосочетания и функционально не мотивировано» [5, с. 34].

Тем не менее, границы между смешением и переключением кодов четко не установлены, и многие исследователи этой области не разделяют эти понятия.

Мы будем понимать под смешением кодов использование в речи неадаптированных лексических элементов другого языка и, тем самым, допускать возможность принципиального различия случаев переключения кодов и смешения кодов.

Г. П. Пилипенко приходит к выводу, что переключение кодов происходит при более значительном переносе, превышающем стандарты обычной интерференции, при этом высказывания четко сигнализируют о принадлежности к определенному языку. [6, с. 72]

А. Ю. Русаков отмечает, что проблематика, связанная со смешением и переключением кодов, занимает определенное место в литературе, посвященной языковым контактам. Ученый уточняет, что прежде всего, эти явления рассматриваются с социолингвистической и прагматической точек зрения: изучаются конкретные факторы, влияющие на появление переключения кодов: - тема беседы, упоминаемые в тексте реалии, обращения к одному или разным собеседникам, моменты, связанные с внутренним устройством текста. [7]

Проблеме переключения кодов также посвящена работа А. Зеленина «Папа, где моя lipka?» (доминантный язык и смешение кодов в русско-финском онтобилингвизме). В работе рассматриваются причины переключения кодов, такие как отсутствие подходящего эквивалента в словарном составе другого языка, забывание слова в процессе речепорождения, частотность (фреквентативность) того или иного слова в каком-либо языке, структурные особенности языков, социальные, психологические обстоятельства. Как отмечает А. Зеленин, с точки зрения передачи актуальной информации и повседневной коммуникации очень часто необходимым и достаточным критерием в диалоге оказывается вкрапление иноязычного слова или понятия (если предполагается, что собеседники знают его, знакомы с ним), чем обращение к словарю в поисках русского эквивалента. [8, с. 472]

В статье А. Зеленин различает смешение кодов на фонологическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

Как отмечает автор работы, тип смешения кодов на фонологическом уровне изучен недостаточно, исследования в этой области касаются переноса (трансфера) фонем из одного языка в другой. Ей посвящены труды М. Мюрреля, Э. Оксаара, М. Шнитцера, Э. Красинского, М. Парадаса. Принято считать, что влияние языков друг на друга на фонологическом уровне намного менее значительно, чем на других уровнях, но в то же время, автор считает, что фонология может быть одной из возможных причин смешения кодов. Например, в ситуациях, в которых лексемы другого языка представляют для говорящего известную трудность с точки зрения артикуляции, произношения, ему легче применить лексему из другого языка с менее проблематичным (с позиции говорящего) фонологическим составом [8, с. 473].

Морфологическое и лексическое смешение языков является, как отмечает А. Зеленин, наиболее изученным. Этому типу смешения кодов посвятили свои труды М. Мюррель, Р. Берлинг, К. Линдхольм, А. Падилла, У. Редлингер, Т. Парк, Д. Майзель, Э. Ланца и другие. При морфологическом смешении кодов происходит соединение (контаминация) морфем из разных языков в одном гибриде.

А. Зеленин считает самым частотным типом синтаксического смешения кодов смешение порядка слов в разных языках. Лингвист отмечает, что смешение имен существительных и глаголов в построении фразы показывает взаимодействие лексического и синтаксического ярусов в лингвосознании говорящего [8, с. 473-474].

Семантическое смешение кодов проявляется в том, что билингв использует слово в неподходящей, несвойственной в данном языке ситуации, но вполне приемлемой в другом языке.

Изучая лингвистические материалы на данную тему, можно прийти к выводу, что проблема смешения и переключения кодов все больше привлекает зарубежных и отечественных ученых.

К творчеству чешского писателя Йозефа Шкворецкого обращались многие чешские исследователи, такие как Михал Шонберг, Радослава Капилова-Брабцова, Йиржи Пехар, Хелена Славикова, Олга Клауберова и другие. В сентябре 2004 года в родном городе писателя, Находе проходила международная конференция посвященная жизни и творчеству Йозефа Шкворецкого в честь восьмидесятилетия писателя. Выступления с конференции были опубликованы в сборнике «Škvorecký 80» [9].

В монографии Петра Мареша «Аспекты текстового многоязычия» автор посвящает целую главу разбору языка Йозефа Шкворецкого в романе. Петр Мареш рассматривает понятия макаронической речи, интерференции, иноязычных вкраплений и неологизмов в романе [10].

В рассматриваемом нами произведении чешского писателя Й. Шкворецкого присутствует большое количество примеров переключения и смешения кодов. При этом Й. Шкворецкий использует как традиционную орфографию, так и транскрипцию, отражающую произношение этих слов.

Роман состоит из двух пластов: один отображает жизнь главного героя Данни Смиржицкого, как эмигранта и профессора литературы в Торонтском университете, откуда его мысли улетают к воспоминаниям, которыми он живет. Второй представляет собой воспоминания героя о жизни в Чехословакии в последние годы войны. Кроме двух главных сюжетных линий вниманию читателя представлены вставки, часто в форме писем, которые позволяют нам получить панорамное обозрение жизни и прошлого главного героя, и освещают нам жизнь его друзей на родине и на разных континентах. Нам открывается целая галерея разнообразнейших человеческих портретов, особенно тех, которые представляют нам практически все волны чешской эмиграции.

И вполне логично, что явления смешения и переключения кодов мы встречаем в главах, посвященных только второму периоду, отражающему канадскую действительность, тогда как в главах, описывающих жизнь в Чехословакии, мы скорее встречаем вкрапления немецкие, русские и словацкие. В речи героев, встречающихся нам в этих главах – ровно, как и в письмах друзей Данни Смиржицкого – нет английских вкраплений. Единственный герой, связанный с прошлым Данни в оккупированной Чехословакии, в речи которого мы встречаем английские вкрапления – немецкий обер-мастер Уиппелт, который владеет английским языком.

Как отмечает проф. М. Ю. Котова в монографии, посвященной идентичности славянских писателей, «тотальное доминирование английских вкраплений в речевых характеристиках чешских эмигрантов в англоязычном окружении в Канаде как показатель гибридной языковой идентичности персонажей» является стилиобразующей чертой идентификации чеха в романе [11, с. 112].

Стоит отметить, что речь некоторых героев романа передана на английском языке без изменений (Данни Смиржицкий, Вероника Прстова), тогда как речь других героев (Блбенка, пан Погорский, Милан, Франк) передана в соответствии с чешской орфографией. Автор использует данный прием неслучайно, тем самым указывая на степень владения языком тем или иным эмигрантом.

Л. П. Крысин отмечает, что одной из особенностей речевого поведения интеллигентных носителей языка – умение переключаться в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. Эта диглосность (точнее, полиглосность, поскольку переключаться приходится не на одну, а на множество разновидностей) отличает интеллигенцию, например, от носителей просторечия, которые моноглосны и не умеют варьировать свою речь в зависимости от ситуации.

Полиглосность обеспечивается механизмом кодовых переключений, который вырабатывается у человека в процессе его социализации в культурной речевой среде. Усвоение системы социальных ролей, свойственных данному обществу, идет в тесном взаимодействии с усвоением норм речевого поведения, обеспечивающих оптимальное исполнение той или иной роли. А варьирование этих норм в значительной мере возможно лишь потому, что язык предоставляет говорящему различные способы выражения одних и тех же коммуникативных интенций, одних и тех же смыслов. Различные способы языкового выражения оказываются как бы привязанными к различным условиям общения, к разным коммуникативным ситуациям, к исполнению тех или иных социальных ролей [12].

Таким образом, можно подытожить, что образованные герои романа способны переключаться с одного языка на другой, не смешивая языки, тогда как, говоря о менее интеллигентных представителях чешской эмиграции, мы имеем дело со смешением кодов.

Например, когда главный герой романа Данни Смиржицкий общается носителями языка или с иностранцами, не владеющими чешским языком, то все диалоги даны на английском языке в неизменном виде.

(Данни) Привет, можно вас подвезти?

(Ирена Свенссон) Это было бы замечательно

Знакомьтесь, Вероника Прст, Айрини Свенсон

(-Hi! Can I give you a lift? - That would be great. - Meet Veronika Prst, meet Irene Svensson!) [13, s. 127]

Причем зачастую речь Ирены передана на чешском языке, а речь Данни Смиржицкого – на английском:

Куда поедете на праздники, сэр? (Ирена)

(Данни) Куда? Никуда. А вы?

(Данни) Наверно, на скалистые горы(чеш).. «with your boyfriend?»(англ)(-Kam pojedete na svátky, sire? Kam?

Nikam. A vy? Vyjde najevo, že do Rocky Mountains.... „With your boyfriend?“) [13, s. 127]

Так же речь обоих героев может быть передана на английском языке, в данном случае представлен диалог Данни с одним из студентов курса:

Вы изучали марксистскую диалектику? Спрашиваю его с иронией профессора

Да, немного.

Это недостаточно. –говорю я свысока.

(„Vy jste studoval marxistickou dialektiku?“taži se s profesorskou ironií.

„Yes, a little.“

„A little is not enough“ – pravím nadraženě.) [13, s. 167]

Мы полагаем, что вставки на английском языке даны для того, чтобы дать читателю осязание того, что диалог происходит на английском, и неважно, чьи реплики выражены нулевым вкраплением (то есть на чешском языке), а чьи – полным (на английском). Однако подобные диалоги свидетельствуют о том, что автор стремится дать читателю понять, что герой Данни Смиржицкого владеет языком в совершенстве, на уровне носителя языка.

Проблема смешения кодов в полной мере представлена в речи Миленки Цабицаровой (Блбенки). Речь Блбенки – это доведенный до абсурда образец того, к чему может привести смешение двух языков. Английские вкрапления проявляются в речи героини в максимальной концентрации. Причем помимо собственно вкраплений в ее речи проиллюстрировано влияние английских структур на чешский язык. В ее речи изобилуют все части речи, английские вкрапления любого объема, от отдельных слов – до целых пассажей на английском языке. Объединяет эти вкрапления то, что все они фонетически адаптированы. Это является указанием на то, что произношение Блбенки далеко от совершенства. В характеристике героини автор подчеркивает, что она имеет среднее образование, что указывает нам на низкий уровень ее образованности. В произведении нет примеров ее диалогов с носителями языка. Михаэла Свинкельс-Новакова утверждает, что Йозеф Шкворецкий называл чехоанглийский (*cechoangličtina*) диалектом чешского [9].

Есть лишь примеры ее разговора с собратьями по эмиграции:

Это джастэбит дэринк, ну так и соуот? Вел, на голове у меня был виг, ...я поймала такси и драйвила прямо к даунтауну. Энд вуд ю билив им? Директли перед Ялтой я сталкиваюсь с Лидой! (Ono je to džatebejt dérink, ale souvat? Vel, na hlavu sem si dala vig, ne tenhle. Tamten druh karotop, zhajlovala jsem taxík a drajvovala jsem rovně dolů do dauntaunu. End vůdžbilvit: direktly před Jaltou běžím do Lidy!) [13, s. 100]

Й. Шкворецкий показывает, каким может быть результат взаимодействия двух языков:

Знаете, я чрезвычайно сасептибл к тому, что слышу! Пока я энтертейнила маму, и всех моих тетъ, и казинс и френдс, так я совсем почти забыла английский! Вэл, но если вспомнить мое путешествие домой на самолете, так я там познакомилась с двумя британцами вуд ю билив им? Я все время вставляла чешские слова!!! И ивэн целые предложения. (Vel, jů nou, já sem strašlivě saseptibl, na co slyším. Jak sem ten tejden entrtejnovala mámu a všechny ty tety a kazns a frends, tak jsem se úplně zapoměla skoro anglicky. Vel, vem si tohle: na své cestě zpátky sem se na letadle setkala s dvěma brit'ákama, a vudžbilvit? Celej čas sem do angličtiny mixovala české slova! Ívn celé věty!) [13, s.100]

Поток речи Блбенки производит впечатление тотального и непрерывного влияния доминирующей языковой среды. Однако Шкворецкий наделяет ее такой речью неспроста. Ведь язык персонажей – средство, наиболее тонко отражающее ситуацию в данной среде, наиболее чутко реагирующее на социальные условия жизни общества. Автор через вкрапления постигает новую действительность, осваивает культуру, другой народ, и дает почувствовать это читателю.

Речь Блбенки - отражение ее комического образа, а ее образ – отражение всего общества чешских эмигрантов в Канаде, как видит его Шкворецкий.

Выводы:

- способ передачи таких вкраплений указывает нам на уровень образованности и степень владения английским языком героя. Так, полные вкрапления, переданные в соответствии с английской традицией написания, характеризуют свободное владение английским языком героя. Тогда как вкрапления, фонетически или морфологические адаптированные чешским языком, указывают на недостаточное владение английским языком персонажа.

- герои романа, высокообразованные и культурные (Данни Смиржицкий, Вероника Прстова), практически не допускают в речи на чешском языке английских вкраплений, либо такие вкрапления используются намеренно и являются способом языковой игры. Менее же образованные представители чешской эмиграции в Канаде или те, кто владеет английским языком в меньшей мере, допускают в чешских высказываниях появление единиц английского языка в неизменном или адаптированном виде; это пан Погорски, пан Завинач, Милан, Франк, Маргитка Бочарова.

- идиолект Блбенки – пример того, к чему может привести смешение языков. Ее речь нельзя назвать ни английской, ни чешской. Низкий уровень образования героини приводит к тому, что она становится жертвой влияния доминирующей языковой среды. Она не способна контролировать поток речи, разграничить единицы двух языков. В результате контакта с Блбенкой в речь других героев проникают элементы речи Блбенки. Это прежде всего ее жених пан Завинач, а также главный герой Данни Смиржицкий.

- Так как речь Блбенки, а также многочисленные вкрапления на английском языке не могут быть поняты чешскими читателями, не владеющими английским языком, а роль вкраплений в романе очевидно велика, нами было выдвинуто предположение, что предполагаемой аудиторией Й. Шкворецкого являются прежде всего чешские эмигранты в Америке и Канаде, скорее чем его соотечественники, оставшиеся в Чехословакии.

Литература

1. Проценко Е. А Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник ВГУ, Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. - 2004. - № 1 - С. 123-127.
2. Milroy L., Muysken P. One speaker, two language; cross-disciplinary perspectives on cross-switching. – Cambridge: Cambridge University press, 1995. – 365p.
3. Sridhar S. The syntax and psycholinguistics of bilingual codemixing /S. N. Sridhar, K. K. Sridhar // Canadian journal of psychology - 1980. - № 11 – P. 407-416.

4. Sankoff D., The production of code-mixed discourse.// *Proceedings of COLING-ACL '98: 36th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and 17th International Conference on Computational Linguistics*, volume 1, Montreal - 1998.- P. 8-21.
5. Жиганова А. В. Роль переключения языкового кода в рекламе, Нижегородский государственный университет// Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. - 2011. - № 13 – С. 33-41.
6. Пилипенко Г. П. Разработка вопросов интерференции и заимствования в лингвистической литературе // Славяноведение. - 2010. - №1 - С.62-73.
7. Русаков А. Ю., Северно-русский диалект цыганского языка: интерференция и переключение кодов. // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. - СПб., 1998. - С.162-191.
8. Зеленин А. «Papa, gde moja lipka?» (доминантный язык и смешение кодов в русско-финском онтобилингвизме) // *Slavica Helsingiensia*, С любовью к слову, ed. By Jouko Lindstedt et al.– 2008. – №35 - С. 469-482.
9. Škvorecký J. Sborník z mezinárodní konference o životě a díle Josefa Škvoreckého. - Praha: Literární Akademie, 2005. - S. 292.
10. Mareš P. «Also; Nazdar!» Aspekty textové vícejazyčnosti. –Praha: Karolinum, 2003. - 233 s.
11. Котова М. Ю. Самопознание и самоощущение чеха в творчестве Йозефа Шкворецкого // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / Бодрова А. Г., Бразговская Е. Е., Князькова В. С., Котова М. Ю., и др.; отв. редактор М. Ю. Котова. - СПб.: Изд-во С-Петерб. Ун-та, 2014. - С. 112.
12. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. - № 1 - С. 90-106.
13. Škvorecký J. Příběh inženýra lidských duší. Část první. - Toronto: Sixty eight publishers, 1989. - 384 s.
14. Škvorecký J. Příběh inženýra lidských duší. Část druhá. - Toronto: Sixty eight publishers, 1989. – 416 s.

References:

1. Procenko E. A Problema perekljuchenija kodov v zarubezhnoj lingvistike // Vestnik VGU, Serija "Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija". - 2004. - № 1 - С. 123-127.
2. Milroy L., Muysken P. One speaker, two language; cross-disciplinary perspectives on cross-switching. – Cambridge: Cambridge University press, 1995. – 365p.
3. Sridhar S. The syntax and psycholinguistics of bilingual codemixing /S. N. Sridhar, K. K. Sridhar // Canadian journal of psychology - 1980. - № 11 – P. 407-416.
4. Sankoff D., The production of code-mixed discourse.// *Proceedings of COLING-ACL '98: 36th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and 17th International Conference on Computational Linguistics*, volume 1, Montreal - 1998.- P. 8-21.
5. Zhiganova A. V. Rol' perekljuchenija jazykovogo koda v reklame, Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet// Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobroljubova. - 2011. - № 13 – S. 33-41.
6. Pilipenko G. P. Razrabotka voprosov interferencii i zaimstvovaniya v lingvisticheskoy literature // Slavjanovedenie. - 2010. - №1 - S.62-73.
7. Rusakov A. Ju., Severno-russkij dialekt cyganskogo jazyka: interferencija i perekljuchenie kodov. // Jetnolingvisticheskie issledovanija. Vzaimodejstvie jazykov i dialektov. - SPb., 1998. - C.162-191.
8. Zelenin A. «Papa, gde moja lipka?» (dominantnyj jazyk i smeshenie kodov v rusko-finskome ontobilingvizme) // *Slavica Helsingiensia*, S ljubov'ju k slovu, ed. By Jouko Lindstedt et al.– 2008. – №35 - S. 469-482.
9. Škvorecký J. Sborník z mezinárodní konference o životě a díle Josefa Škvoreckého. - Praha: Literární Akademie, 2005. - S. 292.
10. Mareš P. «Also; Nazdar!» Aspekty textové vícejazyčnosti. –Praha: Karolinum, 2003. - 233 s.
11. Kotova M. Ju. Samopoznanie i samooshhushhenie cheha v tvorchestve Jozefa Shkvoreckogo // Segmenty identichnosti v tvorchestve zarubezhnyh slavyanskij pisatelej / Bodrova A. G., Brazgovskaja E. E., Knjaz'kova V. S., Kotova M. Ju., i dr.; отв. redaktor M. Ju. Kotova. - SPb.: Izd-vo S-Peterb. Un-ta, 2014. - S. 112.
12. Krysin L. P. Sovremennyy russkij intelligent: popytka rechevogo portreta // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. – 2001. - № 1 - S. 90-106.
13. Škvorecký J. Příběh inženýra lidských duší. Část první. - Toronto: Sixty eight publishers, 1989. - 384 s.
14. Škvorecký J. Příběh inženýra lidských duší. Část druhá. - Toronto: Sixty eight publishers, 1989. – 416 s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.100

Сальникова Н.В.¹, Магомедова Д.Ш.²¹Кандидат филологических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет,²Студент (бакалавриат), Северо-Кавказский федеральный университет

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В СМИ

Аннотация

В статье рассматриваются речевые стратегии манипулирования сознанием на примере русской и британской прессы, выделяются и характеризуются виды речевых стратегий. Медиадискурс политической направленности рассматривается как семантически связанная структура, содержащая определенный набор идеологем. Отмечается манипулятивный характер речевых стратегий, реализуемых языковыми средствами моделирования реальности в прессе. Анализ данных языковых средств осуществляется на материале статей ведущих печатных изданий Великобритании и России.

Ключевые слова: речевая стратегия, СМИ, медиадискурс, манипуляция, речевой образ, самопрезентация, дискредитация, аргументативная стратегия.

Salnikova N.V.¹, Magomedova D.Sh.²¹PhD in Philology, associate professor, North-Caucasus Federal University,²Graduating student (Bachelor), North-Caucasus Federal University

SPEECH STRATEGIES OF MANIPULATION OF CONSCIOUSNESS IN MASS MEDIA

Abstract

The article deals with speech strategies of manipulation of consciousness resting upon Russian and British press. The article identifies and describes the types of speech strategies. The mediadiscourse of the political character is considered as a conjoint structure containing the definite set of ideologeme. It is marked the manipulative character of speech strategies that are realized by language means of reality modelling in the press. The analysis of given language means is executed on the materials of articles of leading publications of Great Britain and Russia.

Keywords: speech strategy, Mass Media, media-discourse, manipulation, speech image, self-presentation, discredit, strategy of argumentation.

Изобилие различных инструментов речевого манипулирования сознанием собеседника включает также речевые стратегии и тактики. Это набор приемов, позволяющих скрасить речь, тем самым придав высказываниям такое представление, которое соответствует целям манипулятора.

В СМИ часто верх одерживает не тот, кто располагает точными фактами, а тот, кто умеет быстро и точно анализировать речь оппонента, быстро реагировать на неё и в соответствии с ней продуктивно выстраивать свою речь. Самым важным для манипулятора является использование такой формы выражения, которая оказала бы убедительное воздействие на адресата.

Использование речевых стратегий помогает собеседнику сначала внутренне согласиться с манипулятором, затем подкрепить свое согласие конкретными действиями. Такие приемы манипулирования сознанием широко используются в рекламе и предвыборной агитации.

Иссерс О.С. отмечает, что заимствованное прагматикой из военного искусства понятие стратегии опирается не на взаимодействие, а на победу, которая означает результативное воздействие на слушателя, изменение его модели мира в желательном для говорящего направлении» (Иссерс 2000: с. 293). Михальская А.К. дает более глубокое определение коммуникативной стратегии, выделяя две глобальные коммуникативные тенденции: к сближению и к индивидуальности. «Предпочтение (выбор) одной из возможных тенденций ... и проявление этого предпочтения в речевом общении назовем коммуникативной стратегией» (Михальская 1996: 98).

Под речевой стратегией мы будем понимать систему речевых приемов, выполняющую воздействующую функцию на сознание реципиента.

Е. И. Шейгал выделяет в медиадискурсе следующие виды стратегий:

- стратегия вуалирования (затушевывания нежелательной информации);
- стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение);
- стратегия анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности (Шейгал 2004: 57).

В нашей работе мы будем опираться на речевые стратегии, предложенные О.С. Иссерс. Иссерс О.С. выделяет речевые стратегии самопрезентации, семантические речевые стратегии, аргументативные стратегии, стратегии дискредитации, манипулятивные стратегии, стратегии речевых действий (Иссерс 2006: 248).

Речевые стратегии самопрезентации реализуются в названиях политических партий, в языковых образах политических деятелей, в обращении к оппозициям (Иссерс 2006: 249). Выступая отправителем информации, определяя свое речевое поведение, политик создает модель получателя, определяет притягательные для него концепты и вводит их в состав речевых стратегий самопрезентации.

Семантическая связность медиадискурса объясняется тем, что в нем используется определенный набор идеологем. Идеологема — языковая единица, значение которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, скрывающую неидеологический денотат (Купина 2005: 217). К семантическим стратегиям можно отнести использование лексем, связанных с традиционными идеологемами политического дискурса и их переосмыслением (народ, партия, власть, свобода, патриотизм), а также новыми идеологемами сознания (честность, порядочность, достоинство, благополучие) (Иссерс 2006: 300).

Сальникова Н.В. также считает, что одним из основных средств убеждения является обращение к ценностным установкам. Аксиологическая составляющая риторики, выделяющая ценностные реакции аудитории, позволяет

оказать прагматическое воздействие выступления, когда ритор выбирает стандарт, психологические идеи и взгляды, отражающие желания народа (Сальникова 2011: 13). Семантическая стратегия направлена на создание у адресата представления о такой же системе ценностей, что и у политического деятеля.

К аргументативным стратегиям современного политического дискурса относятся:

- определение проблемной ситуации (необходимость перемены власти);
- выбор способа достижения результата (объявление себя действенной силой);
- выбор действия созидательного характера («Мы готовы отстаивать идеалы», «Мы будем добиваться победы»);
- определение конечного результата (получение власти или возможность воздействовать на власть) (Иссерс 2006: 302).

Цель стратегии дискредитации — подрыв доверия к политическому деятелю, его унижение или опорочивание. Дискредитация включает приемы обвинения и оскорбления, для которых характерно употребление номинаций с резко отрицательной окраской, оценочных эпитетов с отрицательным компонентом значения (Иссерс 2006: 302).

Кара-Мурза С.Г. под манипуляцией понимает «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которое он от них ожидает» (Кара-Мурза 2009: 5). Итак, манипуляция — это совокупность приемов скрытого психологического воздействия с целью внушения каких-либо идей, изменения мнений людей относительно неких явлений и суждений. Основными составляющими манипулятивной стратегии являются сокрытие и искажение информации, гиперболизация, «поспешное» обобщение (Иссерс 2006: 303). Скрывая либо изменяя точные факты каких-либо событий, политические деятели посредством СМИ зачастую устраивают ловушки для своих противников, а аудитория принимает данные сведения за истину.

Медиадискурс искусно манипулирует с самим понятием истины, выдавая субъективное за объективное. В этот процесс входят комиссивы, в которых даются обещания и обязательства исполнить желательные для адресата действия. (Иссерс 2006: 303). Директивы производят эффект гипнотического внушения и подталкивания адресата к принятию желаемого решения. (Иссерс 2006: 303).

Все речевые стратегии современного медиадискурса взаимодействуют между собой и выполняют одну функцию: оказание воздействия на адресата, убеждение в принятии выгодного для манипулятора решения.

Для анализа речевых стратегий как средств манипулирования сознанием были выбраны статьи из ведущих электронных версий газет Великобритании и России. Тематика выбранных статей связана с периодом обострения политических отношений между Россией и Западом 2014-2016 гг.. Обострение общей международной ситуации, резкое противостояние между Россией и Западом находят свое отражение во всех СМИ. Таким образом, институт СМИ, содержащий различные языковые и речевые средства, представляет собой главное орудие манипулирования сознанием.

Обратимся к статьям британских СМИ для выявления речевых стратегий манипулятивного воздействия.

В предложенном отрывке речи президента США прослеживается яркий пример стратегии самопрезентации: «*For seven years, I've confronted this evolving threat each morning in my intelligence briefing. And since the day I took this office, I've authorized U.S. forces to take out terrorists abroad precisely because I know how real the danger is. As Commander-in-Chief, I have no greater responsibility than the security of the American people*» (Guardian 07/12/15) — На протяжении семи лет я каждое утро сталкиваюсь с этой нарастающей угрозой на утренних разведывательных брифингах. Придя к власти, я распорядился, чтобы американские войска уничтожали террористов за рубежом, потому что мне известно, насколько реальна эта опасность. Как у главнокомандующего, у меня нет выше долга, чем обеспечение безопасности американского народа». Использование таких выражений, как «*I've authorized*» (я распорядился), «*As Commander-in-Chief, I have no greater responsibility, than*» (как у главнокомандующего, у меня нет выше долга, чем) помогает президенту представить себя в образе защитника и вождя народа, знающего пути решения возникших проблем.

Следующий отрывок из статьи содержит стратегию дискредитации «*When Russian bombs began to drop on targets within Syria, many analysts warned that Putin was making a sizable mistake himself by inserting Russia into the middle of Syria's intractable civil war. Other experts have labeled Putin a strategic grandmaster running circles around his Western counterparts*» (The Observer 03/10/15) — Когда российские бомбы начали падать на цели в Сирии, многие аналитики стали предупреждать, что Путин сам делает большую ошибку, втягивая Россию в болото трудноразрешимой гражданской войны. Другие эксперты называют Путина стратегическим гроссмейстером, нарезающим круги вокруг своих западных партнеров». Используя выражения «*Putin was making a sizable mistake*» (Путин сам делает большую ошибку), «*experts have labeled Putin a strategic grandmaster*» (эксперты называют Путина стратегическим гроссмейстером) автор статьи старается подорвать доверительное отношение читателей к президенту России.

В высказывании: «*There seems to be an allegiance of blind patriotism in certain aspects of American society. I've seen a bit of this patriotism first-hand*» (The Guardian 19/04/14) — Кажется, что относительно некоторых аспектов жизни американского общества существует преданность слепому патриотизму. Я почувствовал эту преданность на собственном примере» Ричард Моррис указывает на чувство преданности американцев своему народу для обоснования необходимости поддержания патриотического духа в собственной стране. Данное предложение является примером семантической речевой стратегии.

Выяснено, что отрывок статьи «*The mayor of Ukraine's second largest city was fighting for his life yesterday after an assassination attempt for which the Kremlin was blamed. Hennadiy Kernes, mayor of Kharkiv, the only major city in the east where the insurgency has made no headway, was shot in the back while out exercising. The murder attempt came on a day when the United States imposed sanctions on a Russian oil baron who is one of President Putin's closest allies*» (The Times 28/04/2014) — Мэр второго по величине города Украины боролся за свою жизнь после вчерашнего покушения, в котором обвинен Кремль. Геннадий Кернес, мэр Харькова, единственного крупного города на востоке, где повстанцы

топчутся на месте, был ранен в спину во время тренировки на свежем воздухе. Попытка убийства была осуществлена в день, когда Соединенные Штаты ввели санкции в отношении Российской нефтяного магната, одного из ближайших союзников президента Путина» содержит искаженную информацию, которая была использована в целях манипуляции общественным мнением. Известно, что во время написания статьи расследование данного преступления не было завершено, доказательства причастности российского чиновника к покушению не найдены. Кроме того, незадолго до покушения мэр Харькова заявил, что ему угрожает киевский военный Арсен Аваков, замешанный в убийстве командира Сашко Билого.

В предложенном отрывке мы можем рассмотреть стратегию аргументации *«He said the shooting was not a random act, “but a means of control, a way to terrorize and oppress”. He said the alleged shooter, who he did not name, had imagined his deed would “incite fear and recrimination, violence and suspicion”, as “an act that he presumed would deepen divisions that trace back to our nation’s original sin”* (Guardian 26/06/2015) - Он заявил, что стрельба была не случайностью, “а средством контроля, способом запугивания и угнетения”. Президент также добавил, что предполагаемый стрелок, имя которого он не назвал, представил себе, что его действия вызовут страх и встречное обвинение, жестокость и подозрение”, как «действие, которое, по его предположению, углубит разногласия, восходящие к раннее существовавшему нарушению морального устоя». С помощью выражений *«the shooting was not a random act, “but a means of control, a way to terrorize and oppress»* (стрельба была не случайностью, “а средством контроля, способом запугивания и угнетения”), *«as “an act that he presumed would deepen divisions that trace back to our nation’s original sin”*» (как «действие, которое, по его предположению, углубит разногласия, восходящие к раннее существовавшему нарушению морального устоя») президент США выразил свое мнение по поводу перестрелки, опираясь на аргументы, доказывающие предумышленный характер действий преступника.

В высказывании *«David Cameron has promised “fairer energy bills for everyone” after backing proposals to help consumers to get the cheapest tariffs and stop energy companies overcharging* (The Times 22/02/2014). - Дэвид Кэмерон уже пообещал “справедливую электроэнергию для всех” после поддержки предложения о помощи потребителям в получении самых дешевых тарифов и снижении цен, предоставляемых энергетическими компаниями» автор использовал стратегию речевых действий, а точнее – репрезентатив *“fairer energy bills for everyone”* (справедливая электроэнергия для всех), указывающий на неистинность значения, так как премьер-министр дает обещания, но не указывает на пути решения проблемы, не уточняет экономические расчеты, что подрывает доверие читателей и истинность высказывания.

Теперь проанализируем речевые стратегии манипулирования сознанием на примере русской прессы.

Обращение Д. Медведева на XV Съезде «Единой России»: *«Вместе со своими единомышленниками и партнёрами, по сути, мы представляем всю Россию. Наша партия является политическим ресурсом Президента. «Единая Россия» фактически сформировала исполнительную власть в стране – Правительство России, и мы уверенно вступаем в новый политический цикл* (Коммерсант 06/02/16)» служит ярким примером стратегии самопрезентации. Премьер-министр России указывает на то, что партия «Единая Россия» играет далеко не последнюю роль в политической жизни страны, занимает лидирующее положение среди других политических организаций.

В отрывке *«Проблема Европы в том, что она не проводит самостоятельной внешней политики. Вообще. Она от нее, по сути, отказалась. И передала часть своего суверенитета, может быть, одну из важнейших частей своего суверенитета, в блок», — сказал президент. «В принципе это вполне нормально, когда часть суверенитета участниками военно-политического блока передается в наднациональные органы», — добавил он. Но в данном случае часть европейского суверенитета передана не столько НАТО, сколько лидеру блока — США», — сказал Путин* (Известия 20/12/15)» автор использовал такие выражения, как *«Европа не проводит самостоятельной внешней политики», «часть европейского суверенитета передана не столько НАТО, сколько лидеру блока — США»,* используемые для подрыва доверия к Европе.

В следующем высказывании *«Власти последние два года проводят в Крыму политику притеснения прав человека», — говорится в докладе на сайте организации. С 2014 года в Крыму «ухудшилось положение со свободой слова и СМИ», заявили в HRW. «Нарушения прав человека на полуострове Крым не должны остаться незамеченными международным сообществом», — высказался представитель организации Хью Вильямсон* (Коммерсант 19/03/16) были использованы идеологемы «притеснение прав», «свобода слова» для внушения читателям идеи о достойной жизни, осуществления контроля за реализацией прав человека.

Примером использования искаженной информации служит следующий отрывок *«На территории аэропорта в Донецке заживо сожжены верующие. Местные православные хотели встать живым щитом между воюющими сторонами* (Известия 28/05/2014). Среди российских СМИ была распространена информация, что в донецком аэропорту сгорели верующие, чтобы избежать кровопролития. Немного позже в Донецкой епархии опровергли и шествие верующих в аэропорт, и их сожжение.

Далее рассмотрим отрывок речи В.В. Путина: *«То есть выпустить в экономику. 400 млрд руб., дополнительно ЦБ должен эмитировать и выпустить в экономику», - заявил Путин, добавив, что подобные действия могут привести к скачку инфляции. “Если это случится, то тогда все наши усилия по поддержке малого и среднего бизнеса обнулятся... и мы развитие экономики затормозим”, - аргументировал президент* (Ведомости 01/03/16)». В своем высказывании президент уделяет внимание экономическим вопросам государства, приводит весомые доводы и аргументы в пользу своей точки зрения.

В отрывке *«Более 800 млрд руб. в портфелях российских банков - это «сомнительные», «проблемные» и «безнадежные» розничные кредиты, выяснил Центробанк. Ситуация для банковской системы «далеко не критична», считает Хромов: банки, занимающиеся розничным кредитованием, способны выдержать такой уровень проблемных долгов, учитывая эффективные ставки, по которым они дают в долг. В 2013 г. потери российских банков по потребительским кредитам составят более 400 млрд руб., предупредило весной агентство S&P. Банкиры*

же уверяют, что **период рискованного кредитования пройден** (Ведомости 09/10/2014)» высказывания «ситуация для банковской системы «далеко не критична», «период рискованного кредитования пройден» используются в данном контексте для затемнения реального положения банковской системы, искажения истинности ситуации.

Проанализировав вышеупомянутые высказывания, мы подтвердили наше теоретическое предположение о том, что в прессе широко используются различные речевые стратегии, являющиеся средствами моделирования реальности. В первую очередь они употребляются в целях сокрытия и искажения информации, а также при создании речевого образа политиков. Использование речевых стратегий манипулирования сознанием и в британских, и в русских СМИ весьма популярно.

Анализ материалов электронных версий газет Великобритании и России показал, что, данные издания используют языковые средства моделирования реальности в прессе в период обострения политических отношений между Россией и Западом для оказания определенного воздействия на читателей. Основная тематика статей связана с международными отношениями, внешней и внутренней политикой государств.

Литература

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи/ О.С. Иссерс. – М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием –2/ С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. – 528 с.
3. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции/ Н.А. Купина. – Екатеринбург - Пермь: ЗУУНЦ, 2005. – 145 с.
4. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово: учебное пособие/ А.К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
5. Сальникова Н.В. Национально-культурная риторика политического дискурса (на материале публичных выступлений Р. Рейгана и М.С. Горбачева): автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.19 – Теория языка)/ Н.В. Сальникова; рук. работы Т.Н. Ломтева. – Ставрополь, 2011. – 21 с.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. док. фил. наук./ Е.И. Шейгал. – Волгоград: ВГПУ, 2000. – 440 с.

References

1. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi/ O.S. Issers. – M.: URSS / URSS; LKI, 2008. – 288 s.
2. Kara-Murza S.G. Manipuljacija soznaniem –2/ S.G. Kara-Murza. – M.: Jeksmo; Algoritm, 2009. – 528 s.
3. Kupina N.A. Totalitarnyj jazyk: slovar' i rechevye reakcii/ N.A. Kupina. – Ekaterinburg - Perm': ZUUNC, 2005. – 145 s.
4. Mihal'skaja A.K. Osnovy ritoriki. Mysl' i slovo: uchebnoe posobie/ A.K. Mihal'skaja. – M.: Prosveshhenie, 1996. – 416 s.
5. Salnikova N.V. Nacional'no-kul'turnaja ritorika politicheskogo diskursa (na materiale publicznyh vystuplenij R. Rejgana i M.S. Gorbacheva): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (10.02.19 – Teorija jazyka)/ N.V. Sal'nikova; ruk. raboty T.N. Lomteva. – Stavropol', 2011. – 21 s.
6. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: Dis. dok. fil. nauk./ E.I. Shejgal. – Volgograd: VGPU, 2000. – 440 s.

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент ScienceIndex.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.073

Суворова Н.Л.

Доцент, кандидат филологических наук,
Череповецкий государственный университет**СИММЕТРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ВАРИАТИВНОСТЬ
РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ****Аннотация**

Статья посвящена проблеме социальной обусловленности функционирования языка, зависимости его использования от социальных и ситуативных переменных. В ней приводятся результаты анализа особенностей употребления грамматического просторечия в речевом поведении персонажей англоязычных романов XX – XXI вв. в зависимости от исполняемых ими социальных ролей и выявляется влияние симметрии коммуникативных ситуаций на частотность появления грамматических отклонений от нормы литературного языка с учетом прагматической установки.

Ключевые слова: грамматическое просторечие, социальные роли, симметрия.

Suvorova N.L.

Associate professor, PhD in Philology,
Cherepovets State University**SYMMETRY OF SOCIAL ROLES AS A FACTOR THAT INFLUENCES SPEECH VARIATION****Abstract**

The article deals with the problem of social conditioning of language functioning, dependence of its usage on social and situational variables. It presents the results of analysis reflecting peculiarities of usage of low-colloquial speech by the characters of English novels of XX-XXI centuries depending on their social roles and reveals the influence of symmetry of communicative situations on the quantity of grammatical deviations from the literary norm, considering pragmatic attitude as well as its implementation.

Keywords: low-colloquial speech, social roles, symmetry.

Социопрагматический анализ письменного текста художественных произведений направлен на:
С- исследование социальной обусловленности функционирования языка, зависимости его использования от социальных и ситуативных переменных;

- анализ процессов речевого общения, в которых определяющее значение имеют такие факторы, как набор социальных ролей, исполняемых участниками коммуникации, социально-психологические условия реализации тех или иных речевых актов, их иллюкативная сила, умение говорящих переключаться с одного кода на другие;
- обоснование процессов формирования грамматического просторечия [2].

В данной статье приводится анализ социолингвистических и прагматических особенностей использования форм грамматического просторечия в речевом поведении героев англоязычных романов XX – XXI вв. с симметричными социальными ролями.

Для иллюстрации полученных результатов было выбрано 14 персонажей (по 7 из британских и американских произведений), которые обладают наиболее яркими речевыми характеристиками и допускают в процессе коммуникации наибольшее количество грамматических отклонений от литературной нормы. Кроме того, указанные персонажи были выбраны в связи с тем, что мы можем судить об их социальном положении (материальная обеспеченность, общественное признание, знатность рода).

Было выявлено, что в симметричных ситуациях общения коммуниканты допустили в своей речи 40% от общего числа грамматических отклонений от нормы.

Поп (“Когда смеется зеленый лес” – **BrE**). Поп – житель деревни и основную часть его собеседников составляют его жена и соседи, ведущие такой же образ жизни, как и сам герой, с одинаковым материальным достатком и положением в обществе. Встречаясь с ними, Поп всегда стремится их приободрить, развеселить и настроить на позитивный лад. Поэтому и его речевое общение носит легкий, дружественный характер, без лишних церемоний и соблюдения грамматических правил. Разговаривая с ними, он допустил 79 отклонений от нормы литературного языка (52%).

Например: *_Wants to buy Gore court* [3]. (Опущение подлежащего из структуры предложения).

_Seen it all on telly [3]. (Опущение подлежащего из структуры предложения; опущение вспомогательного глагола в повествовательном предложении).

Хэрри Митчелл (“Находка 52” – **AmE**). 22 отклонения от нормы (30%) были зафиксированы в симметричных ситуациях общения Митчелла с женой Барбарой и его другом Россом.

Например: *Barbara, how_ you doing?* [6]. (Опущение вспомогательного глагола в повествовательном и вопросительном предложении).

Хэрри чувствовал перед женой вину за свою измену, а также за то, что в результате его аморального поведения, ее успешная карьера находилась под угрозой. Разговаривая с ней, он не был уверен в том, как должен поступить в сложившейся ситуации.

По ходу действия Хэрри встречался с Россом дважды: когда делился с ним историей своей измены и, узнав о том, что его друг оказывал после этого излишние знаки внимания его жене. В первом случае Хэрри колебался, стоит ли рассказывать Россу о ситуации с Барбарой, а во втором случае он испытывал негодование и разочарование из-за предательского поведения друга.

Например: *_You know what I mean?* [6]. (Опущение вспомогательного глагола в вопросительном предложении).

Холден Колфилд (“Над пропастью во ржи” – **AmE**). Холден – сын богатых родителей и ученик привилегированной школы в Пенсильвании. Рожденный для обеспеченной жизни, Колфилд смотрит свысока на элитный мир, в котором он живет. Он сомневается в ценностях своего общества и часто отвергает правила поведения только из духа противоречия. В его нелюбви к окружающим сквозит капризная нетерпимость избалованного подростка. Пренебрежение правилами отражается и на речевом поведении персонажа – он допускает грамматические отклонения от нормы при общении со всеми собеседниками. Однако в разговорах с людьми, относящимися к одному с ним социальному уровню, число отклонений значительно выше (48 – 77%), чем в асимметричных ситуациях общения (14 – 23%). Таким образом, презрение к представителям богатого сословия выражается у Холдена в небрежном отношении к грамматическим конструкциям, используемым в беседах с ними.

Например: *‘Ya know yet?’* [8]. (Опущение вспомогательного глагола в повествовательном и вопросительном предложениях).

‘I’m in lousy shape’ [8]. (Опущение артикля в повествовательном предложении).

К представителям богатого сословия, с которыми у Колфилда социально симметричные отношения, относятся, в первую очередь, ученики школы Пэнси, их родственники, а также Салли, бывшая подруга Колфилда. Только Фиби, десятилетняя сестра Холдена, не вызывала у него никаких отрицательных эмоций, а те ошибки, которые встречались в его речевом общении с ней, связаны с особенностями их взаимоотношений.

Пэппи (“Раскрашенный дом” – **AmE**). Пэппи – глава семейства Чандлеров, занимает самое высокое социальное положение среди соседей и своего ближайшего окружения, так как является владельцем фермы, доставшейся ему по наследству. На одном уровне с ним находятся только члены его семьи. Общаясь с ними, Пэппи допускает 37 грамматических отклонений от нормы (80%), поскольку с этими людьми он может откровенно делиться своими мыслями, не боясь быть неправильно понятым.

Например: *‘I ain’t no lawyer’* [5]. (Употребление *ain’t* в качестве универсальной отрицательной формы; употребление множественного отрицания).

‘You got a better idea?’ [5]. (Опущение вспомогательного глагола в вопросительном предложении).

Хэнк (“Раскрашенный дом” – **AmE**). Разговаривая с равными себе людьми, такими как наемный рабочий мексиканец Мигель, циркачка Делайла и рабочие из города Бо и Дейл, Хэнк насмехается над ними и демонстрирует по отношению к ним полное пренебрежение. Он считает себя гораздо умнее, хитрее и сильнее окружающих, и это находит отражение в его речевом поведении. При общении с вышеуказанными персонажами Хэнк допустил 7 грамматических отклонений от нормы, что составляет 32% от их общего числа.

Например: *‘Don’t care ‘bout Russia’* [5]. (Опущение подлежащего из структуры предложения).

‘So I been thinkin’ about a new job’ [5]. (Опущение вспомогательного глагола в повествовательном предложении).

Тарджис (“Улица Ангела” – **BrE**). Среди персонажей, находящихся на одной с Тарджисом социальной ступени общества и исполняющих одинаковые социальные роли (подчиненный – подчиненный), можно назвать Мисс Мэтфилд и Поппи Сэллерс. Мисс Мэтфилд, благодаря уверенности в своих способностях и твердости характера, заставляла всех окружающих уважать себя. Ее коллеги – Тарджис и мисс Сэллерс тоже не составляют исключения. При общении с мисс Мэтфилд Тарджис не допустил ни одного грамматического отклонения от нормы. При общении Тарджиса и Поппи Сэллерс ситуация выглядела совсем по-другому. В высказываниях, обращенных в адрес мисс Сэллерс, Тарджис, допустил 7 отклонений от нормы (37%).

Например: *‘Wish I could type as neat as that’* [7]. (Опущение подлежащего из структуры предложения).

‘Matter of fact, ...’ [7]. (Опущение предлога).

Поппи общалась с Тарджисом в надежде разузнать у него больше информации, в основном личного характера, а тот, в свою очередь, избегал рассказов о себе и сообщал лишь факты, касающиеся их непосредственных обязанностей.

Мистер Дэрсингем (“Улица Ангела” – **BrE**). Мистер Дэрсингем, будучи директором фирмы ‘Твигг и Дэрсингем’, обладает самым высоким социальным статусом среди служащих своей конторы. Единственным человеком, который не находится у него в подчинении, является мистер Голспи, так как он работает сам на себя. В общении с этим персонажем в речи Мистера Дэрсингема было обнаружено 2 случая (11%) грамматических отклонений от нормы.

Например: *‘Enjoyed yourself?’* [7]. (Опущение подлежащего из структуры предложения; опущение вспомогательного глагола в вопросительном предложении).

‘Then - you remember what Uncle Phil said?’ [7]. (Опущение вспомогательного глагола в вопросительном предложении).

Это может быть объяснено тем, что отношения между персонажами носят официальный характер. Кроме того, мистер Дэрсингем побаивается своего компаньона, так как тот проявляет чрезмерную самоуверенность и решительность, которой не хватало самому владельцу фирмы ‘Твигг и Дэрсингем’.

Эндрю Мэнсон (“Цитадель” – **BrE**). Эндрю Мэнсон предстает перед нами сначала как молодой специалист, только что получивший диплом врача. К моменту знакомства друг с другом Эндрю Мэнсон и Кон Боленд занимали одинаковую позицию в социальной структуре общества. Они работали рядовыми врачами в небольшом промышленном городке и отличались лишь специализацией. Однако Эндрю и Кон были не просто коллегами, их связывала крепкая дружба на основе личной симпатии, а также на основе сходства взглядов на жизнь и избранную ими профессию. Они с одинаковым рвением боролись против несправедливости и выступали за прогресс в медицинской науке. Что касается речевых характеристик этих персонажей, то здесь ситуация обратная. Если Эндрю, беседуя с Коном в неофициальном тоне, тем не менее, не допускает в своей речи отклонений от нормы, то Кон, напротив, не всегда следит за грамматической правильностью своих высказываний. Это можно объяснить тем, что Эндрю был в этом городе недавно и настороженно относился к новым знакомствам. Кроме того, процесс вхождения в новое общество оказался для него весьма болезненным, поэтому он был недоверчив, общаясь с местными жителями.

Эндрю Мэнсон и Фредди Хэмсон являются друзьями со времен учебы в университете. Финансовое положение Фредди впоследствии было несравнимо лучше, чем у Эндрю. Поэтому Фредди, общаясь с ним, испытывал некоторое превосходство и говорил небрежно, в основном, чтобы рассказать о себе, похвастать своими успехами. Отклонения от нормы помогали ему в этом случае создать образ богатого человека, не обремененного какими-либо заботами и ведущего праздный образ жизни. Эндрю, которого прежде раздражали врачи, стремящиеся лишь заработать как можно больше, впоследствии начинает делать то же самое. Меняется и его речевое поведение. Так, общаясь в описанный период с Фредди, Эндрю допустил 2 грамматических отклонения от нормы (12%).

Например: *Coming back to settle down, ...* [4]. (Опущение подлежащего из структуры предложения; опущение вспомогательного глагола в повествовательном и вопросительном предложении).

Damned decent of Ivory, isn't it, Chris? [4]. (Опущение подлежащего из структуры предложения; опущение вспомогательного глагола в повествовательном и вопросительном предложении).

Фредди, видя успех коллеги и возможную выгоду для себя в сложившейся ситуации, становится более мягким и услужливым. В связи с этим, его речь становится более правильной, вежливой, даже заискивающей, в которой отсутствуют какие-либо отклонения от нормы. Так проявилась его реакция на изменение статуса коллеги, в связи с чем он оценил их роли как симметричные.

Еще 15 грамматических отклонений от нормы (88%) Эндрю допустил, общаясь со своей женой – Кристиной.

Таким образом, в симметричных коммуникативных ситуациях представители BrE допускали в своей речи грамматические отклонения от нормы, чувствуя себя абсолютно уверенно среди людей одинакового социального статуса, в то время как представители AmE допускали ошибки в подобных ситуациях, испытывая лишь отрицательные эмоции (презрение, разочарование, недоверие) по отношению к собеседнику.

Самыми частотными грамматическими отклонениями от нормы в речи персонажей в симметричных ситуациях общения по социальному статусу являются ненормативное употребление местоимений, употребление множественного отрицания, а также ненормативное употребление формы лица глагола в Present Indefinite Tense.

Анализ показал, что социальные роли, как доминирующий социальный фактор, влияющий на количество отклонений от нормы, отражаются в речевом поведении говорящих особым образом. Так, например, исполняя симметричные социальные роли, коммуниканты допускают меньшее число отклонений от нормы, чем в асимметричных ситуациях общения. Это объясняется тем, что в симметричных ролях у некоторых людей целью коммуникации является стремление проявить уважение к своим коллегам. Кроме того, в ряде случаев персонажи испытывали чувство вины перед членами своей семьи либо настороженность при общении с незнакомыми собеседниками, что вынуждало их внимательнее относиться к своему речевому поведению. Во всех ситуациях общения большее количество отклонений от нормы допускают те собеседники, чья речь отличается более высокой информативностью, независимо от их социального статуса [1].

Литература

1. Адяева Н.Л. Грамматическое просторечие в английском языке (на материале художественной литературы): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – Череповец, 2009. – 181 с.
2. Принципы и методы социолингвистических исследований / Отв. ред. А.Н. Баскаков, В.Ю. Михальченко. – М., 1989. – 200 с.
3. Bates, H.E. *When the Green Woods Laugh* / H.E. Bates. – Harmondsworth, Middlesex, 1963. – 155 p.
4. Cronin, A.J. *The Citadel* / A.J. Cronin. – Moscow, 1963. – 477 p.
5. Grisham, J. *A Painted House* / J. Grisham. – New York, 2002. – 467 p.
6. Leonard, E. *52 Pick-Up* / E. Leonard. – Harmondsworth, Middlesex, 1986. – 190 p.
7. Priestley, J.B. *Angel Pavement* / J.B. Priestley. – Moscow, 1974. – 504 p.
8. Salinger, J.D. *The Catcher in the Rye* / J.D. Salinger. – New York, 1968. – 248 p.

References

1. Adjaeva N.L. *Grammatical colloquialism in English language (on the material of literary art)*: dis. ...kand. philol. nauk: 10.02.04. – Cherepovec, 2009. – 181 s.
2. *Principles and methods of sociolinguistic research* / Ed. by A.N. Baskakov, V.Yu. Mihal'chenko. – M., 1989. – 200 s.
3. Bates, H.E. *When the Green Woods Laugh* / H.E. Bates. – Harmondsworth, Middlesex, 1963. – 155 p.
4. Cronin, A.J. *The Citadel* / A.J. Cronin. – Moscow, 1963. – 477 p.
5. Grisham, J. *A Painted House* / J. Grisham. – New York, 2002. – 467 p.
6. Leonard, E. *52 Pick-Up* / E. Leonard. – Harmondsworth, Middlesex, 1986. – 190 p.
7. Priestley, J.B. *Angel Pavement* / J.B. Priestley. – Moscow, 1974. – 504 p.
8. Salinger, J.D. *The Catcher in the Rye* / J.D. Salinger. – New York, 1968. – 248 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.148

Талипова Ф.Р.

ORCID: 0000-0002-1825-0097, Аспирант,

Набережночелнинский государственный педагогический университет

ДЕБИТИВНОЕ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**Аннотация**

Статья рассматривает план содержания дебитивной модальности, а именно дебитивного долженствования, и средства его выражения в английском языке. В силу того, что долженствование относится к наиболее часто испытываемому человеком состояний в его обыденной жизни, английский язык характеризуется многообразием средств его выражения. В работе предпринимается попытка их систематизации и описания. Речь идет о лексико-грамматических и лексических средствах, к которым относятся модальные и модализованные глаголы.

Ключевые слова: английский язык, дебитивное долженствование, модальные глаголы, лексические средства.

Talipova F.R.

ORCID: 0000-0002-1825-0097, Postgraduate student,

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

DEBITIVE OBLIGATION AND WAYS OF ITS EXPRESSION IN ENGLISH**Abstract**

The article deals with the plan of content of debitive modality, namely debitive obligation, and its means of expression in English. Due to the fact that obligation belongs to the most often tested state by the person in his ordinary life, English is characterized by a variety of means of its expression. In this work an attempt of their systematization and the description is made. It is about lexical and grammatical and lexical means to which modal and modalized verbs belong.

Keywords: English, debitive obligation, modal verbs, lexical means.

Модальность представляет собой одну из наиболее интересных и вместе с тем сложных и неоднозначных категорий. Сущность этого понятия была впервые изложена в отечественной лингвистике в труде выдающегося лингвиста В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах», где он описывает модальность, говоря о том, что любое предложение содержит указание на отношение к окружающей действительности, это указание и является модальным значением. Руководствуясь рассуждениями В. В. Виноградова, можно представить модальность в качестве отношения содержания предложения к окружающей действительности с точки зрения говорящего.

Что касается западноевропейской лингвистики, то там наибольшее распространение получила концепция модальности Ш. Балли. Он полагал, что любое высказывание включает диктум и модус, то есть основное содержание и модальную часть, выражающую эмоциональное, интеллектуальное или волевое суждение по отношению к диктуму. Ш. Балли трактует модальность как синтаксическую категорию, для выражения которой наиболее важен модальный глагол.

Затруднения при описании модальности вызваны тем, что само значение этой категории тесно связано со значением ряда других категорий. Во-первых, иногда сложно отделить друг от друга значение модальности и лексическое значение глагольной формы. Во-вторых, зачастую бывает сложно определить, какая именно языковая единица представляет собой настоящий носитель модального значения: форма наклонения, лица или времени, вспомогательный глагол или вся синтаксическая конструкция. В-третьих, семантика модальности тесно связана с коммуникативной стратегией конкретного высказывания, формируя его семантическую структуру.

В настоящей работе изучается дебитивная модальность прежде всего по двум основным причинам. Во-первых, она является одной из наиболее распространенных типов модальных отношений, поскольку люди нередко выражают необходимость и долженствование. Вместе с тем, разные формы дебитивности часто используются в разговорной речи. Во-вторых, поводом для выделения дебитивности в качестве особой разновидности модального значения можно назвать то, что современный английский язык имеет различные способы для выражения необходимости и долженствования.

С точки зрения лингвистики, «дебитивная» (от лат. *debitum* – обязанность, долженствование) модальность представляет собой обусловленность той или иной ситуации различными факторами, объективными или субъективными, требующими обязательной трансформации потенциального в актуальное» [6].

Важно отметить, что долженствование является одним из наиболее часто испытываемых человеком состояний в его повседневной жизни. Исходя из этого, можно предположить, что способностью выражать значения долженствования в английском языке обладают многие языковые единицы.

По справедливому мнению И.Г.Осетрова, понятие долженствования в естественном языке является аналогом понятия нормы: «Долженствование - это модальное значение, означающее предписанность действия, обусловленную законами, обычаями, традициями, правилами этикета, личным опытом говорящего, обычным следованием событий, т.е. нормами в широком смысле этого слова» [5]. Отсюда дебитивное долженствование имеет следующую схему: каузатор – веление долга; отношение субъекта действия к его выполнению – нейтральное или положительное.

Что касается мнения С.Н. Цейтлина, то он представляет структуру ситуации долженствования следующим образом: S1(говорящий) сообщает о том, что S2 (субъект модальной оценки) считает необходимым, чтобы S3 (субъект волеизъявления) совершил некоторое волевое усилие, в результате которого потенциальная ситуация, имеющая субъектом S4 (субъект предметной ситуации), превратилась бы в фактическую. Во многих случаях субъект модальной оценки совпадает с говорящим (субъектом речи).

Значение долженствования может иметь разные дополнительные модальные оттенки. Рассмотрим их употребление в примерах:

- долженствование с оттенком императивности и необходимости: 'Well, you must look around everywhere,' Lord Kessler aid. 'Look at anything and everything.' Alan Hollinghurst «The line of beauty»
- долженствование с оттенком желательности: 'The house must be vacant by midnight when they come with torches. Adam Hall «Quiller - The 9th Directive»
- долженствование с оттенком возможности и пожелания: 'We must have a dance together later' Alan Hollinghurst «The line of beauty»
- долженствование с оттенком выражения своего согласия: 'I must give him a ring' Alan Hollinghurst «The line of beauty»
- императивное значение: «Then you must pay me» Adam Hall «Quiller - The 9th Directive»

Говоря о средствах выражения долженствования в английском языке, мы считаем возможным выделить следующие группы: 1) модальные глаголы, выражающие долженствование; 2) лексические средства со значением необходимости.

В первом случае экспликаторами семантики долженствования являются такие модальные глаголы, как *must*, *have to*, *ought to*. Однако следует отметить, что в силу своих семантических особенностей, эти глаголы не употребляются в этом значении равнозначно. Возьмем, к примеру, модальный глагол *must*, который является глаголом долженствования и при этом выражает желание или даже требование говорящего: «I'm afraid I must decline your proposal» Arthur Golden «Memories of Geisha»

Модальное значение глагола *have to* – это необходимость выполнения действия вследствие сложившихся обстоятельств. Обычно это и вынужденная необходимость, переводимая на русский язык при помощи «пришлось», «приходится»: «So you have to charge ten pounds, fifteen pounds for your magazine» Alan Hollinghurst «The line of beauty»

Что касается, модальных глаголов *should* и *ought (to)*, то они выражают слабое долженствование или совет: 'She ought to be here with her family,' Rachel said, not turning round. Alan Hollinghurst «The line of beauty»

Выше описанные лексемы рассматриваются в качестве наиболее часто употребляемых маркеров значения долженствования.

Как показывают приведённые выше примеры, содержание высказывания, и, соответственно, план содержания категории дебитивной модальности, напрямую зависит от ситуации общения. Кроме того, важными факторами, оказывающими влияние на значение категории, можно назвать эмоциональный настрой, присущий адресанту и адресату, выбор автором определенных синтаксических средств, необходимых для верного выражения мыслей, а также целеустановка высказывания и те или иные личные качества участников диалога.

Кроме модальных глаголов, в языке существуют другие глаголы с модальным компонентом в значении. Подобные глаголы называются модализованными. [3].

При выделении класса английских модализованных глаголов выяснилось, что существуют словозначения с модальным компонентом, которые регулярно появляются в семантической структуре определенных глаголов, и словозначения, модальный компонент в содержании которых обусловлен отражаемой понятийной ситуацией. «Эти единицы противопоставляются как структурно-обусловленные и понятийно-обусловленные модализованные глаголы. Значение необходимости содержится только в понятийно-обусловленных глаголах». [4].

Суммируя мнение отечественного лингвиста В.И. Карасика, можно сделать вывод о том, что «понятийно-обусловленные модализованные глаголы представляют собой выражение понятийной модальной ситуации в лексическом значении глагола». Они образуют лексико-семантическую группу, состоящую из трех подгрупп: глаголы возможности, волеизъявления и внешней обусловленности. Примечательно, что каждая подгруппа состоит из лексико-семантических рядов, ряды в свою очередь подразделяются на микроряды словозначений.

Нашей же задачей является рассмотрение семантики модализованных глаголов с субкатегориальным модальным признаком внешней обусловленности. Подгруппа модализованных глаголов внешней обусловленности включает пять лексико-семантических рядов: глаголы разрешения, запрещения, принуждения, управления, *долженствования*.

Как указывает отечественный лингвист В.И. Карасик, «глаголы *долженствования* выражают субъект воздействия как внешние принуждающие обстоятельства» [2]. Заметим, что на первом плане в семантике глаголов долженствования находится воздействуемый субъект. В составе глаголов долженствования выделяется пять микрорядов словозначений: глаголы обязательства, морального пожелания, требования, логической необходимости и порицаемого поведения [2]. Нами был выбран список глаголов, в семантике которых можно выделить компонент долженствования или необходимости. К ним относятся:

- глаголы *принудительного воздействия* (субъект создает ситуацию временной необходимости для объекта, в которой последний не имеет права выбора): *persuade, constrain, impose, thrust, push, oblige, convince, compel, cause, drive, influence*;
- глаголы *убеждающего принуждения* (субъект убеждает объект в необходимости совершения чего-либо): *wheelde, entice, induce, tempt, seduce, call on*;
- глаголы *воодушевляющего принуждения* (субъект убеждает объект в необходимости совершения чего-либо путем его воодушевления): *stimulate, cheer, encourage, prompt, insist, motivate*;
- глаголы *подчинения* (субъект создает ситуацию необходимости путем силового воздействия): *repress, bridle, subdue, quell, tame*;
- глаголы *обязательства* (необходимость направлена на сам субъект): *owe, promise, pledge, engage, swear*;
- глаголы *морального пожелания* (субъект выражает необходимость совершения чего-либо в виде рекомендации): *advise, earn, deserve, merit*;
- глаголы *требования* (субъект считает, что действие необходимо, так как он имеет на это право): *invoke, want, need, claim, demand, require*.

В роли субъекта может выступать как одушевленный объект, так и внешние обстоятельства. Среди данных глаголов наиболее часто употребляются *need, force, require, demand, impose*.

Анализ примеров модальных средств выражения дебитивности в современном английском языке позволяет строить предположения относительно того, что модальность представляет собой категорию для отражения модальных интенций автора, значений необходимости и долженствования.

Как было отмечено выше, существует ряд способов выражения дебитивной модальности в английском языке. Различные оттенки долженствования могут выражать такие модальные глаголы, как *must, have to, ought to, should*, а также ряд лексических средств. Таким образом, дебитивная модальность может реализоваться на лексико-грамматическом и лексическом уровне.

Литература

1. Замятина Е. Ю. Функционально-семантический аспект высказываний с предикатами долженствования (на материале русского и английского языков): дис., канд. фил. наук. Тверь., 2004
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330с.
3. Клычков Г., Карасик В., Шварц Е. Слово в синтагматике и парадигматике: – Саранск, Мордовский Государственный Университет, 1984. – 85–94с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 303с.
5. Осетров И.Г. Структурные разновидности простого предложения с модальным значением долженствования: Дис., канд. филол. наук. –М., 1984. – 199с.
6. Цейтлин С.Н. Необходимость// Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. –142-156с.

References

1. Zamyatina E. Yu. Funkcional'no-semanticheskij aspekt vyskazyvanij s predikatami dolzhenstvovaniya (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): dis., kand. fil. nauk. Tver', 2004
2. Karasik V.I. Yazyk social'nogo statusa. M.: In-t yazykoznanija RAN; Volgogr. gos. ped. in-t, 1992. – 330s.
3. Klychkov G., Karasik V., Shvarc E. Slovo v sintagmatike i paradigmатике: – Saransk, Mordovskij Gosudarstvennyj Universitet, 1984. – 85–94s.
4. Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Gl. red. Yarceva V. N. – M.: Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya, 2002. – 303s.
5. Osetrov I.G. Strukturnye raznovidnosti prostogo predlozheniya s modal'nym znacheniem dolzhenstvovaniya: Dis.,kand. filol. nauk. –M., 1984. – 199s.
6. Cejtlin S.N. Neobxodimost'// Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'.L.: Nauka, 1990. –142-156s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.110

Халина Н. В.¹, Пивкина Н.Н.²

¹ORCID: 0000-0002-1825-0097, Доктор филологических наук, Алтайский государственный университет,

²ORCID: 0000-0002-1825-0023, Кандидат филологических наук,
Российский государственный аграрный заочный университет

ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЛОКАЛИЗОВАННЫЙ ПРИЕМ

Аннотация

В статье в качестве доминирующего избирается топологический подход. Выбор топологической парадигмы обоснован объектом исследования – евразийской концепцией месторазвития. Семантика топологического дискурса месторазвития раскрывается с помощью понятий грузификации и конструэмы, которые могут быть расценены как термины, представляющие топологическую семантику дискурса месторазвития.

Ключевые слова: топология, евразийское языкознание, месторазвитие, грамматика зависимостей.

Khalina N.V.¹, Pivkina N.N.²

¹ORCID: 0000-0002-1825-0097, PhD in Philology, Altai State University,

²ORCID: 0000-0002-1825-0023, PhD in Philology, Russian state agrarian correspondence University

THE TOPOLOGICAL PARADIGM AND EURASIAN LOCALIZED RECEPTION

Abstract

The article as a dominant is elected by the topological approach. The choice of the topological paradigm was justified by the object of study – the Eurasian concept of mastersuite. Topological semantics of discourse reveals mastersuite using the concepts of *gruzifikacija* and *CONSTRUMA*, which can be regarded as the terms that represent the topological semantics of discourse mastersuite.

Keywords: topology, Eurasian linguistics, mestorazvitije, dependency grammar.

Р Каплан и С. Каплан [1] отмечают, что топологическая информация является естественным продуктом процесса познания человека, и она позволяет людям группировать полезные репрезентации окружающей среды. Точное топологическое знание важно для правильного обнаружения пути и конструирования маршрута преодоления пространства во времени.

Топологическая осведомленность способствует успешному составлению карт территории, своеобразных графических схем соединения ментальных и эмотивных образов пространства обитания. По наблюдениям М. Ровина

и Г. Вейсмана [2], топологическая точность размещения здания на картах означает успешность процесса прокладывания пути.

Топологическая информация и топологическое знание связывается с конфигурационным знанием – знанием формы, пространственного расположения одного объекта относительно другого. Изучение средовой когниции – принципов взаимодействия с окружающей средой – признают конфигурационное знание в качестве либо топологического, либо Эвклидова. Теоретики пространственного синтаксиса рассматривают топологию как место соединения спациальных отношений, наблюдаемых в их связи с локальными субсистемами или как часть всех систем [3]. Топология в пространственном синтаксисе помогает постигать онтологию конфигурационного знания.

Б. Бартон, Ф. Лихтенберг, И. Релли [4] утверждают, что топология имеет свой собственный специализированный язык. Топологический дискурс в различных языках исследуется в своих специфических чертах и возможном влиянии на развитие концептов через эти языки.

Е.В. Идельсон [5], анализируя особенности актуализации топологического подхода в лингвистике, связывает его с когнитивными исследованиями, обращая внимание, прежде всего, на исследования немецкого математика И.Б. Листинга и немецкого лингвиста М. Тиеринга. И.Б. Листингу приписывается авторство в определении понятийного объема термина «топология»: это учение о модальных связях пространственных образов или о законах взаимосвязанности, взаимного расположения и последовательности точек, линий, поверхностей, тел и их частей или их соединений в пространстве, исследуемых независимо от мер и пропорций [6]. В качестве модальных отношений рассматривались топологические свойства в геометрии.

В центре изучения М. Тиеринга находятся топологические пространственные отношения, определяемые как отношения местоположения между объектами, а в узком математическом смысле, признаваемые непроницаемыми или перспективно-нейтральными локативными отношениями между физическими объектами [7].

Элементом топологического дискурса языка становится топологическая грамматика зависимостей [8], которая определяется как грамматика, способная моделировать языки с относительно свободным порядком слов. В таких языках варианты порядка слов имеют важную функцию: реализация информационной структуры. Топологическая грамматика зависимостей является внутренней формой концепции месторазвития.

Понятие «месторазвития» является главным в работах П.Н. Савицкого. В понятии месторазвития соединяются географический и исторический компоненты. Отдельным месторазвитиям присущи определенные формы культуры. Каждая социальная среда, появляющаяся в пределах данного месторазвития, может испытывать на себе влияние этого месторазвития, отличающегося специфической актуализацией морфологических процессов.

Опираясь на топологическую «идеологию», Р. Том [9] описывает морфологические процессы как процессы, для которых определяется область пространства-времени, в которой процесс разворачивается. В регулярной точке процесс остается качественно тем же. Регулярные точки образуют открытое множество. В каждое мгновение множество регулярных точек распадается на несколько связных компонент.

Идеологию месторазвития можно оценивать как идеологию топологическую, определяющую морфологический процесс территориальной (географической) идентификации в качестве геополитической и культурной самоидентификации.

Особенности лингвистического конструирования евразийской самоидентификации исследуются по произведениям Н.Н. Алексеева («Евразийцы и государство»), П.Н. Савицкого («Континент-океан (Россия и мировой рынок)»), П.П. Сувчинского («Знамение былого (О Лескове)»), Н.С. Трубецкого («Об истинном и ложном национализме»).

Н.В. Халина и Н.Н. Пивкина [10], изучая лингвистические контуры евразийского миропонимания, отмечают, что процесс самоидентификации предполагает осуществление фазового перехода из состояния «точка/точки» (в каждой своей точке приближены к берегу океана-моря) в состояние «линия» (пункты, находящиеся в определенном одинаковом расстоянии от берега океана-моря, соединены линией) – органическая идея. Достижения определенного «статуса» на мировой арене возможно через поддержание – проведение – выбранной «на внутреннем рынке» «линии поведения»

При организации правильного соотношения выбранной линии и требований к правилам поведения, принятым мировым сообществом, возможно войти в общий строй мирового обмена. Таким образом, «линия» преобразится в путь, обязательными этапами, вехами которого являются расторжение, созидание, развитие.

Степень соответствия человека реальности вновь конструируемой, его пригодности определяется через принцип конструктивного распределения материала, который заключается в максимальной нагрузке потребности на единицу материала, т.е. в малом – многое, в точке – все. Распределение евразийской аксиологии в текстах, созданных ее представителями, осуществляется в эмбрионах содержания – зародышах индивидуальных творческих схем, которые объективируются (организуются) в том или ином материале потенциальным давлением («внутренним паром»).

А. Чичерин и И. Сельвинский в «Клятвенной конструкции конструктивистов-поэтов» провозглашали: «Потенциальный схематический сгусток – эмбрион «содержания» – в силу основного закона человеческой психики – экономии сил, в каждом отдельном случае своего оформления требует себе соответствующих, и материалу, в котором организуется он, свойственных, закономерных приемов. Поэтому для передачи каких бы то ни было впечатлений и их комбинаций, в практически жизненных приспособлениях или художественных концепциях, необходимы: подготовка и разрешение в фокусе (лучение ядра схемы), способами функционально вытекающими из организуемого и того, что непосредственно связано с ним. Подготовка и разрешение в фокусе без стороннего (неумышленного) заданию элемента достигается посредством локализованного приема. Локализованным приемом мы называем центростремительную организацию материала» [11].

Евразийский локализованный прием – организация содержаний евразийской аксиосоциологии в пространстве – реализуется в использовании орнаментальных конструэмов. Под орнаментальными конструэмами понимаются

единицы, влияющие на изменение технологии мышления и топологической осведомленности следовательно. В процессе обновления технологии мышления субъект начинает оперировать не техническими конструкциями – лингвистическими знаками и языковыми конструкциями текста, а силами, которые можно переносить в направлении действия лингвистических знаков и конструкций.

Согласование поведения на микроуровне в евразийской аксиологии достигается за счет орнаментальных конструэм, или на уровне орнаментальных конструэм. В каждой орнаментальной конструэме, отвечающей за введение идеологии в семантику воспринимающего субъекта, будь то социума, будь то индивида, выделяется три структуры контекста, через содержание которых распределяется силовое поле (поле семантического «притяжения») орнаментальной конструэмы. Именно в этих структурах формируются параметры порядка, которые подчиняют параметры состояния текста и «пользователя» евразийской аксиологии, а также изменяются масштабы времени (происходит либо его ускорение, либо его замедление).

Эмбрионы содержания евразийской аксиологии, орнаментальные конструэмы поддерживают деятельность сетевого мышления, наблюдение за деятельностью которого, по мнению В.В. Тарасенко, приводит к возможности выделения «этажей» мышления, каждый из которых разворачивается «на своем» характерном времени [12, с.73-74].

Контекст актуализации орнаментальной конструэмы промежуточный слой – пласт творческого жизнепритяжения и жизнедейства между верхами и низами. Существо *slaving principle*, определяющего параметры порядка для фазового перехода из одного тысячелетия в другое, порядка евразийского, возможно вывести в процессе обобщения содержания «этажей мышления», в соответствии с которыми распределяется энергийный (силовой) потенциал орнаментальных конструэм. В качестве эволюционирующей системы рассматривается духовно-социальная конструкция «Россия», в процессе фазового перехода от состояния «Имперская Россия» к «Россия-Евразия» формирующая V (5) параметров порядка: 1) контроль событийного ряда; 2) формирование эйдоса государства; 3) самоидентификация; 4) «статусы»; 5) желаемая цель («*erwünschten Ziel*» [13], «*gewählten Zweck*», «*chosen goals*» [14].

Контроль событийного ряда должен осуществляться с учетом высокой напряженности экономической жизни, исходя из сочетания государственной константы с государственной динамикой и с опорой на золотые заветы простого, живого и крепкого понимания людей и жизни.

При формировании эйдоса государства необходимо исходить из его тройственности: государственный базис (поросль, которая питается от самой черной и тучной земли народной), политическая надстройка (имеет характер западной партии, то есть частного объединения, преследующего некоторые политические цели), общественность (*Zones d'e-quidistance*

Эмбрионы содержания евразийской аксиосоциологии получают свое развитие в орнаментальных конструэмах, которые предоставляют варианты образной (лингво-эйдетического) реализации-воплощения идеологии и аксиологии в конкретном текстовом материале. Наиболее яркие образцы орнаментальных конструэм: правящий слой, национальные клетки, континент-океан, океанический обмен, промышленное «небытие», задворки мирового хозяйства, мировое, «океаническое» хозяйство, романо-германское иго.

Зародыши индивидуальных – евразийских творческих схем – с помощью принципа грузификации разворачиваются в текстовые артефакты посредством орнаментальных конструэм. Принцип грузификации – принцип конструктивного распределения аксиологического материала, или максимальной нагрузки «идеологической» потребности на единицу материала, – в евразийской концепции обустройства российского мира по своей художественной стилистике более тяготеет к модерну.

Наблюдая за поведением орнаментальных конструэм в тексте можно составить представление об эволюции аксиологической системы, а также потенциальной эволюции системы мышления.

Подготовка и разрешение в фокусе без стороннего (неумышленного) заданию элемента достигается посредством локализованного приема, или центристремительную организацию материала. В анализируемых евразийцев таковых приемов обнаружено три: местная деловая программа, симфоническая личность, русская национальность.

Процесс самоидентификации предполагает осуществление фазового перехода из состояния «точка/точки» (в каждой своей точке приближены к берегу океана-моря) в состояние «линия» (пункты, находящиеся в определенном одинаковом расстоянии от берега океана-моря, соединены линией) – органическая идея.

Достижения определенного «статуса» на мировой арене возможно через поддержание – проведение – выбранной «на внутреннем рынке» «линии поведения»

При организации правильного соотношения выбранной линии и требований к правилам поведения, принятым мировым сообществом, возможно войти в общий строй мирового обмена. Таким образом, «линия» преобразится в путь, обязательными этапами, вехами которого являются расторжение, созидание, развитие.

Литература

1. Kaplan, R. & Kaplan, S. . *Cognition and environment: Functioning in an uncertain world* . –New York: Praeger, 1982.
2. Rovine M. J., & Weisman, G. D. (1995). Sketch-map variables as predictors of way-finding performance // *Readings in environmental psychology: Urban cognition* –. San Diego: Academic Press, 1995. pp. 151-166
3. Hillier B., Burdett, R., Peponis, J., & Penn, A. (1987). Creating life: Or, does architecture determine anything? *Architecture and Behavior/Architecture et Comportement*,3,– Pp. 233-250.
4. Barton B., Lichtenberk F., Reilly I. The language of topology: a Turkish case study *Applied General Topology* // *Universidad Polit'ecnica de Valencia* Volume 6, No. 2, 2005.– Pp. 107-117
5. Идельсон Е.В. Топологический подход к анализу когнитивных и языковых аспектов дирекциональности. Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/014-006.pdf>
6. Listing J.B. *Vorstudien zur Topologie (Mit eingedruckten Holzschnitten)* Abgedruckt aus den Güttingen Studien. – 1847. – Güttingen: Güttingen bei Vandenhoeck und Ruprecht, 1848. .

7. Thiering M. Linguistic Categorization of Topological Spatial Relations: TOPOI – Towards a Historical Epistemology of Space. Vol. 373 of Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, Reprint. – Berlin, Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, 2009.
8. Duchier D., Debusmann R. Topological dependency trees: A constraint-based account of linear precedence // Proceedings of the 39th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL). 2001 – Pp. 180–187
9. Том Р. Топология и лингвистика // Успехи математических наук. 1975. Т. 30. Вып. 1(181). –С. 199–221
10. Халина Н. В., Пивкина Н.Н. Евразийское интегративное языкознание — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014.
11. Литературные манифесты от символизма до наших дней. Составил С. Джимбинов, Издательский дом Согласие. – М., 2000
12. Тарасенко В.В. Анализ сетевого мышления // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М.: ИФРАН, 2002. – С. 54-72.
13. Glasersfeld E. Konstruktion der Wirklichkeit und des Begriffs der Objektivität // Einführung in den Konstruktivismus. – München, 1997.
14. Glasersfeld E. Radical Constructivism. – London, 1996.

References

1. Kaplan, R. & Kaplan, S. . Cognition and environment: Functioning in an uncertain world . –New York: Praeger, 1982.
2. Rovine M. J., & Weisman, G. D. (1995). Sketch-map variables as predictors of way-finding performance // Readings in environmental psychology: Urban cognition –. San Diego: Academic Press, 1995. pp. 151-166
3. Hillier B., Burdett, R., Peponis, J., & Penn, A. (1987). Creating life: Or, does architecture determine anything? Architecture and Behavior/Architecture et Comportement, 3, – Pp. 233-250.
4. Barton B., Lichtenberk F., Reilly I. The language of topology: a Turkish case study Applied General Topology // Universidad Politécnica de Valencia Volume 6, No. 2, 2005. – Pp. 107-117
5. Том Р. Топология и лингвистика // Успехи математических наук. 1975. Т. 30. Вып. 1(181). С. 199–221
6. Halina N. V., Pivkina N.N. Evrazijskoe integrativnoe yazykoznanie — Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014.
7. Literaturnye manifesty ot simvolizma do nashih dnei Sostavil C. Dzhimbinov, Izdatel'skij dom Soglasie, Moskva 2000
8. Tarasenko V.V. Analiz setevogo myshleniya // Filosofiya nauki. Vyp. 8: Sinergetika chelovekomernoj real'nosti. -M.: IFRAN, 2002. S. 54-72.
9. Glasersfeld E. Konstruktion der Wirklichkeit und des Begriffs der Objektivität // Einführung in den Konstruktivismus. – München, 1997.
10. Glasersfeld E. Radical Constructivism. – London, 1996.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.149

Чепчугова К.С.

ORCID: 0000-0003-2231-410X, студент,

Уральский государственный педагогический университет

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ УРАЛА

Аннотация

В данной статье раскрываются аспекты, связанные с особенностями мифического восприятия народов Урала, рассматриваются значимые причины становления космогонических мифов и архаического мировосприятия. Обозначается взаимосвязь мифологических сюжетов с фольклорными произведениями (сказки, легенды, предания, былины, поэмы), значимость мифов и легенд в современной жизни. Автором описываются мифологические основы и особая ценность данного материала, его место в литературном наследии уральских народностей.

Ключевые слова: народы, Урал, ритуалы, мировосприятие, архаика.

Chepchugova K.S.

ORCID: 0000-0003-2231-410X, student,

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg

MYTHS AND LEGENDS OF THE PEOPLES OF THE URALS

Abstract

The article considers sides of mythical perception peoples of the Urals, important reasons the formation of cosmological myths and archaic worldview. The article analyzes some relationship with mythological subjects folkloric works. We denote the relationship with mythological subjects folkloric works (fairy tales, legends, legends, epics, poems), the significance of myths and legends in contemporary life. It describes mythological basis and special value of this material, his place in the literary heritage of the peoples of the Urals.

Keywords: nations, Ural, rituals, attitude, archaic.

В древние времена народы, жившие на Урале, так же как и современные люди пытались осмыслить и понять, откуда появилась Земля, животные и растения, как произошли люди, как они научились существовать на этой земле, строить жилища, делать одежду и обувь. Поиск ответов на эти и многие другие вопросы, собственно, и делал людей людьми, подталкивал их к творчеству: ведь найденные ответы надо было передать детям и внукам, для чего приходилось запечатлевать их посредством рассказов, песен, рисунков. Так и создавалась литература и другие виды

искусства. Кроме того, в древности практически у всех народов мира существовали свои ритуалы – определенные формы священного поведения, благодаря которым, как веровали люди, на земле и в космосе сохраняются мир и покой. Их тоже следовало передать по наследству, от одного поколения другому, причем так, чтобы существующие поколения ничего не изменяли в порядке ритуального действия – иначе оно может оказаться безуспешным, и на земле воцариться хаос. Первоначальные формы устной литературы древних народов не дошли до нас. А них мы можем судить только по сказаниям и легендам, записанным гораздо позже, когда люди уже научились писать и считать. Некоторые из них в наше время были восстановлены учеными, как бы заново сконструированы на основе исторических свидетельств, древних памятников искусства, через сопоставление с нынешними верованиями и обычаями народов, сохраняющим в своей глубине остатки прежних культов. Эти древние формы литературы называются мифами.

Мифы отражают особенности архаического мировосприятия людей, являясь первичным воплощением духовной культуры человечества. Обычно в них действуют боги, великаны, величественные и могучие герои – Богатыри, мало похожи на обычных людей. Те мифы, в которых рассказывается о происхождении земли, обустройстве на земле удобной для людей жизни называются космогоническими. У всех наших предков, с давних времен, проживающих на Урале, были свои космогонические мифы. В них есть много общих черт, а есть некоторые особенности, отличающие, скажем, мифы башкир от мифов хантов или удмуртов. Так уж сложилось, что мы живем в трех измерениях. В представлениях большинства древних народов мир разделяется на космические зоны: небесную, земную и подземную. Эти зоны или царства были заселены, соответственно, бессмертными небожителями, смертными людьми и злыми духами – чудовищами [2, с. 176].

В реконструированной учеными на основе песен сэсэнов– народных поэтов– башкирской героической поэме «Урал–батыр», считающейся наиболее ранним памятником литературы башкир, небожители– это верховный бог Самрау со своими женами Кояш (солнце) и Ай (Луна), крылатые кони Акбузат, волшебные птицы. Небожители доброжелательно относятся к людям, а дочери – Самрау–Хумай и Айхылу выходят замуж за земных батыров. Один из них, самый могучий Урал–батыр воздвигает Уральские горы из останков побежденных и погребенных им дивов (злых духов). Его сыновья Яик, Идель, Нугуш, Сакмар рассекают алмазным мечом Урал–батыра эти горы и дают начало рекам, названных их именами. Кости батыров превращаются в благородные камни и металлы. В Урал–батыре особенно подчеркивается его бескорыстное служение людям. Даже найденную живую воду он разбрызгивает кругом, отчего природа становится бессмертной. Он борется за уничтожение змеиного царства Каххахи, царства дивов Азраки, побеждает четырех чудовищных богатырей тирана Катилы. Когда змеи и дивы снова начинают вредить людям, богатырь выпивает всю воду из озера, где они прячутся. Дивы – змеи разрезают нутро батыра, и он погибает, но вместе с ним погибает вся змеиная нечисть [1, с. 87]. Нам неизвестно, насколько точно в этой поэме запечатлены космогонические представления древних предков нынешних башкир, это лишь одна из поздних версий первоначальной мифологии. Некоторые элементы мифологических сюжетов сохранились сегодня в сказках, легендах, преданиях народа. Например, сказки о животных содержат в себе напластования разных эпох и связаны с тотемными мифами, утверждавшими родство первопредков с миром животных. В зависимости от исторических и географических условий в сказке формировались свои традиционные системы образов и сюжетов. Так, главную роль в повествовании у народов Западной Европы получил лис, у народов Восточной Европы и Ближнего Востока – лиса, у народов Севера и Сибири – медведь или лось. С мифологическими богатырями обычно бывают связаны герои волшебных сказок, и даже в ловких обманщиках обнаруживаются их архаические прототипы – благородные герои, обманывающие тотемного зверя, нередко и саму смерть и крадущие у них недоступные простым смертным сокровища. В башкирском фольклоре это Алдар, который обманывает черта. В удмуртских сказках это простой мужик, сумевший перехитрить шайтана. Первые сведения о бытовании легенд, различных поверий и рассказов среди башкир относятся к X веку. Особую группу образуют легенды о небесных светилах, сохраняющие следы древних космогонических представлений. Зачастую земные явления в них перемещаются на небо. В космогонических легендах находит отражение явление антропоморфизма. Так, в одной из них, («Девушка и месяц»), Луна олицетворяет мужское начало, слышит и даже осуществляет некие действия. Обширна группа легенд и преданий, посвященных земле. Исключительно богатая природа Урала издревле будила фантазию, преданиями в древности был овеян каждый примечательный камень, холм, луг. Ученые-краеведы XIX века замечал: «У башкирцев почти о каждом несколько замечательном месте есть своё особое предание» [3, с. 46].

В некоторых топонимических легендах возникновение названий рек, озер, гор связывается с тотемистическими представлениями, например, с культом коня. Порой древнейшие воззрения соседствуют с более поздними социально– бытовыми и историческими представлениями. Космогонические легенды удмуртов часто напоминают легенды других народов мира. Целый ряд легенд удмуртов рассказывает о сотворении гор, болот, лесов, причем в них удмуртский инвар творит не из ничего, а из песка, и сам не в состоянии достать его со дна, а заставляет сделать это шайтана. Космогонические легенды удмуртов часто напоминают легенды других народов мира. Более оригинальна удмуртская легенда «О сотворении мира», сокращенный вариант которой впервые был записан известным венгерским ученым Бернатом Мункачи в 1887 году. К космогоническим легендам примыкают мифы о различных сверхъестественных существах. Главными в мифологической иерархии удмуртов были Инмар и Кылдысин. Первый живет на небе, престол его – солнце, одежда – небо. Второй живет на земле. В мифологии хантов и манси выделяют три главных божества: Торум, Калтась-анки, Куль.

Для современного человека мифы интересны не только сами по себе – как своего рода сказки, которые можно читать на досуге. Знание мифологии помогает лучше понять многие литературные произведения, вводит нас в контекст древнейшей истории человечества, является одним из двигателей воображения и фантазии. Многие особенности архаического мифологического мышления сохраняются в массовом сознании, в религии, в традициях людей и по сей день.

Литература

1. Башкирское народное творчество. – т.7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. – Уфа: Башкирское издательство «КИТАП», 1993.
2. Урал – батыр. Башкирский народный эпос. — Уфа: Китап, 2005.
3. Юматов В.С. Древние предания Башкирцев Чубиминской волости // Оренбургские губернские ведомости. Оренбург.1848. № 7.

References

1. Bashkir folk art. - Vol.7: proverbs, sayings. Signs. Puzzles. - Ufa: Bashkir publishing house "Kitap", 1993.
2. Ural - batyr. Bashkir folk epic. - Ufa: Kitap 2005.
3. Yumatov VS Ancient legends Bashkirtsev Chubiminskoy Parish // Orenburg Provincial Gazette. Orenburg.1848. Number 7.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.107

Гришина Е.С.¹, Котлова Т.Б.², Царева Н.А.³¹Дальневосточный федеральный университет,²Ивановский государственный энергетический университет,³Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕФОРМ

Аннотация

Современное реформирование армии и флота невозможно без реализации соответствующих изменений отечественного образования в целом и военного в частности. Более того, авторы признают за военным образованием возможности разработки и распространения передового опыта в деле гуманизации педагогического процесса. Лидером этого процесса призвано стать военное образование, методы которого онтологически носят комплексный и гуманный характер, а цели формируются в контексте глобальности современных международных отношений.

Ключевые слова: глобальные проблемы, гуманизация образования, военное образование, духовная трансформация.

Grishina E.S.¹, Kotlova T.B.², Tsareva N.A.³¹Far Eastern Federal University,²Ivanovo State Power University,³Pacific Higher Naval School. S.O. Makarova

MILITARY EDUCATION TRENDS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY REFORMS

Abstract

A present reformation of the army and navy is impossible without complex implementation of the relevant changes in the national education in general, and the military education - in particular. Moreover, the authors acknowledge for the military education a function to develop and propagate the best practices in the humanization of the educational process. Military education is expected to become a leader of this process, which methods are ontologically complex and humanitarian, and goals are formed in the context of global approach to the contemporary international relationship.

Keywords: global challenges and problems, humanization of education, military education, spiritual transformation.

Современные военные реформы с неизбежностью требуют изменения методики военного образования. Одним из направлений реализации этого требования является гуманизация. При этом важно помнить, что любые изменения невозможны без понимания истории процесса, подлежащего реформированию.

Новое время вдохновенно поверило в науку как главную движущую силу прогресса, сформулировало сверхцель общественного развития: освоение и преобразование общества, мира в целом. Именно из этого и выросла культура XX в. Её традиции и сегодня поражают устойчивостью воли к прогрессу в его классическом понимании, неутомимым желанием расследования во имя господства человека в мире. Воспроизводя культ разума и индивидуальности, она с неизбежностью засасывает человека в зависимость от техники, рациональности научных доказательств, материальной выгоды и экономически обусловленного престижа. В результате обе стороны медали новоевропейского гуманизма вывернулись на одну сторону, и человечество столкнулось с ними лицом к лицу, четко осознав эту встречу как последнюю перед катастрофой. Как всегда вдруг пришло осознание того, что стремление реализовать действительно безграничные возможности человека удивительным образом неотвратимо сопровождается усилением жажды безграничности человеческой власти над миром, что в обыденности уродливо проявляется в стремлении обладать всем как вещью, в усилении агрессивности самоутверждения за счет всего вокруг. Но в недрах этой же культуры вопреки логике рационализма неистребимо обнаруживает себя вера в то, что путь из кризиса формируется в духовном, что желание человека соприкоснуться с вечностью принесет спасительные плоды. Что это? Новая утопия или реальный выход из сегодняшнего осознания кризиса? Знаменитое «Бог умер!» прозвучало именно тогда, когда абсолютное уступило место преходящему, и восторжествовало обыденно-материальное. Слезы по этому поводу проливал не один Ницше. Отдельные капли горечи по забвению корней собственного бытия в условиях пессимизма и перевернутости духовных ценностей в условиях кризиса западной мировоззренческой парадигмы на сегодняшний день слились в потоки, достаточные для того, чтобы всерьез говорить о реальной потребности в смене жизненной парадигмы человечества. Какой будет она в XXI веке? Хотелось бы предположить, что если за человеком сегодня

довольно широко признается космическая суть, то и мировоззрение наше все будет развиваться в планетарном направлении. Трансформация подобного рода не может произойти сама по себе. Если человечество хочет сколько-нибудь положительного, спасительного для себя разрешения сегодняшних проблем, оно с необходимостью должно войти в длительный период формирования и широкого распространения новой парадигмы, которую лучше всего на сегодняшний день назвать ноосферной, то есть такой, которая станет основой превращения человечества в единый духовный организм, герои которого научатся действовать локально на основе глобального мышления [2].

Никакая духовная трансформация невозможна без участия организованного образования. Прежде всего, из узкодисциплинарного образование должно стать универсальным трансдисциплинарным, формирующим образованного человека, способного самостоятельно жить и развиваться в меняющемся мире. Сегодня идет сближение естественнонаучной и гуманитарной методологии познания, что воспринимается как потребность времени объективного характера [3]. В этом контексте нельзя не согласиться с полковником С.А. Данильченко в том, что «в условиях современной социокультурной обстановки актуализируется ментальная установка веры, связанная не только с религией, но и прежде всего с самой духовной сущностью человека. Вера, устанавливая смысложизненные основы, выступает ментальным инструментом гармонизации существования» [1. С. 26]. Автор анализирует значение веры для формирования личности офицера. Продолжая его рассуждения, отметим, что наиболее благоприятной территорией для максимальной реализации тенденции гуманизации современного образования по природе своей могут стать военные учебные заведения. Действительно, вопросы, которые практически решают военные, с неизбежностью связаны с глобальными проблемами, успех здесь зависит от степени зрелости глобального мышления, умения на основе именно философствования об общем решать злободневные задачи. Интересно, что в начале XXI века идея необходимости гуманизации мышления с целью достижения оптимального сочетания материального и духовного практически не встречает сопротивления в молодежной аудитории. Социологическое исследование, проведенное философским кружком курсантов ТОВВМУ, показало, что необходимость разбираться в общих вопросах развития мироздания отрицают лишь 6 % курсантов. При этом нежелание повышать свой философско-методологический уровень: в силу слабой теоретической подготовки отметили 42 %; в силу лени – 30 %; в силу «практической неприменимости» подобных знаний – 63 %. Нам же интересно то, что для курсанта начала XXI в. теоретически ясно – проблемы единичного не решить без понимания закономерностей общего порядка. Тот факт, что эта интуитивно угаданная установка не всегда реализуется в практике образования, есть проблема не только обучающихся, еще раз подтверждает необходимость развития, и во многом изменения условий, целей, методики образования. Именно система высшего военного образования по определению самой профессии призвана стать одним из центров такой перестройки. Работа военного точнее прочих может быть воспринята как глобальная, планетарная, подразумевающая осознание высоты ответственности за себя, близких, весь мир. Действительно военный профессионализм аккумулирует сущность человека едва ли не во всех ее возможных проявлениях: специалист, воспитатель, руководитель и подчиненный, учитель и вечный ученик, субъект и объект социального развития. Узкий подход к такой профессии сегодня с очевидностью обречен на неудачу. Соответственно и подход к подготовке военных кадров требует перемены на пути усиления внимания к общему, к развитию общечеловеческого с одной стороны, и личностного – с другой. Военное образование призвано стать «полигоном» отработки новейшей методики не просто обучения и воспитания молодежи, но реализации образованием своей роли конструирования культуры в глобальном масштабе. Ведущим направлением реализации этой установки общественность дружно называет гуманизацию всей методики преподавания и воспитания в любой специальности и в рамках любого предмета учебной программы, работу по созданию гуманитарной среды вуза и пр. [4, 5]. Важно понять, что гуманизация образования это не очередная модная идея, а закономерный итог саморазвития всей системы развития знания, призванный стать началом формирования образованного человека планетарного масштаба. Позволим себе «нарисовать» портрет современной образованности: самостоятельность обучения при помощи всех встречающихся на пути явлений, понимание того, что еще не познано, свободный выход на путь и методику покорения неизвестного. При этом образованность не имеет возрастных, профессиональных или должностных пределов как формальной обусловленности, зафиксированной документально, ее качество определяет лишь историческое время. Будучи началом бесконечности познания, она обеспечивает субъекту открытость миру. В результате образованный человек не переделывает окружающий мир, не отстаивает приоритетов разума, веры, воли или чувств, но стремится к гармоничной реализации всех возможностей человека, понимает изменчивость мира и меняется вместе с ним, он не страшится незнания, его угнетает неведение путей к новому. Помочь каждому выйти на этот путь, призвано государство через развитие ограниченной системы образования, соответствующей времени, системы, которая способна порождать из себя свои собственные части, формировать своих продолжателей, но не могильщиков. Отметим, что неорганическая система образования развивается так, что побуждает своих субъектов не преодолевать трудности в их причинах, а приспосабливаться к ним, а значит воспроизводить «минусы», разобщать участников образовательного процесса в их целях и методах. Эти признаки современного кризиса образования как глобальной проблемы не могут быть преодолимы вне процессов гуманизации. В основе последней должно быть действительное повышение субъективной роли всех участников общего образовательного дела. Чем больше условий для индивидуального творчества всех членов единого коллектива содержит социальная система, тем больше она результативна.

Итак, в современных условиях глобализации адекватное реформирование и активное саморазвитие военного образования представляется одним из важных методов формирования позитивного планетарного мышления, цель которого – максимальное предотвращение войны как средства решения международных конфликтов. Именно образованные военные самым онтологическим смыслом своей профессии призваны быть в авангарде всех международных процессов борьбы за мир и формирования гуманистических принципов международных отношений. Превращение планеты из совокупности полей сражений в единую площадку сотрудничества – не это ли сверхзадача образования на пути преодоления глобальных проблем современного человечества?

Литература

1. Данильченко, С.А. Проблемы веры и религии в современной армии / С.А. Данильченко // Гуманитарный вестник. – 2015. – № 3 (34). – С. 26-30.
2. Золотовская, Л.А. К вопросу о теоретико-методологических основаниях компетентностного подхода в профессиональном военном образовании / Л.А. Золотовская // Междисциплинарные исследования в науке и образовании. – Электронный научный журнал. – 2012. – № 1: <http://mino.esrae.ru/158-811> [Дата обращения: 08.09.2015].
3. Зорников, И.Н. Проблемы и перспективы международной интеграции высшего образования / И.Н. Зорников // Центр международного академического и делового сотрудничества. – Воронеж. – Режим доступа: <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/inzor1.htm>. [Дата обращения: 10.09.2015].
4. Колоницкая, О.Л. Гуманитарная среда – один из способов решения проблем высшего профессионального образования / О.Л. Колоницкая // Молодой ученый. – 2012. – № 5. – С. 431–435.
5. Мартынова, Е.А. Гуманитарная среда вуза как условие формирования культурной компетенции выпускника / Е.А. Мартынова // Высшее образование в России. – 2013. – № 4. – С. 92–95.

References

1. Danilchenko C. A. Problemy veru i religii v sovremennoj armii / C.A. Danilchenko // Gymanitarnuj vestnik. – 2015. – № 3 (34). – С. 6-30
2. Solotovskaia, L.A. K voprosy o teoretiko metodologicheskih osnovaniyah kompetentnoscno podxoda v professionalnom voennom obrasovanii / L.A. Solotovskaja // Mezdisshplinarye issledovani v nayke i obrasovanii. – Jelektronnyj naychny zyrnal. – 2012. – № 1: <http://mino.esrae.ru/158-811> [Data obrachenia: 08.09.2015].
3. Зорников, И.Н. Проблемы и перспективы международной интеграции высшего образования / И.Н. Зорников // Центр международного академического и делового сотрудничества. – Воронеж. – Режим доступа: <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/inzor1.htm>. [Дата обращения: 10.09.2015].
4. Kolonizkaja O. L. Gumanitarnaja sreda – odin is sposobov reshenija problem vysshego professionalnogo obrasovania / O.L. Kolonizkaja // Molodoy ychenyj. – 2012. – № 5. – С. 431–435.
5. Martynova, E.A. Gymanitarnaja sreda vysa kak yslovie formirovaniya kylytrnoj kompetenshii vupysknika / E.A. Martunova // Vusshee obrasovanije v Rossii. – 2013. – № 4. – С. 92–95.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.055

Колесникова Г.И.

ORCID iD orcid.org/0000-0002-4760-9839 филолог, психолог, доктор философских наук,
член-корреспондент Российской Академии Естествознания (РАЕ),

член Международного научного сообщества - International Academy of Natural History (IANH),

профессор кафедры Гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Работа выполнена по направлению 09.00.11 – Социальная философия

Аннотация

В статье «Социальные механизмы повышения качества образования: поиск оптимальной модели (социально-философский анализ)» доктора философских наук Г.И. Колесниковой в рамках научных философских традиций проводится анализ основных существующих в российском образовательном пространстве высшей школы стратегий повышения качества образования. Автор отмечает: поскольку главным «образовательным орудием», не смотря на развитие инновационных методов и нарастающей тенденции в средствах масс-медиа на пропаганду технотизации образовательного процессе была и останется личность педагога, то именно цели создания оптимальных условий способствующих раскрытию творческого потенциала каждого отдельно взятого сотрудника профессорско-преподавательского става и должна служить искомая оптимальная модель. Используя авторскую формулу $S-M-P-D-C/R$, где S - стимулы (то, что запускает механизм деятельности), M - мотивация (активизация причин, исходя из которых люди предпринимают усилия для осуществления деятельности), P - доминирующая потребность (та потребность которую активизирует стимул), D - собственно деятельность, C/R - результативность (масштабы достижения цели (C -цель, R -результат) деятельности (D)), был проведен социально-философский анализ основных моделей, существующих в современной России. Было выявлено три основных модели названных, исходя из потребности, на активизацию которой направлен стимул, и мотивации, которая инициирует деятельность/достижение цели: биологическая, социальная, позитивная/творческая. Первая модель: биологическая или негативная, так как стимулирование направлено на биологические потребности, основной мотив, исходя из которого предпринимают усилия направленные на достижение цели, – страх, поскольку люди фактически лишены права выбора. Вторая модель: социальная или нейтральная, так как стимулирование направлено на социальные потребности, основной мотив, исходя из которого предпринимают усилия направленные на достижение цели, – социальный, но выбор интенсивности усилий остается за личностью. Третья модель: позитивная или творческая – стимулирование направлено на духовные потребности (развитие, творчество, познавательный интерес), основной мотив, исходя из которого предпринимают усилия направленные на достижение цели, – совершенствование, выбор направления и интенсивности усилий остается за личностью. Сделан вывод, что позитивная модель и является искомой оптимальной моделью повышения качества образовательного процесса, так как, гармонично сочетая в себе решение духовных, социальных и материальных потребностей создает благоприятные условия для раскрытия и

развития потенциала, а также достойные условия для реализации профессиональных задач профессорско-преподавательским составом и повышения статуса преподавателя в обществе.

Ключевые слова: общество, образование, институт, университет, качество, преподаватель, модель, стратегия, потребности, стимулы, мотив, мотивация, цель, творчество.

Kolesnikova G.I.

ORCID iD orcid.org/0000-0002-4760-9839, Kolesnikova G. I. - philologist, psychologist, PhD in Philosophy, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS),

member of the International scientific community - International Academy of Natural History (IANH),

Professor of the department of Humanities Disciplines of the Taganrog institute of management and economy

SOCIAL MECHANISMS IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION: SEEKING OF OPTIMAL MODEL (SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Abstract

In the article "Social mechanisms improving the quality of education: seeking of optimal model (socio-philosophical analysis)" of G.I. Kolesnikova, Doctor of Philosophical Science, in the framework of the scientific philosophical traditions, analyzing main strategies of improving the quality of education which exist in Russian educational space of higher school.

The author notice (remark): despite on development of innovative methods and increasing tendency in media outlets on promotion of technotizie of the educational process, the main "educational instrument" was and still is teacher's personality, so aims for creating optimal conditions must contribute creative potential of each individual employees of professors-teaching staff and that's why searching purpose must serve for that.

Using the author's formula S-M-P-D-C / R, where S - the stimulus (which starting mechanisms of the activity), M - Motivation (activation of the reasons on the assumption of people make efforts to carry out activities), P- dominant need (the need which is stimulated activity), D - the actual activity, C/R performance (the extent of achieving the goal (C-goal, R-result) activities (D), was carried out a socio-philosophical analysis of the main models existing in modern Russia.

There were three main models are named on the basis of need, incentive is aimed on the activation this need, and motivation initiates the activity/achievement of objectives: biological, social, positive/creative.

The first model: the biological or negative, because the stimulation is focused on biological needs, the main motive is the fear, because people are actually deprived the right of choice.

The second model is social or neutral, because the stimulation is directed on social needs, the main motive, because of is made efforts, aimed at achieving on a goal - social, but the choice of the intensity of the effort remains the person.

The third model: positive or creative - stimulation are aimed at the spiritual needs (development, creativity, cognitive interest), the main motive on the basis of which is made efforts aimed at achievement of the goal, - improvement, the choice of the direction and intensity of the effort remains with the person.

It is concluded that the positive model is the required optimal model for improving the quality of the educational process, because it harmoniously combine in itself the solution of the spiritual, social and material needs creates favorable conditions for expansion and development potential as well as deserving conditions for realization professional tasks of the teaching staff and enhance the status of teacher in society.

Keywords: society, education, college, university, quality, teacher, model, strategy, requirements, incentives, motive, motivation, purpose, creativity.

Актуальность.

Вопросы повышения качества образования – вопросы, похоже, вечные. И это только показывает их важность для развития общества в целом и для роста каждой отдельной личности. Однако в современном научном пространстве все чаще возникают публикации, посвященные не просто проблемам в системе образования на всех ее уровнях, но его угрожающего состояния, причем в мировом масштабе. Ярким примером данного тезиса могут служить публикации доктора философии в философии от Университета Маркетт и магистра теологии, профессора философии в Diablo Valley College в Калифорнии в Сан-Франциско Роберта Эйбела, в которых он не просто вскрывает сами проблемы, существующие в образовании, но показывает их истоки: «Величайшее преступление корпоративной Америки против образования, о котором не сообщалось ... умышленное «опустошение» образования изнутри – т.е. с помощью философии, которая рассматривает образование, особенно на уровне местных колледжей и выше, как подготовку студентов к тому, чтобы после выпуска занять рабочие места в деловом мире, а не научить их искусству углублять свою индивидуальную человеческую личность, занимаясь учением и размышлениями о курсах и их содержании, которое нельзя купить или продать в бизнесе, например, в философии, искусстве, гуманитарных науках, истории культуры человечества, логического и критического мышления, этики принятия решений и так далее. Существует три способа, какими осуществляется опустошение: - акцент на курсах «основных навыков», используемых для того, чтобы обеспечить определённый уровень чтения и письма; - акцент на «успехе студента», определяемом, как количество студентов, которые прошли данный курс; - умышленное сокращение и уничтожение программ, которые расширяют кругозор студентов и учат их рационально размышлять и анализировать общество и его тенденции» [1]. Тем актуальнее звучит тема нахождения возможных решений.

Основная часть.

Что же возможно предпринять в сложившейся ситуации? Оно из возможных и действенных решений, чтобы не вступать в прямую борьбу с мельницами в виде министерства образования, используя существующие возможности внутри каждого отдельно взятого ВУЗа, выработать, благо современные правовые документы это позволяют, оптимальную модель повышения качества образования. Поскольку же главным «образовательным орудием» выступает личность педагога, то именно цели создания условий, позволяющих раскрыть весь творческий потенциал каждого отдельно взятого работника и должна служить искомая оптимальная модель.

Нами был проведен социально-философский анализ основных моделей, существующих в современной России, исходя из параметров формулы, выведенной нами в других исследованиях [2]: S-M-P-D-C/R, где

S - стимулы (то, что запускает механизм деятельности),

M - мотивация (активизация причин исходя из которых люди предпринимают усилия для осуществления деятельности),

P- доминирующая потребность (та потребность на которую направлен стимул),

D - собственно деятельность,

C/R- результативность (масштабы достижения цели (C-цель, R-результат) деятельности (D)).

Было выявлено три основных модели, названных, исходя из потребности, на активизацию которой направлена та или иная модель, и мотивации которую она задействует:

1) биологическая или негативная (стимулирование направлено на биологические потребности, а основной мотив, исходя из которого предпринимаются усилия направленные на достижение цели – страх, люди фактически лишены права выбора);

2) социальная или нейтральная (так стимулирование направлено на социальные потребности, основной мотив, исходя из которого предпринимаются усилия направленные на достижение цели – социальный, но выбор по интенсивности усилий остается за личностью);

3) позитивная или творческая – стимулирование направлено на духовные потребности (развитие, творчество, познавательный интерес), основной мотив, исходя из которого предпринимаются усилия направленные на достижение цели – совершенствование, выбор направления и интенсивности усилий остается за личностью.

Рассмотрим теперь на основе каких социальных механизмов функционирует каждая из моделей, и из каких элементов состоит.

Биологическая или негативная – впервые применена в начале XX века Тейлором на заводах Форда. Была отменена как неэффективная, поскольку основанная на рабском по своей сути принципе поощрение/наказание она не задействовала высшие ценности, а значит активность. В сфере образования данная модель включает в себя минимальный уровень оплаты, практически без учета или с минимальным учетом предшествующих заслуг (ученая степень, должность, звание); систему баллов, на основе которых впоследствии специальные люди определяют меру поощрений, как правило, не для всех, а только тех, кто оказался на вершине пирамиды, оставляя большинство бежать «за подвешенной к жернову морковкой». При этом низкая эффективность данной модели явно просматривается уже в том, что на вершине пирамиды оказываются одни и те же люди, а именно те, кто проявляли поисковую, научную, творческую активность и до введения данной системы и будут ее проявлять после.

Социальная или нейтральная модель в образовании включает в себя достойную оплату труда в соответствии с четкой дифференциацией исходя из предшествующих заслуг сотрудника (зарплата преподавателя без степени – 15000 тысяч рублей, кандидата наук – 26 000, доктора наук 50 тысяч рублей); введен обязательный адекватный минимум для всех по статьям ВАК, РИНЦ; участие в конференциях оплачивается в размере фиксированной суммы, выделяемой на расходы, которая составляет от 20 до 36 тысяч рублей; сохранены ставки методистов, благодаря чему профессорско-преподавательскому составу не вменяются в обязанности, которые в принципе ему чужды, поскольку методическая работа, входящая в профессиональные обязанности профессорско-преподавательского состава предполагает содержательную сторону методической работы, но никак не структурно-бюрократическую. Таким образом, создается, с точки зрения психологии наиболее благоприятная для проявления творчества - атмосфера стабильности. Как тут не вспомнить ситуацию, описанную историками Сталина: «В первый послевоенный год министр финансов А.Зверев, обеспокоенный высокими гонорами ряда крупных писателей, подготовил соответствующую докладную записку и представил ее Сталину. Тот попросил пригласить к нему Зверева. Когда министр вошел, Сталин, не предлагая ему сесть, сказал: «Стало быть, получается, что у нас есть писатели-миллионеры? Ужасно звучит, товарищ Зверев? Миллионеры-писатели!». «Ужасно, товарищ Сталин, ужасно», – подтвердил министр. Сталин протянул финансисту папку с подготовленной им запиской: «Ужасно, товарищ Зверев, что у нас так мало писателей-миллионеров! Писатели – это память нации. А что они напишут, если будут жить впроголодь?» [3]. В унисон можно задать риторический вопрос: Что же могут создать и чему научить голодные и обремененные грузом мелочной рутинной работы, отрывающей время от процесса самообразования и научного творчества, педагоги и ученые?!

Позитивная или творческая — основана на создании стабильной и прогнозируемой атмосферы, которая является основой для раскрытия творческого потенциала личности. Как и нейтральная модель, включает в себя достойную оплату труда в соответствии с четкой дифференциацией исходя из предшествующих заслуг сотрудника; участие в конференциях оплачивается в размере фиксированной суммы, выделяемой на расходы, которая составляет от 20 до 36 тысяч рублей; сохранены ставки методистов. Но к этому прибавляются еще три элемента. Первый: введена фиксированная оплата за работу со студентами в зависимости от вида (текущая – кружок, студия и проч.; участие в конкурсе, конференции; победа в конкурсе/конференции – оплата в данном случае дифференцируется по уровням). Второй: введена фиксированная сумма оплаты за публикации в журналах ВАК (10 000 рублей) и РИНЦ (5 000 рублей) перечисляемые на счет автора сразу же по факту публикации. Третий: существует специальный отдел занимающийся поиском и продвижением грантов. Задача преподавателя – содержательная сторона. Задача сотрудников отдела Грантов – оформление и сопровождение грантов.

Выводы

Исходя из выше сказанного. Самым значимым элементом образования является сам преподаватель и значит, если мы действительно озабочены повышением качества образования, то начинать надо с создания достойных условий для преподавателя и повышения его статуса в обществе.

Литература

1. Эйбел Р. Высшее образование под пятой капитализма [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/1071-vysshee-obrazovanie-pod-pyatoj-kapitalizma.html> (дата обращения: 9.4.2015).
2. Колесникова Г.И. Механизм противодействия личностью манипуляционному воздействию // Социально - гуманитарные знания. – 2009. - № 7
3. Юмор Сталина. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://pryf.livejournal.com/2593625.html> (дата обращения: 9.4.2015).

References

1. Jejbел R. Vysshee obrazovanie pod pjatoj kapitalizma [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/1071-vysshee-obrazovanie-pod-pyatoj-kapitalizma.html> (data obrashhenija: 9.4.2015).
2. Kolesnikova G.I. Mehanizm protivodejstvija lichnost'ju manipuljacionnomu vozdejstvu // Social'no - gumanitarnye znaniya. – 2009. - № 7
3. Jumor Stalina. [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://pryf.livejournal.com/2593625.html> (data obrashhenija: 9.4.2015).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.111

Пахонина Е.В.

Кандидат философских наук, доцент
Вологодский государственный университет

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ТРАНСМОДЕРНИЗМА

Аннотация

В статье рассмотрено развитие эстетики как науки на классическом и неклассическом этапах ее развития, выявлены основные принципы и черты на каждом из них, обозначены изменения эстетического объекта и эстетического восприятия мира на современном этапе развития общества под влиянием социокультурных процессов, вызванных информатизацией, компьютеризацией, инновационными процессами, затронувшими все сферы жизни человека. Обозначены черты и принципы трансмодернизма как нового общекультурного явления, пришедшего на смену постмодернизму.

Ключевые слова: классическая эстетика, неклассическая эстетика, модернизм, постмодернизм, трансмодернизм.

Pakhonina E.V.

PhD in Philosophy, associate Professor,
Vologda state University

RECONITIONS OF FORMATION OF TRANSMODERNISM

Abstract

The article deals with the development of aesthetics as a science in the classical and non-classical stages of its development, identified the main principles and features of each of them, marked changes in the aesthetic object and the aesthetic perception of the world at the present stage of development of society under the influence of sociocultural processes caused by computerization, computerization, innovation processes that affected all spheres of human life. Marked traits and principles transmodernizma as a new general cultural phenomenon, replaced the postmodernism.

Keywords: classical aesthetics, non-classical aesthetics, modernism, postmodernism, transmodernism.

В условиях инновационных процессов, затронувших все сферы общества, практически все виды деятельности современного человека, происходят изменения и в области эстетического восприятия и понимания мира. С точки зрения В.С. Степина, наука в своем развитии проходит три этапа: классический, неклассический и постнеклассический. Эстетика как философская наука также изменяется под влиянием объективных общественных и внутренних процессов, связанных с изменением объекта исследования, природой эстетического. Однако, представления об эстетике как классической и неклассической будут существенно отличаться от представления о науке, классической, неклассической, постнеклассической, что, в свою очередь, может быть послужит пересмотру и уточнению данной классификации.

Классическая эстетика как наука сформировалась в XVIII веке и базировалась на принципах классического понимания искусства, его принципах, специфике. Поскольку эстетика изучает многообразие проявления эстетического, искусство как форму отражения и познания мира, то она в какой-то степени впитывает в себя идеи, принципы различных общественно-культурных процессов, под влиянием которых происходит собственное ее развитие и трансформация объекта и предмета исследования.

Так, в эстетике на классическом этапе развития нашли отражение такие принципы, как классический рационализм в науке (классический и неклассический периоды) и философии; влияние принципов механической картины мира, методов естественных наук; преобладание европейских ценностей в духовной культуре; традиционные принципы искусства (миметизм, идеализация, символизация, каноничность, единство формы и содержания); тео- или антропоцентризм; выделение изящных искусств; художественно-эстетическая сущность искусства. В рамках классической эстетики сформировались основные традиционные направления, система изобразительно-выразительных средств, закрепленных за каждым видом искусства, чистота стилей и жанров.

Во второй половине XX века развитие эстетики переходит на новый, неклассический этап, воспринимаемый как экспериментально-поисковый, обусловленный общими изменениями, происходящими в техногенной цивилизации,

культуре, искусстве, философии, науке. Однако, предпосылки данного этапа зарождаются в конце XIX века в рамках философии жизни, иррационализма, в искусстве новые веяния были ознаменованы в рамках импрессионизма, авангарда, символизма. Под влиянием общественно-политических процессов, смены мироощущения, меняется специфика эстетического, эстетического объекта и субъекта, их отношение.

Для неклассического этапа развития эстетики характерны: отказ от рационализма; влияние фрейдизма, экзистенциализма, структурализма, постмодернизма; использование принципов и методологии гуманитарных наук; применение принципов синергетической парадигмы; отход от западноевропейских ценностей и практик, учитывается опыт древних цивилизаций; дегуманизация искусства в глобальных масштабах.

Дегуманизация искусства, в традиционном его понимании, приобрела специфический характер и осуществлялась по двум основным направлениям. С одной стороны, произошло слияние искусства с жизнью, оно стало доходным бизнесом, решало практические, утилитарные задачи, было связано с производством и потреблением товаров, эстетизацией среды обитания. В результате чего распространяются идеи по поводу «смерти искусства» в традиционном, неутилитарном его понимании, вслед за этим распространение получают идеи «смерти автора», «смерти художественного произведения». Под влиянием утилитаризма активно развивается декоративное и прикладное искусство, происходит эстетизация всех сфер жизни, видов деятельности, появляются и широкую популярность приобретают принципы коллажа, монтажа, сборки, деконструкции, цитирования, организации арт-пространств и смысловых ландшафтов, культурных лабиринтов, аудиовизуализация, виртуальная среда и т.п.

С другой стороны, дегуманизация традиционного понимания искусства была связана с формированием и распространением арт-практик неутилитарного характера (авангард, модернизм, постмодернизм). В результате чего развивается и осуществляется идея создания беспредметного искусства, в чистом виде, вещи самой в себе и по себе, без сущности. Под влиянием чего происходит создание произведений искусства, для которых характерны иррациональность, абсурдность, бессознательность, концептуальность. Существенным признаком также является художественно-эстетический радикализм, который проявлялся в абсолютизации творческого жеста, художественном произволе, претензиях на элитарность и пр.

В рамках неклассической эстетики теоретические вопросы рассматриваются в смежных дисциплинах таких, как искусствоведение, филология, литературоведение, философия, семиотика, психология, информатика. Под влиянием социально-культурных реалий существенно обогащается терминологический аппарат, расширяется представление об эстетическом, вводятся такие эстетические категории, как абсурдное, заумь, жестокость, шок, насилие, садизм, мазохизм, деструкция, энтропия, хаос, телесность, вещьность, лабиринт, стратегия, ризом, фристайл, симулякр, ландшафт, энвайронмент и пр. На смену традиционным принципам классической эстетики приходят принципы релятивизма, полисемии, полиморфизма ценностей и идеалов или отказ от них, язык синергетики, игра, смешивание, стирание границ между объектом и субъектом, между реальностью и текстом, реальным и виртуальным, означаемым и означающим.

И уже в рамках неклассической эстетики вызревает идея о возникновении нового эстетического объекта, феноменов, специфику которых необходимо изучать, сформировать соответствующий понятийный и методологический аппарат, осуществлять поиск новых парадигм, дискурсов эстетического исследования.

На рубеже 2008 – 2009 гг., когда количество подключенных технических устройств превысило живущих на планете Земля, на тот период 6,5 млрд людей, стало понятно, что информатизация, компьютеризация, инновационные процессы затронули все сферы жизни современного человека, в том числе и искусство, эстетическое восприятие мира. Создаются предпосылки и условия для развития нового общекультурного, социального явления, которое можно условно назвать трансмодернизм. Возможно данное явление знаменует развитие нового этапа развития эстетики – постнеклассического, которое будет базироваться на реалиях современного мира. Понятие трансмодернизм использует В.А. Кутырев, именно им, на наш взгляд, можно отчетливо охарактеризовать инновационные процессы, происходящие под влиянием информатизации, компьютеризации, глобальных коммуникационных систем, использовании конвергентных технологий и применении Интернета вещей во всех сферах.

В научном познании, особенно в гуманитарном, существует определенный дискомфорт по поводу новых словообразований, терминологий, префиксов и постфиксов для того, чтобы не было терминологической и этимологической неточности. На наш взгляд, трансмодернизм вполне приемлемое понятие, характеризующее принципиально новые реалии, чем новообразования с очередными нео- и пост.

Итак, в начале XXI века складывается новое общекультурное явление трансмодернизм, пока еще не художественное направление, хотя вполне может им стать, по аналогии модернизм – модерн, постмодернизм – постмодерн, но это прерогатива искусствоведов. Можно выявить и обозначить следующие очевидные черты и принципы: использование принципов, методов технических наук, философии техники; влияние и применение конвергентных технологий; развитие информационной киберкультуры; тенденция к созданию уникальной технологии и ее тиражирование; осознание апофатизма, предельности, рамок вербального выражения; специализация и многообразие жанров искусств на базе информационных и цифровых технологий; интерактивность, мультивзаимодействие с произведением искусства, арт-объектом (использование имитационно-симуляционных технологий таких, как мультимедийные шлемы, очки, экзоскелеты, аэрозоли, 3D, видео-инсталляции и др.); интерактивный автор (исследователь, инженер, программист, медиа-художник, психолог и др.); слияние субъекта (реципиента) с объектом через посредников (интерфейсы, программное обеспечение, компьютер), его встроенность в арт-пространство, арт-объект, арт-среду; доступность для редактирования арт-объекта в интерактивном режиме вплоть до делитируемости, возможности полного удаления данных; множественность оригинала, тождественность воспроизводимых в цифровом формате копий, техническая воспроизводимость [см.:1]; эстетизация виртуальной среды и инфомира и прочее.

Если авангардные направления предлагали новые идеи, модернизм их экспериментально осуществлял и создавал новые формы, постмодернизм испытывал их на прочность и доводил до предела и абсурдности, то трансмодернизм

предлагает новое, свежее решение традиционных проблем, вопросов научного познания, эстетического понимания мира. Возможно мы стоим на пороге формирования новой, конвергентной парадигмы, закономерно пришедшей на смену синергетической, но это уже тема отдельного размышления и исследования.

Литература

1. <http://www.dissercat.com/content/estetika-tsifrovogo-kompyuternogo-izobrazitelnogo-iskusstva>

References

1. <http://www.dissercat.com/content/estetika-tsifrovogo-kompyuternogo-izobrazitelnogo-iskusstva>

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.154

Рахманинова М.Д.

ORCID:000-0002-4642-2626

Кандидат философских наук, Санкт-Петербургский Горный университет.

ДУХ И БУКВА РЕВОЛЮЦИИ: КРИТИКА СТАНОВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО СУБЪЕКТА С ПОЗИЦИЙ ЛЕВЫХ УЧЕНИЙ

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению критических оценок революции 1917 года «слева», с позиций учений, изначально возлагавших на неё надежды, либо мысливших её приход иначе. В фокус внимания вводится взгляд таких ярких современников революции, как А.М.Атабекян, Э.Гольдман, Н.А.Бердяев, П.А.Кропоткин, А.П. Платонов. В статье предпринимается попытка проанализировать, какие причины привели к тому, что многие левые и сочувствующие левым идеям теоретики и практики в итоге оценили как провал революции. С этой целью осуществляется обращение к более современным теоретикам левых учений — например, к Ж.-П.Сартру и А.Бадью.

Ключевые слова: революция, левые, анархизм, коммунизм, большевизм.

Rakhmaninova M.D.

ORCID:000-0002-4642-2626

PhD in Philosophy, St.Petersburg Mining University

REVIEW OF THE REVOLUTIONARY SUBJECT FORMATION FROM THE PERSPECTIVE OF THE LEFT THOUGHT

Abstract

The article focuses on the critical judgements of the revolution of 1917 made from the left positions, being the positions of the doctrines which initially laid their hopes on it or expected a different advent. The attention is drawn to such outstanding contemporaries of the revolution as Atabekian, Goldman, Berdiaev, Kropotkin, Platonov. The article attempts to analyze what caused many left and sympathizing with the left ideas theoreticians and practitioners to assess as the revolution as a failure. Therefore the article addresses to the modern left theoreticians, e.g. J.-P. Sartre and A. Badiou.

Keywords: revolution, the Left, anarchism, communism, bolshevism.

Русская революция 1917 года — одно из самых важных и знаковых событий не только в российской, но и в мировой истории. В том числе потому, что она, столкнув разнообразные революционные учения с практикой, выявила в них целый ряд проблем, а также поставила перед ними новые вопросы: каким образом на практике возможна политическая эмансипация народа? Какие условия для этого необходимы? Как формируется революционный субъект? Как выбираются стратегии манифестации этого субъекта? Как избежать многочисленных опасностей реакции на пути становления этого субъекта? Как возможно концептуализировать одновременное присутствие в народе способности и склонности к свободе и самоорганизации — и сформированного веками угнетения рабского сознания? А также много других вопросов.

Опыт революции 1917 года позволил существенно переосмыслить зачастую чрезмерно оптимистические чаяния классиков революционной мысли — в том числе, анархистской [9, с.125]. Все эти вопросы и проблемы не только активно осмыслились свидетелями указанных событий, но и сформировали целую традицию критики, рефлексировавшей проблемы революции именно слева — внутри самих революционных теорий или с позиций сочувствия им.

Один из самых ярких авторов этой критики — видный представитель анархистской мысли А.М.Атабекян. В своих дневниковых записях «Кровавая неделя в Москве» [1, с.19-29] он описывает весь ужас революционных событий, по его наблюдениям оказавшихся чуждыми и непонятными для самого народа. Именно поэтому он характеризует большевистскую революцию как утопическую: она не происходит снизу, а производится сверху — помимо воли граждан, и уже поэтому обречена на провал. Для аргументации этого тезиса Атабекян прибегает в том числе к центральной для самих же большевиков теории — к философии истории Маркса, согласно которой революция есть закономерный момент диалектического процесса истории, а потому она никогда не может произойти прежде, чем созреют все необходимые для неё условия. Именно естественности, лёгкости и готовности к новому миру, с точки зрения Атабекяна, не было в примирении народа с революцией — поэтому она насаждалась сверху, требовала крови и обнажала самое дикое и низкое в человеке, в конечном итоге возвращая всё на круги своя и оборачиваясь реакцией. Напротив, задачу анархиста Атабекян видит в том, чтобы «всмотреться в течение истории и внести в социальное брожение элемент сознательного строительства нового общества, руками самих же трудящихся». Этот взгляд на события 1917 года стал своего рода общим местом для последующих анархистских теорий XX и XXI вв. Не в последнюю очередь потому, что анархисты были предательски разбиты большевиками в Гражданской войне, а затем — стёрты со страниц истории как её участники и жертвы [12, с.20-50].

Так, например, «в 1921 году во время съезда Профинтерна в Москве Эмма Гольдман, в знак протеста против преследований анархистов в России, приковала себя цепями в зале заседаний съезда. На этом съезде присутствовали делегации многих синдикалистских профсоюзов мира, некоторые из них поддерживали требования Гольдман. Благодаря усилиям Гольдман и Беркмана некоторым русским анархистам разрешили эмигрировать из России, их везли на вокзал прямо из советских тюрем» [6].

В 1921 году Эмма Гольдман была депортирована из СССР, а в 1924 году вышла в свет её книга «Моё разочарование в России» - отразившая её антисоветские взгляды настолько ярко и радикально, что многие левые в Европе подвергли её ostracismu. Эта книга начинается словами: «Я приехала в Россию, охваченная надеждой, что я должна найти новорожденную страну, с ее людьми, полностью посвятившими себя великой, хотя и очень трудной, задаче революционного преобразования. И я пылко надеялась, что смогу принять активное участие в этой вдохновляющей работе.

Я нашла действительность в гротеске России, совершенно отличающимся от того великого идеала, который вознес меня на гребень большой надежды к земле обетованной. <...> Я отчаянно боролась против разочарования. В течение долгого времени я противилась моему внутреннему голосу, который убеждал меня посмотреть в лицо неопровержимым фактам. Я не хотела и не могла сдаться.

И тогда случился Кронштадт. Это был последний разрыв. Это окончательно привело к ужасному осознанию, что Русской Революции больше нет. Я видела перед собой большевистское государство, огромное, сокрушающее любое созидательное революционное усилие, подавляющее, унижающее и разлагающее всё и вся. Неспособная и ненамеренная стать винтиком в этой злой машине, понимая, что я не могу иметь никакого практического применения для России и ее людей, я решила уехать из страны. Покинув ее, я решила рассказать честно, искренне, и как можно более объективно историю моего двухлетнего пребывания в России» [5].

Так, будучи пламенной сторонницей революции 1917 года, Эмма Гольдман столкнулась с ней в своём политическом опыте советской повседневности и пережила колоссальное разочарование — равно как и многие её современники, в том числе П.А.Кропоткин. Видя массовые аресты, введение цензуры и закрытие нелояльной новому правительству прессы, а также прочие проявления военного коммунизма, он понимал, что, провозгласив социалистическую революцию, большевики в действительности взяли курс на жёсткую диктатуру, и обратился лично к Ленину, надеясь убедить его изменить этот курс и апеллируя к изначальным коммунистическим ценностям.

«Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем она становится теперь державной властью в каждом городке и деревушке. Куда это ведёт Россию? К злостной реакции» [10,с.19], - писал он, несмотря на всю свою готовность идти на компромисс с обстоятельствами реальности, не предоставляющей сразу готовых условий для анархического общества, и потому - требующей терпения. Однако по ряду причин Кропоткин уже не мог ни на что повлиять, и ему оставалось только наблюдать дальнейший распад революции.

Экзистенциально схожий с Атабекиным и другими анархистами взгляд мы неожиданно находим и у А.Платонова (как писателя-экзистенциалиста, а не как агитатора и пламенного публициста). Его «Чевенгур» и «Котлован» имеют между собой много общего: в частности, страх перед безличным бюрократизирующимся, но при этом священным механизмом, в который установлена никому не ведомая программа, и от которого можно ждать всего чего угодно; а также нечто среднее между мифологическим ужасом и почти фукианским страхом перед институциональностью и становлением государственности — пусть даже новой, парадоксально и по-кафкиански приходящей из самих людей — вместо ожидаемой свободы. В этом страхе, ищущем своего преодоления в отчаянной вере в революцию, Платонов близок к анархистскому чувствованию истории и человека в ней, несмотря на его упорное и драматично переживаемое им же самим намерение до конца верить в красных командиров [7,с.35]. Возможно, это — одно из самых интересных, с философской точки зрения, качеств его прозы.

Крайне значимую критику революции 1917 года с близких анархизму позиций высказывает Н.А.Бердяев — несмотря на то, что само понятие «анархизм» не только в разных текстах, но и в рамках одной работы он подчас употребляет в прямо противоположных смыслах: как социальное трансцендирование к высшему порядку и преодоление имманентного, животного, хтоничного, с одной стороны — и, напротив, как растворение в имманентном хаосе и отказ от социального трансцендирования — с другой. «Победите в себе анархию, и тогда удостоитесь анархизма» [3,с.56] - лаконично разъясняет он это кажущееся противоречие.

Описывая дореволюционную реальность как «века рабства и деспотизма» [3,с.51], он говорит о революции как о событии, имевшем шансы на подлинный социальный прогресс, но предавшем самое себя как онтологически и экзистенциально, так и социально — гораздо раньше, чем это это предательство датирует Л.Троцкий в «Преданной революции»[11].

Одну из причин этого предательства и невозможности победы революции Бердяев усматривает, во-первых, в присущем большевикам формализме: соблюдая ритуалы революционных практик, они упускали из виду суть революции и человека в ней. «Революция скончалась, она канонизирована, свята, и теперь вся надежда на благодатное действие мощей её. - Пишет он в статье «К психологии революции». - Исторического революционного действия нет и в ближайшем будущем не предвидится, никакими крикливыми возгласами это действие изменить нельзя. <...> Всенародная историческая задача померкла, соборное освободительное движение распалось, начался мелочный процесс взаимного поедания...» [3,с.47].

Этот почти религиозный формализм Бердяев относит на счёт большевистской близорукости и непонимания революционного события в том, что оно должно дать начало закону внутреннему, а не внешнему, идущему снизу, а не сверху — как это утверждает анархическое учение. С другой стороны, Бердяев критикует упоение радикализма своего рода апофатическим духом и через это — утрату самой сути революционного события: революция — лишь реакция обнаружения лжи, но ещё не строительство нового мира, а только путь к нему, она — лишь неизбежное и трагическое следствие эпохи угнетения, но не праздник; она ничего не творит, а только создаёт возможность для творения дальнейшего. Поэтому поклонение ей означает остановку на самом важном и — последующая утрата его

(впоследствии многие исследователи критиковали за это и другие революции – в том числе, события 1968 года во Франции, а также недавние политические протесты в России, в рамках которых герметичным политическим группам так и не удалось в полной мере выйти за пределы квазиоптимистичной исторической реконструкции и выглядеть убедительно).

Склоняясь в своём понимании революции к позициям анархистов, Бердяев, тем не менее, видит проблемы также и в их теориях. В особенности, в их преимущественно позитивистской оптике, замыкающей человека в узких пределах универсума вида, подчиняющегося законам природы. Такой взгляд характерен, например, для теории Кропоткина, освещающий вопрос человеческого бытия как вопрос бытия почти природного [8]. С точки зрения Бердяева, опасность этого взгляда состоит в содержащемся в нём искушении полного растворения единичного в коллективном, а человеческого – в видовом – что опять-таки грозит привести к последствиям, полученным большевиками. Напротив, для революции нужна трансценденция, утверждает он, – как общества, так и каждого человека. В рамках вида она невозможна. А значит, не только большевистская, но даже анархистская революция обречена, покуда она не преодолеет в себе эту неспособность к трансцендированию.

Любопытно, что трактовка человека как существа, прежде всего природного, так и не покидает пределов эссенциалистской позиции, от имени которой впоследствии – вне связи с анархизмом, – было осуществлено столько преступлений на этнической, расовой и гендерной почве. Преодоление её впервые отчётливо происходит только в экзистенциалистском дискурсе, стремившемся примирить левый радикализм и человека как субъекта исторического действия и политического волеизъявления.

В современной России лишь недавно начался процесс преодоления эссенциалистской оптики, и на фоне него разворачивается острый кризис существующих анархических движений, впервые осваивающих отказ от различных видов дискриминации, зачастую вытекающей именно из эссенциализма и обосновывающей себя через него.

В этом смысле современное положение вещей в России напоминает, скорее, Америку конца XIX века, так подробно описанную в воспоминаниях Э.Гольдман: бытовой и теоретический сексизм, бытовой антисемитизм и даже бытовой национализм были тогда обычным делом даже в среде самых передовых деятелей анархического движения [4, с.94,184,187,190,196,225,283].

Претерпев влияние Сартра, попытки примирения революционной практики и автономии экзистенциального субъекта осуществлял вслед за экзистенциалистами А.Бадью. В тексте «Фигура солдата» он замечает, что «фигурой конца старых традиций был героизм разрушения и создания новой реальности ex nihilo» [2, с.60], – что опять же хорошо видно в текстах Платонова.

Проблема, которую ставит А.Бадью, состоит в том, что те символические фигуры героизма, которые формирует предшествующая революции политическая традиция, и которые широко используются в её ходе, утрачивают свой смысл для будущего и, в конечном итоге, оборачиваются музейной реликвией, поднимаемой на знамёна реконструкции революций прошлого — не способные в этой связи побудить к по-настоящему новому. Впрочем, Бадью отмечает также и ещё большую опасность отсутствия вообще каких-либо символических фигур, т. к. в этом случае утрачивается вектор предполагаемой трансценденции (в том смысле, в каком о ней говорит Бердяев), – сменяемый обречённостью на внеисторическое прозябание в имманентности мира, в роли нищезанского «последнего человека».

Поэтому, с точки зрения Бадью, необходима выработка новых способов мыслить коллективное революционное действие, не отчуждая его в область сакрального, каноничного, догматичного и формального, а также не возвращаясь к исчерпавшей себя концепции перехода «от деятельности масс к именам собственным» – то есть к новым фигурам субъекта власти.

Таким образом, в рамках самих левых теорий сформировалось яркое направление критического осмысления русской революции 1917 года. От анархистов- современников Гражданской войны – до коммунистов современности выдвигались различные обоснования тезиса о том, что революция фактически обернулась контрреволюцией.

Среди этих обоснований — идея об искусственном порядке революции, противоречащем диалектическому процессу истории и соответствующему текущей эпохе духовному (в том числе политическому политическому) состоянию общества (А.М.Атабекян); идея о предательстве революции в опыте политических практик (Э.Гольдман, П.А.Кропоткин); идея экзистенциальной растерянности простого народа перед новой для него ролью субъекта истории (А.П.Платонов); идея о недостаточности революционного события для осуществления революционного проекта (Н.А.Бердяев).

Современное осмысление всех этих проблем привело к новому вопрошанию о революционном субъекте и событии революции. Парадигма экзистенциализма, неомарксизма и современной левой философии задала новый вектор понимания революции. С точки зрения как неомарксистски ориентированного Бадью, так и ряда современных теоретиков анархизма, только в этом полагании экзистенциально нового политического субъекта, не опосредуемого фигурами власти, только в его волеизъявлении — становятся возможными как истина (понимаемая в качестве акта «верности событию», в данном случае – революционному), так и разрешение проблемы превращения витального духа революции — в букву.

Литература

1. Атабекян А.М.. Против власти. - М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
2. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. - Институт общегуманитарных Исследований, 2013.
3. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. - М: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009.
4. Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Автобиография. Часть I. - М.: Издательство «Радикальная теория и практика», 2015.
5. Гольдман Э. Моё разочарование в России. <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/emma-goldman-moe-razocharovanie-v-rossii>, 21.05.16.
6. Гольдман Э. http://bestanarhist.blogspot.ru/2013/10/blog-post_6543.html, 21.05.16.

7. Красный Платонов. Сборник статей — М.: common place, 2016.
8. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. <http://goo.gl/cfxiEb>, 21.05.15.
9. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. - СПб.: Своё издательство, 2013.
10. В.А.Маркин. Возвращение П.А.Кропоткина в Россию (1917-1921). Пётр Алексеевич Кропоткин. - М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
11. Троцкий Л.Д. Преданная революция. <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1936/betrayed/>, 21.05.16.
12. Шубин А. Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917-1922 гг. в России и на Украине. - Москва: Книжный дом «Либроком», 2013. - Российская Академия наук. Институт всеобщей истории. Размышляя об анархизме. №25.

References

1. Atabekian. Against the authority. - M: Book House "Librokom", 2013.
2. Badiou A. The Enigmatic relationship between philosophy and politics. - The Institut for Humanitarian Studies, 2013.
3. Berdiaev N.A. Sacred Crisis of intelligentsia. - M: "Canon +" ROOI "Rehabilitation", 2009.
4. Goldman E. Living my life. Autobiography. Part 1. Publishing house "Radical theory and practice", 2015.
5. Goldman E. My Disappointment With Russia. <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/emma-goldman-moe-razocharovanie-v-rossii>, 21.05.16.
6. Goldman E. http://bestanarhist.blogspot.ru/2013/10/blog-post_6543.html, 21.05.16.
7. Red Platonov. Collected articles.— М.: common place, 2016.
8. Kropotkin P.A. Mutual Aid As a Factor Of Evolution. <http://goo.gl/cfxiEb>, 21.05.15.
9. Kropotkin P.A. Bread And Freedom. - SPb.: Own publishing house, 2013.
10. Markin V.A. Kropotkins Return to Russia (1917-1921) P.A.Kropotkin. - М.: Russian Political Enciclopedia (ROSSPEN), 2012.
11. Trotsky L.D. The Betrayed Revolution. <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1936/betrayed/>, 21.05.16.
12. Shubin A. Machno and his time: About the great revolution and civil war 1917-1922 in Russia and Ukraine. - M.:Book-House "Librokom", 2013. - Russian Academy of Sciences. Institut for general history. Thinking about anarchism. №25.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.200

Сопов В.В.

Кандидат философских наук,

Новосибирский государственный медицинский университет

АМЕРИКАНСКАЯ И РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ: СРАВНЕНИЕ ДУХОВНЫХ МИРОВ

Аннотация

В статье исследуется вопрос о сходствах и различиях в духовном мире американской и русской цивилизаций. Показано, что основные приоритеты в ценностном мире американцев и русских зачастую противоположны или не совпадают. В то же время в народном характере, культуре, истории, образовании, науке, морали, религии больше сходств, чем различий. Все это позволяет понять, почему русская и американская цивилизации соперничают, а не сотрудничают на мировой арене, и почему США и Россия являются сверхдержавами.

Ключевые слова: сходство, различие, культура, цивилизация.

Sopov V.V.

PhD in Philosophy,

Novosibirsk State Medicinal University

AMERICAN AND RUSSIAN CIVILIZATIONS: A COMPARISON OF THE SPIRITUAL WORLDS

Abstract

The article deals with the similarities and differences in the spiritual world of the American and Russian civilization. It is shown that the main priorities in the values of Americans and Russians often opposite or do not coincide. At the same time, in the national character, culture, history, education, science, morality, religions are more similarities than differences. All these things allow to comprehend why the Russian and American civilizations are competing and not cooperating on the world stage, and why the United States and Russia are superpowers.

Keywords: similarity, difference, culture, civilization.

Американская и русская цивилизации – крупнейшие социокультурные образования в 20 веке. На их базе были образованы две великие сверхдержавы, два супергосударства, СССР и США, определявшие политический, экономический и культурный облик мира в течение почти всего 20 века. Современная Россия – законный правопреемник СССР – все более заявляет себя как независимый, суверенный агент мировой политики и культуры. Стремление США к мировому господству в 21 веке, заявленная ими исключительность по отношению к другим странам и народам говорят о том, что и в нынешнем веке Россия и США будут играть роль первых игроков мировой сцены. Тем более важны социологические и социально-философские исследования, касающиеся внутреннего устройства этих цивилизаций, а также их сравнение друг с другом. Схема такого сравнения может быть взята из книги Б.Н. Кузака и Ю.В. Яковца «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее». Они предлагают читателю «пирамиду» цивилизаций (стр. 31)

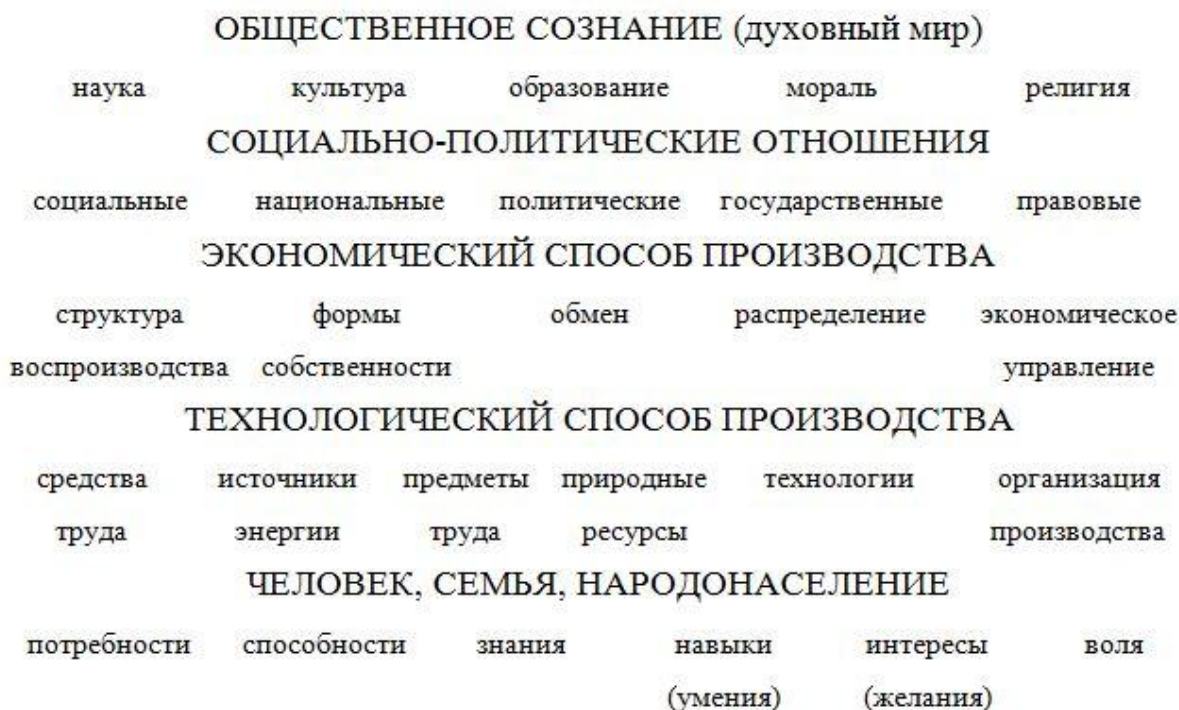

Рис. 1

В схему духовного мира, очевидно, надо добавить «ценности» и «народный характер»

Каждая цивилизация имеет свой жизненный цикл. Он состоит из нескольких стадий:

- 1) Зарождения (в недрах предшествующего общества)
- 2) Становления (распространения в пространстве и совершенствования по структуре)
- 3) Зрелости (полной реализации присущего ей потенциала)
- 4) Кризиса (надлом)
- 5) Упадка (уступка места следующим цивилизациям)
- 6) Реликт (остаток, что от цивилизации осталось).

Исходя из этих двух принципиальных схем и на основании имеющегося в нашем распоряжении материала, мы коснемся только верхушки представленной пирамиды – духовного мира и исторического характера этих двух величайших социокультурных образований и выскажем некоторые гипотетические соображения по поводу их сходства и различия.

Во-первых, американская цивилизация намного младше по возрасту российской цивилизации. Если говорить о русском государстве (а это один из признаков цивилизации) можно, как минимум, с 862 года нашей эры (см. «Повесть временных лет»), то об американском государстве – не раньше 1776 года. Это говорит о том, что американская цивилизация находится еще либо в фазе становления, либо в фазе зрелости. В какой фазе находится русская цивилизация – трудно сказать. Что не в фазе реликта – это очевидно. Зрелости? Но если территориальные приобретения и влияние в мире считать за зрелость, то мы уже миновали эту фазу. Набольшего территориального и государственного могущества Россия достигла в пору СССР, после второй мировой войны. Тогда кризиса? Или быть, может, упадка? Кризис государственной и экономической уже миновал. Упадом стабильное развитие в 2000 – е годы состояния России тоже не назовешь. Может быть нового подъема? Ведь Россия на протяжении своего исторического пути знала, как минимум, пять кризисов и пять подъемов: татаро-монгольское иго и образование Московской Руси, династический кризис, смута 17 века и воцарение новой династии, Великий церковный раскол и образование Петербургской, императорской России, Октябрьская революция 1917 года и образование СССР и, наконец, лихие 90-е и стабильная, почти что процветающая сегодняшняя Россия. Россия, скорее всего, живет по принципу подъема – упадка, почти каждый из которых образует относительно замкнутый цикл ее истории равный по продолжительности всей истории США. Разработка этого вопроса нуждается в отдельной статье, а здесь следует, наконец, начать сравнивать духовный мир России и США.

Начнем с НАУКИ

В России наука - целиком заимствованный институт, но, начиная с Ломоносова, рождается отечественная наука. Здесь есть сходство с США. В США до 20 века своя наука очень слабая, но и в США был свой Ломоносов – это Б. Франклин. Начиная с 20 века путем «скупки мозгов» они усилили позиции своей науки, и она стала играть заметную роль в их культуре. Этот этап Россия прошла еще в 18- начале 19 веков.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО (собственно культура)

Здесь есть очень большое сходство с США. И в России, и в США с 18 века формируется своя литература и все виды искусства, вначале подражательные (Европе), затем вполне самостоятельные. В литературе и искусстве 19-го и, отчасти, 20-го века и там, и там культ маленького человека: в России типичный пример – гоголевская «Шинель», пушкинский «Дубровский», в Америке главный герой - простой бедный американец, стремящийся выбиться «в

люди», разбогатеть, добиться успеха («американская мечта»). Но тут же и различие. Американцы верят в индивидуальный успех, русские – в народ (Достоевский, Толстой). Идея мессианского призвания русского народа (народ – богоносец) почти та же, что и у американцев – идея особой мессианской избранности Нового Света, культ американского образа жизни, прославление богатства. Последнее не характерно для русской культуры, для которой характерны вера в социальный прогресс, общественную справедливость, Правду, поэтизация бедности. У американцев главная культурная ценность – свобода и успех, у русских – социальная справедливость. В 20 век в России – господство народной культуры, огромное значение высокой культуры в лице русской классики, отсутствие элитарности; у американцев – господство масскультуры при минимальной значимости средней и высокой культуры

ОБРАЗОВАНИЕ

В России – неграмотность вплоть до 30-х гг. 20 века, в Америке – повсеместное распространение грамотности и начального образования приблизительно с начала 19 века. Среднее образование в России претерпело за два века серьезные изменения. От классической гимназии и лицея в 19 веке до политехнической школы в 20 веке. Америка не знала таких изменений. Средняя школа там равномерно делилась на общеобразовательную и политехническую, с большим весом религиозного образования. Что касается высшего образования, то в США – свободные и автономные университеты, в России же университеты практически никогда не имели правовой и фактической автономии. В России автономия, так или иначе, почти всегда ограничивалась. В этом смысле высшее образование в России, хотя и достигало в своей профессиональной части наивысшего мирового уровня, проигрывало американскому образованию по степени свободы, как для студентов, так и для ППС. В целом в 20 веке и Россия, и США достигли очень высокого уровня образования, как начального и среднего, так и высшего.

МОРАЛЬ

В России мораль на протяжении 18 и 19 вв. задавалась Православием, по большей части – это религиозная мораль. Но всегда у русского народа была в чести и народная, трудовая мораль, над которой надстроилась коммунистическая идеология. Русский человек самый праведный, благочестивый, бедняк, труженик, бесребреник. В США господствовала и господствует пуританская, очень строгая и тоже в основе своей трудовая мораль. Американец – это самый праведный, самый большой труженик, и, в силу этого самый богатый. С Россией, как видим, есть и сходство и различие. В России всегда подозрительно относились к большому богатству («От трудов праведных не наживешь палат каменных»). В США богатство всегда считалось почетным уделом самых благочестивых.

РЕЛИГИЯ

И для США и для России характерна вера в особую религиозную миссию. США себя мыслит Новым Светом, призванным открыть новые религиозные горизонты для старого Света, для России характерна представление о себе как о Третьем Риме, последнем Православном царстве («Третий Рим стоит, а четвертому не бывать» – инок Филофей). И Россия, и США это два последних, апокалиптических государства, после которых наступит царство Антихриста, ожидается второе пришествие. И Россия и США устремлены к концу, к завершению мировой истории. Пуритане в России – это раскольники, коммунисты, разночинцы, нигилисты. Православные – это католики в США. Но для России есть еще одна религиозная конфессия, которая не получила большого распространения в США – это Ислам. Исламское подбрюшье России заставляет государство быть столь же терпимым к инаковерующим, как и американское государство, ввиду многочисленности протестантских сект. И особый, сугубо светский характер государства и выдающаяся роль военных в этом государстве – результат многоконфессиональной природы и той, и другой цивилизации. В религии у нас больше сходств, чем различий.

ЦЕННОСТИ

Основные американские ценности, как они изложены в Декларации прав человека – это жизнь, свобода и стремление к счастью. Каковы они на самом деле – это большой вопрос. Но мы не очень погрешим против истины, если назовем еще несколько базисных ценностей американской цивилизации, основываясь на данных научной и художественной литературы. Главные ценности для американцев – Бог, деньги и деловой успех. Собственно именно эти ценности и определяют весь строй американской жизни. На американских деньгах написано «Бог, в которого мы верим». Многие авторы так и называют Америку – «цивилизация дельцов». Но мы были бы не правы, если бы не отметили главную черту американцев, связанную с протестантизмом как их основным вероисповеданием – это упорный труд. Не все могут быть дельцами, но почти все могут быть трудолюбивыми и бережливыми, если это предписывает религия. При этом этот упорный труд осуществляется на базе частной собственности, которая признается «священной и неприкосновенной».

Есть, однако, еще две ценности культуры Америки – это фетишизация свободной торговли и защита прав человека в своей стране и во всем мире, вытекающие из особенностей американской экономической и политической системы. Нельзя не сказать и об американском патриотизме, уверенном, что все лучшее происходит из Америки, а Америка – светоч мировой цивилизации. Об этом последнем столько написано, что нам просто нечего тут добавить. Американская трактовка справедливости как справедливости неравенства хорошо видна из книги Д. Роулза «Теория справедливости». Равенство возможностей – вот справедливость по-американски.

Ценности Российской цивилизации несколько иные, если сравнивать их с ценностями американской цивилизации. Справедливость очень часто понимается как равенство или социальная справедливость, причем не как равенство возможностей, а именно как почти полное социальное, гражданское и имущественное равенство. Не зря именно в русской цивилизации возник феномен социализма и коммунизма. Далее. Если американец в первую очередь ориентирован на индивидуальный успех, то в России сильны традиции общинного и пролетарского коллективизма. Русский патриотизм не в последнюю очередь ориентирован на коллективный успех в мировой конкуренции, на подвиг народа. Индивидуальный успех является частью общего успеха и не есть нечто самоценное. Патриотизм русских – это патриотизм государственной идеи, а не прав человека, поэтому сила государства, в том числе военная сила, в русском патриотизме занимает более серьезное место, чем в американском патриотизме. Единственное, что объединяет американцев и русских в ценностном плане – это признание необходимости упорного труда для

достижения успеха в жизни. Но если в Америке упорный труд обосновывается исключительно религиозно, то в России труд является частью общего дела, служением государству и обществу. В Православии мысли о необходимости упорного труда, тем более мирского труда, для спасения души уделяется гораздо меньше внимания, чем в протестантизме. Коммунизм был апофеозом культа труда в России, и именно на этом культе и основывались все достижения советской власти, то время как в Америке труд, и, в первую, очередь, индивидуальный труд считался первой добродетелью только в религии.

И последнее, что следует сказать о русских и американских ценностях – это отношение к частной или индивидуальной собственности. В России, как мы знаем из ее истории, никогда не было культа частной собственности. Со времен Ивана Грозного вся земельная собственность считалась собственностью царя, во всяком случае, де факто. Жалованная грамота дворянству имела отношение только к частной собственности дворянства. Попытка насадить частную собственность в крестьянской среде закончилась, как мы знаем, полным провалом. При коммунизме присутствовала личная и семейная собственность, но отсутствовало право частной собственности на средства производства. Нанимать работников имело право только государство. В русском сознании государственная собственность имела и имеет приоритет перед частной, хотя в каком-то ограниченном объеме право частной собственности присутствует в русском сознании. Общинность, коллективизм, «колхоз» – это то, что совершенно чуждо менталитету американской нации, и очень сильно представлено в русском сознании.

Что касается свободной торговли, то для русского государства почти на всем протяжении его истории скорее была характерна политика протекционизма и меркантилизма, чем фритредерство. Это связано, в первую очередь, со стремлением защитить и поощрить собственное производство в условиях не слишком благоприятной географической среды и догоняющего характера развития экономики. В экономическом сознании русского человека вопрос экономической безопасности государства занимал гораздо больше места, чем соображения полной экономической свободы и возможности свободно покупать и продавать товары со всего мира. Это связано с особым пониманием русским человеком ценности свободы. Свобода, понимаемая как исключительно личная свобода, что так характерно для американцев, в России никогда не стояла в ряду ценностей ни на первом, ни на втором месте. Истина, Любовь, Красота делает человека свободным, а никак не наоборот («И Истина сделала вас свободными» – ап. Иоанн, «Русские никогда не любили и не ценили свободу» – Н.А. Бердяев. «Свобода, свобода – вот дурацкая тема, за которой рванулась Франция» – В.В. Розанов). Индивидуальная свобода ценилась только в юридически-гражданском смысле (как то, что не тюрьма), а никак не в философском и, тем более, богословском смысле. Для русских – свобода важна скорее в коллективном смысле, как свобода страны, народа, пролетариата, труда и т.п. Именно за эту свободу, а не свободу предпринимательства сражались русские революционеры. Сейчас в России экономическая свобода вроде бы занимает в шкале ценностей одно из первых мест, но это не значит, что Правда, Справедливость, Труд, безопасность государства и традиционные ценности Истины, Любви, Красоты отодвинуты ею на второй план. Ее признали в качестве важной ценности исходя из чисто экономических и прагматических соображений. Если экономическая свобода окажется малоэффективной – от нее откажутся, как это произошло с НЭПом в конце 20-х гг. прошлого века. Политическая свобода, как и гражданско – правовая декларирована, права человека в основном соблюдаются, но в России господствует полуавторитарный правоконсервативный режим, а никак не либерализм в американском смысле. В связи с этим становятся понятны те огромные напряжения, которым сейчас подвержены российско-американские отношения. Это происходит не в последнюю очередь в связи с разницей в шкале ценностей и расстановке приоритетов. По сути, американцы даже жизнь человеческую ставят после свободы, об этом свидетельствует их внешняя политика. Для России такая расстановка приоритетов совершенно неприемлема. Отказавшись от Революции как высшей ценности, наша страна не принимает и ценности свободы в ее западном понимании. Президентом России провозглашена опора на консервативные, по сути, традиционные ценности – семью, гражданское общество, государство, те же Истину, Правду, Красоту. Об этом часто не говорится прямо, но именно это прямо подразумевается.

И все это, конечно же, не сиюминутные различия, они глубоко укоренены в культуре наших народов, которым волей неволей все равно предстоит выстраивать дружеские отношения. Уверенность американцев в универсальной применимости их модели кроме как младенческой наивностью трудно объяснить. С точки зрения теории цивилизаций это можно объяснить только детским, чуть больше 200 лет, возрастом этой цивилизации. Она явно находится в фазе подъема и приближается к зрелости. Но вот от зрелого человека обычно требуется гораздо большее, чем просто декларативные заявления о царстве свободы, демократии и прав человека, во главе которого должна стоять все та же Америка.

ИСТОРИЯ И ХАРАКТЕР НАРОДА

Основной факт русской и американской истории совпадает – это постепенная колонизация обширных слабозаселенных пространств, у американцев – к западу от основных колоний, у русских – к востоку от мест древнейшего расселения. Правда, эта колонизация лишь частично совпадает по времени, у русских – чуть раньше, у американцев – чуть позже. Приобретенные территории – у русских – это южные степи, Урал, Сибирь и Дальний Восток, у американцев – южные штаты, отобранные у Мексики, и весь Средний и Дикий Запад. И русские и американцы – в основном переселенцы. Но что из этого вытекает? Когда оседлый земледелец кочует – это должно привести к некоей двойственности народной души и авантюристическому складу характера. Кто осваивал Дикий Запад? Ковбои, о которых снято так много фильмов, что здесь и не стоит описывать, что это были за люди – сорви-голова. С кем они воевали? Друг с другом и индейцами. На современном языке выражаясь, это были просто бандиты с большой дороги. Кто осваивал Русский Восток? Казаки, о которых снято гораздо меньше фильмов, но не стоит и сомневаться, что эти беглые крестьяне и каторжники с пищалями, пиками и мечами мало чем отличались по темпераменту и складу характера от американских ковбоев с револьверами и винтовками. Переселение, вначале хаотичное, потом плановое, как в России, так и в США формировало народный характер. Две черты этого характера, двойственность и авантюристичность, мы отметили. Но они, вероятно, не единственные. О власти пространства над

русской душой писал еще Н. Бердяев. Огромные просторы, бескрайние степи и пустыни, тайга и горы в Сибири и на Западе северной Америки, позволяют говорить о широте русской и американской души. Русские и американцы великодушны и не злопамятны. От зла оседлой жизни под властью мощного государства можно убежать, скрыться, уйти – в пустынь, степь, в горы, в леса. Настоящий русский и настоящий американец полудикарь, варвар, по которому цивилизация прошла лишь отчасти. Это не житель больших городов, где коммерция и финансы должны сформировать лицемерный, беспринципный выхолощенный и лошений тип человека. Это человек степи, тайги, пустыни, гор, необъятных озер и великих рек. Двойственность русского и американца в том, что он сидит на одном месте, но ему никак не сидится – и он бросает все и куда-то едет, скачет, бежит, торопится. Первопроходцы, пионеры, авантюристы, разбойники это все очень русские и в то же время американские типы людей. И если уж искать в русском и американском характере черты похожести, то они именно в этом. География и история обязывают.

На этом наш краткий сравнительный анализ верхушки айсберга двух цивилизаций следует закончить и сделать следующий весьма банальный вывод. В русской и американской цивилизации скорее больше сходств, нежели различий, и именно поэтому, как писал еще Бердяев про русскую и польскую цивилизацию, эти цивилизации так не любят друг друга, как бы им не хотелось обратного. Тем не менее, это все же очень разные цивилизации, особенно в ценностном плане. А к нынешней ситуации в русско-американских отношениях вообще применим знаменитый афоризм Р. Киплинга: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им никогда не сойтись».

Литература

1. Кузак Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. М.: Институт экономических стратегий. 2008. 576 с.

References

1. Kozac B.N., Yakovets Y.I. Civilizations: Theory, history, dialogue, future. M.: Institute for economic strategies, 2008. 576 P.

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.035

Золотарева М.В.

Кандидат архитектуры, доцент,

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. В РОССИИ

Аннотация

С конца 30-х гг. XIX в. в России начинает развиваться новая отрасль хозяйства – строительство железных дорог. Строительство железных дорог в России было начато почти одновременно с появлением подобных дорог в других странах. Начало строительства Санкт-Петербургско-Московской железной дороги было ознаменовано созданием при Главном Управлении Путей Сообщения и Публичных Зданий особого Департамента железных дорог и Комитета Санкт-Петербургской железной дороги (1842–1858 гг.). Создание этого руководящего органа именно в это время было вызвано тем, что расходы по строительству Санкт-Петербургско-Московской железной дороги приняло на себя правительство [1. С. 2].

В второй половине XIX в. строительство железных дорог охватило всю Россию, что вызвало необходимость создания принципиально нового управления этим ведомством.

Ключевые слова: Россия, история управления, история строительства, железнодорожный транспорт, пути сообщения.

Zolotareva M.V.

PhD in Architecture, associate professor,

St. Petersburg state University of architecture and building

THE STATE ADMINISTRATION OF RAILWAY TRANSPORT DEVELOPMENT IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY IN RUSSIA

Abstract

From the end of 30th of XIX century the new branch of an economy starts to develop in Russia - building of railways. Building of railways in Russia has been begun almost simultaneously with the advent of similar roads to other countries. The beginning of building of the Sankt-Petersburg-Moscow railway has been marked by creation within Central Administrative Board the Communication and Public Buildings of Special Department of railways and Committee of the St.-Petersburg railway (1842-1858). Creation of this supervising body has been caused at this particular time by those expenses on building of the Sankt- Petersburg -Moscow railway has taken up the government [1. p. 2].

In second half of XIX century building of railways has captured all Russia that has caused creation of essentially new management by this department.

Keywords: Russia, management history, building history, a railway transportation, roads of communication.

Основная перестройка ведомства путей сообщений в рассматриваемый период была проведена во второй половине 1860-х гг., когда Главное Управление было преобразовано в Министерство Путей Сообщения. Основы структуры ведомства были заложены в 1870 г., когда вышел документ «Учреждение Министерства Путей Сообщения».

В результате последовательных преобразований общего устройства ведомства, а также его отдельных частей к 1890-м гг. Министерство получило следующую структуру центрального управления. В него вошли Совет Министерства, Инженерный Совет, Совет по железнодорожным делам, Статистический отдел. Непосредственное решение техническо-строительных вопросов осуществляли департаменты, том числе Департамент железных дорог. Отдельно было выделено Управление казенными железными дорогами.

Следует отметить, что четкость управления определялась не только рациональной структурой, но и основным его принципом, подразумевающим разделение административной и технической составляющих. Например, Совет Министерства, представлял собой совещательное учреждение и имел два отдела – административный и технический. Это позволяло решать возникающие вопросы по различным направлениям: по вопросам общего и административного характера; принимать участие в составлении проектов законов об устройстве путей сообщения; разрабатывать подзаконные акты в развитие принятых правительственных постановлений; определять правила и технические основы по сооружению путей сообщения; рассматривать проекты подрядных договоров и условий выполнения подрядных работ; решать вопросы по делам о частных недвижимых имуществах, отчуждаемых для устройства путей сообщения, рассматривать предложения соответствующими оцененными комиссиями и т. п. [2, с. 65].

На Инженерный Совет было возложено решения технических вопросов, проверки проектов, смет и выработки технических условий для наиболее важных сооружений

Учрежденный в 1885 г. Совет по железным дорогам решал вопросы, связанные с подготовкой и осуществлением мероприятий по сооружению, эксплуатации и обеспечения хозяйства железных дорог [3, с. 98]. Советом рассматривались проекты новых законов, правил и инструкций, относящихся к железнодорожному делу, а также другие дела по усмотрению Министерства Путей Сообщения. Контролирующей организацией железнодорожного строительства и хозяйства являлась Главная инспекция железных дорог.

Департамент железных дорог являлся центральным органом, непосредственно курирующим все вопросы, касающиеся строительства железных дорог (за исключением дорог, устраиваемых от казны). Казенными железными дорогами занималось временное управление казенных железных дорог, также имеющее права департамента. Департамент железных дорог занимался организацией строительства и эксплуатацией дорог и дорожного хозяйства в части хозяйственно-административной и технической.

Практическая деятельность ведомства во второй половине XIX – начале XX в. в основном связана с развитием железнодорожного транспорта, дающего возможность соединить между собой обширные российские территории. Строительство железных дорог способствовало освоению многих ранее малодоступных земель.

В течение второй половины XIX – начала XX в. правительством инициируется организация ряда комитетов и комиссий по строительству железных дорог, многие из которых были приравнены по своему статусу к центральным учреждениям ведомства [4, с.56].

Особенно большое влияние оказала прокладка дорог на восток страны, в Сибирь.

Перелом в деле строительства железнодорожных сообщений пришелся на середину 60-х гг. и был непосредственно связан с периодом реформ, началом капитализации экономики. Так, с 1860 по начало 1880 г. практически отсутствовало строительство казенных железных дорог. В это время получает развитие строительство дорог на средства частных обществ, т.е. к строительству привлекаются иностранные и российские капиталы. В некоторых случаях в качестве юридических лиц в сфере строительства железных дорог выступали земства, уездные и городские общественные организации с выпуском собственных акций под гарантии государства. Результат демонстрируют следующие цифры: если на начало 60-х гг. общая протяженность железнодорожных путей составляла чуть более двух тысяч верст, то к концу 60-х их было построено почти шесть с половиной тысяч [5, с. 82].

В 70-х гг. XIX в. выходит ряд правительственных постановлений, имеющих целью дать законодательные основы работам по устройству железнодорожных путей сообщения. 30 марта 1873 г. [6, т.48, с.384-386] были выпущены Правила о порядке сооружения железных дорог, предписывающие проведение изысканий для проведения строительных мероприятий, которые правительство брало на себя. На основе данных изыскательских работ определялось направление дороги, ее продольный профиль, технические условия строительства, план и расценки по производству работ. Этот закон внес изменения в условия предоставления концессий. Новым явилось также то, что очередность строительства тех или иных дорог также должна была устанавливаться правительством. Это давало возможность перейти от бесконтрольного устройства путей сообщения к плановому. Еще одним положением Правил являлось определение характера финансирования работ казенным или частным капиталом, где приоритетное право выбора строительства тех или иных железных дорог имело правительство. Например, при наличии большого количества желающих осуществить строительство Сибирского пути правительство оставило это право за собой.

С 1880-х гг. начинается еще один этап в деле устройства железных дорог, связанный с активным участием правительства в их строительстве и эксплуатации. Например, в последнее десятилетие XIX в. и в начале XX в. правительство своими средствами осуществляло строительство стратегически значимых путей на окраинах Империи. Это – Великая Сибирская дорога, Пермь-Котласская дорога, соединяющая Центральную Россию со Средней Азией, Амурская железная дорога.

Для работ по строительству железнодорожных сообщений особо ответственных и сложных, управление строительством этих дорог могло быть организовано в составе Центрального Управления Министерства, как это было сделано при сооружении Сибирской железной дороги. Этому управлению обычно давались большие права, чем обычно. Например, утверждение проектов, избрание способов производства работ, заключения договоров, утверждение окончательных расчетов с подрядчиками и некоторые другие.

Расширение правительственных функций в области устройства и эксплуатации железнодорожного хозяйства способствует переводу Управления казенных железных дорог из временного в постоянно действующий орган. Законодательную основу этому процессу должна была дать Инструкция «Об управлении казенными железными дорогами», вышедшая 28 августа 1892 г.

По сооружению и эксплуатации частных железных дорог ответственным органом в строительном и хозяйственном отношениях являлось Правление Общества железной дороги. Непосредственную организацию работ осуществлял главный инженер по производству работ. Правила по эксплуатации и содержанию железных дорог были отражены в вышедшем в 1885 г. «Общем Уставе Российских железных дорог» [7, т.5, с. 307-332], включенном отдельным документом в Свод законов. В Общий Устав также вошли правила организации переездов и переходов через железнодорожные пути и мероприятия по пожарной безопасности на станциях и прочих сооружениях.

Надзор за содержанием дорог со стороны правительства, при строительстве частных железнодорожных путей осуществляла правительственная инспекция, образованная еще в 1857 г.

Масштабы строительства железных дорог демонстрируют следующие цифры. Так, в 1895 г. общая протяженность сети железных дорог составила 33 604 версты, из которых в ведомстве Министерства Путей Сообщения находилось 31 158 верст, в ведении Военного Министерства 1343 версты, относящихся к Закаспийскому Краю, в ведении Княжества Финского 2 103 версты. Кроме этого 7 895 верст железной дороги состояло в казенной и частной собственности. К 1911 г. Россия имела уже 62 910 верст железных дорог. Таким образом, менее чем за десятилетие протяженность железнодорожных линий возросла почти в два раза.

Литература

1. Золотарева М.В. Совершенствование транспортной инфраструктуры и создание первых государственных органов транспортного строительства в XVIII веке. // Транспортное строительство. – 2007. - № 11. – С. 28-30.
2. Золотарева М.В. Транспортные сети: история закономерностей. // Вестник «Зодчий. 21 век» - информационно-аналитический журнал. - 2007. - №2. - С.64-67.
3. Карейша С.Д. Большие пассажирские станции– Петроград.: Тип. Ред. спец. тех. и эконом. изданий. 1920. – 52 с.
4. Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV в - февр. 1917 г). Кн. 2. Г-К: Слов.-справ./ Всерос. науч.-исслед. ин-т документирования и арх. дела; [сост. О.Ф.Козлов, В.Ф.Янковая] – М.: Наука, 1999.— 234 с.
5. Карейша С. Д. Железнодорожные станции, надлежащее их устройство, оборудование, обслуживание и проектирование– Петроград: Тип П.П.Сойкина, 1917. – 452 с.
6. Полное собрание законов Российской Империи: 2-ое собр. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Его Император. Величества канцелярии Т.48: 1873. – с. 384-386.
7. Полное собрание законов Российской Империи: 3-ое собр. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Его Император. Величества канцелярии. Т.5: 1885.- с. 307-332.

References

1. Zolotareva M.V. Improving transport infrastructure and the creation of the first public bodies in the transport construction in the XVIII century. / Transport construction. – 2007. - No. 11. – p. 28-30.
2. Zolotareva M.V. Transport network: history patterns. // Vestnik Zodchiy. 21st century" - information-analytical magazine. - 2007. - No. 2. - p. 64-67.
3. Koreysha S.D. Large passenger stations– Petrograd: Typography editorial technical and economic publications. 1920. – 52 p.
4. Statehood of Russia: State and Church institutions, estates and bodies of local self-government, administrative-territorial, ecclesiastical and institutional division (the end XV -Feb. 1917). KN. 2. G-K: Words.-Ref./ Vseros. scientific.-issled. the Institute of documentation and archives.. works; [ed. O. F. Kozlov, V.F.Yankovo] – Moscow: Nauka, 1999.— 234 p
5. Koreysha S.D. Railway station, their proper device, equipment, service and design– Petrograd: Typography Soykina, 1917. – 452 p.
6. Full Collection of Laws of the Russian Empire] (1873) First edition, St. Petersburg: Type II, Executive Office of His Majesty, vol. 48, pp. 384-386. (rus)
7. Full Collection of Laws of the Russian Empire] (1885) First edition, St. Petersburg: Type II, Executive Office of His Majesty, vol. 5, pp. 307-332. (rus).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS**DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.099****Налбандян С.А.**

ORCID: 0000-0002-6938-7843, кандидат искусствоведения, ассистент,

Ереванский государственный университет;

старший научный сотрудник, Национальная академия наук РА

СИМУЛЯЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ТЕАТРЕ**Аннотация**

В статье рассматривается вопрос репрезентации и искажения реальности в современном документальном театре и драматургии. Путем сопоставления техники верbatim с методами, распространенными в документальном и экспериментальном кино, концептуальном искусстве, а также на телевидении, мы приходим к выводу, что документальная драма не воспроизводит действительность – создает новую. Скомпилированные из многочисленных интервью с представителями разных социальных групп, верbatim-пьесы являются симуляцией реальности, а не ее документацией, что позволяет перенести верbatim-драматургию и документальный театр в дискурс постмодерна.

Ключевые слова: верbatim, драматургическая техника, документальный театр, реальность, монтаж.

Nalbandyan S.A.

ORCID: 0000-0002-6938-7843, PhD in Arts, assistant professor,

Yerevan State University;

Senior Research Officer, National Academy of Sciences of Armenia

**SIMULATION OF REALITY IN CONTEMPORARY
DOCUMENTARY THEATRE****Abstract**

The article concerns the issue of representation and distortion of reality in contemporary documentary theatre and drama. Through comparison between verbatim technique and the methods diffused in documentary and experimental filmmaking, conceptual art and on TV we come to the conclusion that documentary drama, instead of reproducing the real world, creates a new one. Being compiled of a series of interviews with the ordinary people, verbatim plays are nothing but the simulation of reality. It makes possible to transfer the question onto the postmodernism discourse.

Keywords: verbatim, playwriting technique, documentary theatre, reality, editing.

Вопрос репрезентации реальности или «подражания натуре» – один из основополагающих в западном искусстве – не потерял актуальности и в XX-XXI вв., однако сегодня изменилась его формулировка: может ли грубая действительность, не подвергнувшись художественной обработке, стать объектом искусства? Концептуализм ответил на него положительно разработкой эпатажной техники ready-made, которая, эволюционируя и модифицируясь, нашла воплощение в документальной драме конца XX-начала XXI вв. Ее сценическим аналогом стал верbatim (лат. дословно) – драматургическая техника, предполагающая монтаж интервью с представителями разных социальных групп на заранее выбранную тему. Подобно экспериментам с «переработанными кадрами» (recycled images или found footage) и «найденными предметами» (objets trouvés), проводимым на протяжении всего XX в., она практически обезличила драматурга, развенчала веками культивировавшийся образ художника-творца. Записанные на диктофон, затем расшифрованные и смонтированные в пьесу, рассказы реальных людей являются живой иллюстрацией того, что Ролан Барт называл «смертью автора» [Барт, с. 348-391]. Практикуемый в верbatimе метод компиляции поставил под угрозу представления о творчестве как о сакральном процессе, объединяющем фантазию и кропотливую художественную обработку материала. Однако для драматургов-документалистов компиляция является гарантом непредвзятости: авторы не просто списывают с натуры, а документируют ее – объективно, часто в ущерб художественности: «В связи с уничтоженной еще в газете фантазией плохо придумываю, – не без лукавства пишет драматург Саша Денисова. – Предпочитаю тырить у реальных людей» [Реабилитация, с. 306]. Дословно переданная, речь обычных людей порождает ощущение достоверности, полностью погружает зрителя в атмосферу их жизни, способствует воссозданию быта со всеми натуралистическими подробностями. В России это породило дискуссии о реинкарнации натурализма [Болотян, с. 23-43; Липовецкий, 245-250]. Однако позже – не без оглядки на западную науку – здесь стали предприниматься попытки вписать направление российской «новой драмы», представленное Театром.док, в «современный культурный контекст» [Липовецкий, с. 245-250] и постмодернистский дискурс [Гончарова-Грабовская, с. 100-107].

Западные критики с этого и начинали. Они неслучайно сфокусировали внимание на антагонизме нового движения со средствами массовой информации: ведь разработчиками и распространителями техники верbatim были подавленные в драматургии британские журналисты, «недовольные некоторыми аспектами СМИ» [Jeffers, с. 71]. Именно бывшие репортеры ввели в театральную практику родной им жанр – собеседование, и, несмотря на попытки провести водораздел между журналистским интервью и интервью драматургическим [Селютина, с. 250], влияние СМИ на их произведения неоспоримо. Оно прослеживается и в методе построения пьес, и в выборе тем, и даже в способах привлечения аудитории. Так, один из самых шумевших западных проектов – «Вагинальные монологи» Ив Энцлер – был раскручен по правилам медиа PR-а, а критика эпатажа, сенсационности и лжи на телевидении приобретает эпатажную форму в работе «Большая жрачка» А. Варганова и Р. Маликова. Авторы проекта не гнушаются распространенных на ТВ технологий, например, принципа скрытой камеры – они и не таят, что во время написания пьесы многие диалоги тайно записывались на диктофон. Такой подход, по идее, должен был создать условия для объективной документации событий, однако парадоксальность любого документального спектакля

заключается в том, что актеры в нем играют. Пусть крайне правдоподобно, но играют! В этом отношении показательно, пожалуй, самое спорное ноу-хау российского Театра.док, «глубокое интервью» – организуемая после спектакля дискуссия (аналог ток-шоу), во время которой актеры, не выходя из роли, общаются с залом. В связи с ней возникает ряд вопросов – в основном, риторических: аутентична ли речь актеров в «глубоком интервью» и не нарушает ли оно целостность спектакля, построенного на дословно зафиксированных диалогах и монологах? Иными словами, можно ли после этого говорить о документальности вербатима вообще? Несет ли этот импровизированный перформанс определенную функциональную нагрузку? И, наконец, насколько аутентичны создаваемые на глазах у зрителя образы – ведь, выступая от лица прототипов, актеры действуют все же в обстановке театральной условности, по принципу «если бы» К.С. Станиславского?

Помимо того, «глубокое интервью» затрагивает еще одно начало вербатима – импровизацию. Импровизацию, пускаемую в ход не только во время спектакля, но иногда и в процессе написания пьес. Драматурги неохотно признаются в том, что сочетают тексты расшифровок с придуманными сценами, а то и используют запомненную на слух речь. Можно ли после этого говорить о правдивом отображении реальности и, тем более, документальности театра верbatim? Ведь если монтаж интервью – единственный его документ, то импровизация и «глубокое интервью» устраняют необходимость в документе: достаточно изучить прототип и достоверно воспроизвести его на сцене.

Похожие опасения – но уже по поводу документального кино – звучат и в киноведческой литературе: инсценировка здесь определенно рассматривается как отклонение от принципа документальности. Многих исследователей сегодня беспокоит «фикционализация» документальных фильмов, имеющая место из-за использования приемов игрового кино. Так, по мнению Билла Николса, подробно расписанный сценарий, постановочные кадры, актерская игра, репетиции и, наконец, представление/перформанс сближают документальное кино со «студийным кинопроизводством» [Nichols, с. 176-177]. Если учесть, что почти все перечисленное является неотъемлемой частью и верbatim-постановки, то последнюю следовало бы рассматривать не как документацию, а как реконструкцию реальности, причем, как выяснится позже, реальности несуществующей – такой, какая вырисовывается в гиперреалистической живописи, «фотографирующей» каждую деталь воображаемых предметов и явлений. Авторы верbatim-пьес, как и фотореалисты, создают новые миры путем де-конструкции действительности и ее последующей ре-конструкции. Ни отказ от искусственных элементов (грим, костюмы, декорации, бутафория), ни запрет на дописывание и редактирование драматургического материала не в состоянии скрыть факт искажения реальности в верbatimе. Компиляция и монтаж, как известно из теории кино, уже являются средством манипуляции зрителем, управления его вниманием. Это отчетливо видно на примере монтажного кино (found footage films), «вырывающего кадры/изображения из оригинального контекста с тем, чтобы подчеркнуть их изобразительность (т.е. их склонность к репрезентации не “натуральной”, а скорее, сконструированной реальности)» [Wees, с. 47]. Такая ре-контекстуализация делает монтажное авторефлексивным: режиссеров интересует не реальность как таковая, а структура фильма. Они изучают возможности используемого материала, исследуют корпус собственных произведений, и драматург-документалист мало чем отличается от них. Разница лишь в том, что в драматургии вербальные манипуляции преобладают над визуальными ровно настолько, насколько звучащее на сцене слово весомее речи в кинематографе. И, как ни странно, техника верbatim этому и способствует! Метод, изобретенный для точной фиксации действительности, является лишь техникой сбора и монтажа субъективных историй, коллажем из разрозненных историй и миров, ничего общего не имеющим с объективным миром. Связь с реальностью в верbatim-пьесах утрачена, вернее, ее никогда и не существовало.

Создается впечатление, что верbatim является заигрыванием со средствами массовой информации, с публикой, с театральной традицией в целом – постмодернистской игрой в натурализм, симулякр третьей степени: «Скрывать значит делать вид, что не имеешь того, что есть на самом деле. Симулировать значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле. Одно отсылает к присутствию, другое – к отсутствию<...>» [Бодрийяр, с. 18]. И даже в наиболее талантливых документальных пьесах – особенно в них – объективный мир ускользает, теряется за субъективным восприятием рассказчиков, за многоголосием (multiple voices). «Натура», которую так тщательно документируют драматурги, – не что иное, как вымысел. Объективной реальности не существует, как не существует истины – есть лишь ее трактовки, комментарии: «Симуляция ставит под сомнение отличие «истинного» от “ложного”, “реального” от “воображаемого”» [Бодрийяр, с. 19]. Так, по крайней мере, утверждает философия постмодерна, ликвидировавшая дискурс истинности и ложности [Ward, с. 71].

Таким образом, одна из форм экспериментального театра конца XX–начала XXI вв., верbatim, причисляемый к документальному жанру и рассматриваемый в контексте натуралистической традиции, по сути не является ни тем, ни другим. На поверку он оказывается, как и все в эпоху постмодерна, игрой, не документирующей жизнь, а цитирующей ее, творящей многочисленные ее реплики – симулякры.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. Болотян И.М. О драме в современном театре: verbatim // Вопр. Литературы. – 2004. – № 5.
4. Гончарова-Грабовская С.Я. Новая драма рубежа XX–XXI вв. и полемика вокруг нее [сб. ст.] // Новейшая русская литература рубежа XX–XXI веков: итоги и перспективы. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2007. – 308 с.
5. Липовецкий М. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых // НЛО. – 2005. – № 73.
6. Селютина С.А. Нарративные интервью в структуре верbatim и проблема автора в современной российской драматургии (на примере пьесы Е. Исаевой «Я боюсь любви») // Вестник Челябинского государственного университета. – Филология. Искусствоведение. – 2013 – № 1 (292). – Вып. 73.
7. Реабилитация настоящего [сб. пьес] // Ереван: Национальная театрально-творческая ассоциация, 2010. – 608 с.

8. Jeffers A. Refugee perspectives: the practice and ethics of verbatim theatre and refugee stories // Platform. – 2006. – Vol. 1, № 1.
9. Nichols B. Getting to know you // Renov M. (Ed.). Theorizing Documentary. – New-York – London: Routledge, 1993. – 261 p.
10. Ward S.J.A. Truth and objectivity // Wilkins L., Christians C.G. (Eds.). The Handbook of mass media ethics. – New-York – London: Routledge, 2009. – 500 p.
11. Wees C.W. Recycled images. The art and politics of found footage films. New-York: Anthology Film Archives, 1993. – 117 p.

References

1. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika. M.: Progress, 1989. – 616 s.
2. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljacija. Tula: Tul'skij poligrafist, 2013. – 204 s.
3. Bolotjan I.M. O drame v sovremennoe teatre: verbatim // Vopr. Literaturny. – 2004. – № 5. – S. 23-42.
4. Goncharova-Grabovskaja S.Ja. Novaja drama rubezha XX-XXIvv. i polemika vokrug nee [sb. st.] // Novejšaja russkaja literatura rubezha XX-XXI vekov: itogi i perspektivy. – Sankt-Peterburg: LEMA, 2007. – 308 s.
5. Lipoveckij M. Teatr nasilija v obshhestve spektaklja: filosofskie farsy Vladimira i Olega Presnjakovyh // NLO. – 2005. – № 73. – S. 245–250.
6. Seljutina S.A. Narrativnye interv'ju v strukture verbatim i problema avtora v sovremennoj rossijskoj dramaturgii (na primere p'esy E. Isaevoi «Ja bojus' ljubvi») // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – Filologija. Iskustvovedenie. – 2013 – № 1 (292). – Vyp. 73.
7. Reabilitacija nastojashhego [sb. p'es] // Erevan: Nacional'naja teatral'no-tvorcheskaja asociacija, 2010. – 608 s.
8. Jeffers A. Refugee perspectives: the practice and ethics of verbatim theatre and refugee stories // Platform. – 2006. – Vol. 1, № 1.
9. Nichols B. Getting to know you // Renov M. (Ed.). Theorizing Documentary. – New-York – London: Routledge, 1993. – 261 p.
10. Ward S.J.A. Truth and objectivity // Wilkins L., Christians C.G. (Eds.). The Handbook of mass media ethics. – New-York – London: Routledge, 2009. – 500 p.
11. Wees C.W. Recycled images. The art and politics of found footage films. New-York: Anthology Film Archives, 1993. – 117 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.109

Никонов М.В.

Старший преподаватель, исследователь, режиссер мультимедиа
Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов

**ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ
«VIRTUAL REALITY» В КИНЕМАТОГРАФЕ**

Аннотация

Статья посвящена определению главных выразительных средств в виртуальном кинематографе, которые являются основой специфики данного нового направления в искусстве и наиболее важными принципами создания фильмов в формате виртуальной реальности. Открыты и проанализированы различные методы съемок, монтажные приемы, а также положительные и отрицательные свойства присущие производству VR (virtual reality) фильма. За начальный период становления в 2013-2015 годы VR-кинематограф уже достаточно твердо формулирует свою позицию среди существующих направлений и форм искусства и приобретает собственные характерные правила, принципы и законы, формирующие собственную школу.

Ключевые слова: виртуальная реальность, интерактивный кинематограф, видеомонтаж, кино, режиссура, киносъемки.

Nikonov M.V.

Lecturer, researcher, filmmaker
Humanitarian University of Trade Unions

**EXPRESSIVE ARTISTIC MEANS OF THE NEW DIRECTION IN FILMMAKING - VR (VIRTUAL REALITY)
CINEMATOGRAPH**

Abstract

The article is devoted to the definition of the main means of expression in the virtual cinema that are the basis of the specifics of this new direction in art, and the most important principles of creating movies in the format of a virtual reality. This article analyzes the various methods of filming, video editing, as well as the positive and negative features inherent in the production of VR (virtual reality) film. During the initial period of formation in the 2013-2015 years, VR-cinema already hard enough formulates its position among the existing areas and forms of art and acquires its own specific rules, principles and laws that shape their own school.

Keywords: virtual reality, interactive cinema, video editing, film, directing, filming.

2015 год стал началом динамичного развития нового направления в кино – «VR (virtual reality) кинематограф». Суть этого направления заключается в создании фильмов в формате виртуальной реальности с помощью новых технологий съемок, монтажа и воспроизведения видеоматериала, не существовавших ранее. Формирование нового кино-направления в 2015 году связано прежде всего с тем, что в этом году получили широкое распространение

технологии съемок видео-панорам 360 и шлемы виртуальной реальности «Samsung gear VR» и «Oculus», а также с активной популяризаторской деятельностью первых режиссеров-пионеров нового направления, появлением первых фильмов в России и в мире, созданием первых фестивалей VR кино. В 2015 году VR-кинематограф сформировался и стал развиваться специалистами одновременно в разных странах с богатой кинематографической историей. В основном, это Россия и Америка, затем Европа и другие страны.

В России основоположниками VR кино стали команды петербургской студии Cinemactive позже сменившей название на LenVR, созданной режиссером Максимом Никоновым (фильмы «ПетербургVR», трейлер проекта «ЧернобыльVR», «Гонконг 360»), студии Video360production, созданной Денисом Столяровым – ведущим инженером центра мультимедиа и дизайна университета ИТМО (съемки музыкальных концертов и экскурсий), а также команда проекта Vrability (цикл фильмов 360 о людях с ограниченными возможностями), организованного московским режиссером-документалистом Георгием Молодцовым. Также высокий уровень качества и профессионализм показали компании Interactive lab и Great Gonzo. Кинематографический художественный уровень игровых фильмов VR был достигнут компанией Wargaming в произведениях «Война говорит на одном языке» и «Реконструкция боя 1941 года в 360°».

Новые технологии съемок и воспроизведения неизбежно меняют способы съемки и конечное восприятие фильма. Со времен появления в кино звука ни одна новая технология в кино не изменяла восприятие и метод съемки настолько, насколько это сделал формат виртуальной реальности. В связи с этим возникла необходимость исследования тех новых малоизученных приемов и эффектов, которые можно и нужно использовать при съемках фильма VR и того, чего не следует делать, чтобы не погубить историю. В результате многочисленных практических опытов были выявлены главные выразительные средства VR-кинематографа.

Увеличивается значение внутрикадрового монтажа. Камера виртуальной реальности снимает все окружающее пространство, поэтому при постановке кадра и выборе точки съемки нужно помнить об этой особенности, направлять внимание зрителя и строить действия героев так, чтобы зритель мог реализовать свою возможность смотреть по сторонам и следить за перемещающимися объектами, переключая внимание с одного объекта на другой и с ближнего плана на дальний. Если все действие будет происходить перед зрителем, то фильм потеряет преимущества, которые дает ему формат виртуальной реальности и зритель не почувствует выразительность в полной мере.

Возрастает потребность в увеличении продолжительности VR-кадров. В отличие от классических кадров, которые, как правило, сразу акцентируют внимание зрителя на главных объектах, в VR-кадре зрителю нужно больше времени, чтобы воспринять происходящее. В некоторых кадрах прежде чем увидеть то, что задумано, зритель должен осуществить действия – например, повернуть голову, следуя звуку со стороны. В результате ритм монтажных склеек замедляется.

Увеличение значимости монтажного принципа по композиционному центру.

При просмотре фильма в шлеме виртуальной реальности зритель может видеть видео-панораму, поворачивая голову. В окружающем его пространстве видео-панорамы, как и в классическом кадре, присутствуют объекты, привлекающие внимание больше, чем другие. Это могут быть предметы, люди и их взаимодействие. Когда заканчивается один кадр 360 и начинается следующий через монтажную склейку, то важно продолжать удерживать внимание зрителя на новом композиционном центре в новом кадре 360. Для этого новый композиционный центр должен быть в поле зрения зрителя после того, как прежний композиционный центр пропал вместе с прежним кадром. На практике это выражается в следующем примере. Если кадр построен так, что зритель заканчивает его смотреть с повернутой головой направо, то следующий кадр в монтажной последовательности VR кадров должен начинаться с композиционными центрами справа, которые далее могут вести зрителя в разные направления. Т.е. при сшивании кадров и монтаже редактор должен был учесть наиболее возможный вариант поведения зрителя при просмотре данной сцены.

Использование движущейся камеры в пространстве сильно влияет на выразительность сцены. VR кадр зритель воспринимает, чувствуя себя в центре событий, так, словно он смотрит своими глазами на все окружающее его пространство в фильме, как в реальной жизни. Когда камера движется, зритель чувствует перемещение, но при этом он сидит или стоит на самом деле, поэтому возникает физическое несоответствие восприятий органов чувств. В связи с этим движение камеры должно быть предельно аккуратным и плавным, повороты камеры вокруг своей оси и тряска почти не допустимы. Если такие движения нужны, как прием, то необходимо сделать плавный переход на них.

Отсутствует возможность использовать в полной мере монтаж по крупности в классическом понимании. Камера может приблизиться к нужному объекту или отдалиться, но восприятие деталей отличается от восприятия в классическом кадре. Например, если оператор снимет в VR зрачок, губы или руки близко поставив к ним камеру, то при просмотре зритель почувствует, что его ткнули головой в объект. Особенно, если укрупнение будет происходить без внутрикадрового монтажа, а с помощью монтажной склейки. Восприятие крупности в виртуальном пространстве повторяет восприятие объектов в реальной жизни. Крупными являются те объекты, которые расположены близко к зрителю, например, вещи на столе. В сферическом кадре затруднительно показать какую-нибудь вещь в отрыве от пространства, окружающего ее.

Использование кадров от первого лица отличается особой выразительностью. При просмотре такого кадра зритель может видеть свое тело и руки, смотреть вокруг и воспринимать себя в теле любого действующего лица. Съемка таких кадров отличается рядом аспектов и технических сложностей, но в целом возможна.

- Камера может быть закреплена над головой актера на шлеме с подвесом.
- Камера может быть закреплена на лице актера вокруг головы.
- Камера может быть закреплена на штативе. Тело с руками добавляется в кадр отдельно.
- Имеет смысл ограничивать возможность зрителя посмотреть вниз перпендикулярно земле. Как и в реальной жизни, зритель не может посмотреть в свою шею.
- Движение камеры должно стремиться к идеально плавному.

- Актер не должен поворачивать свою голову во время съемок.
- Если нужно изменить направление движения, то нужно плавно и медленно повернуть сначала тело, потом медленно повернуть голову с камерами.

Внимательно работать с близкими к камере объектами. Минимальное расстояние – полметра. В этом случае надо следить, чтобы активный объект (актер) не выходил за границы кадра одной из камер, которая его снимает. В сценах с тесным пространством предпочтительно использовать статичную камеру для того, чтобы на этапе обработки видео было удобнее устранять видимые швы между сшиваемыми кадрами, вызванные близким расположением объектов к камере. Однако нужно понимать, что съемка кадров с расположением объектов близко к камере является выполнимой задачей. Такие кадры требуют особого внимания с технической точки зрения. В камерах с двумя объективами, направленными в противоположных направлениях, проблема шва сведена к минимуму – шов один и он располагается по меридиане видео-сферы. Таким образом сферический кадр состоит по сути всего из двух кадров. Это существенно упрощает работу по последующей обработке контента. Исходя из этого оператор может выбирать подходящее расположение камеры в пространстве таким образом, чтобы действующие лица не пересекали шов. У данных конструкций есть главный недостаток, заключающийся в невозможности съемок в стерео-формате, но также есть и преимущество в том, что оператор может не бояться видимых швов на первом плане, например, на руках героя, чьими глазами зритель наблюдает сцену.

В съемках от третьего лица используются следующие методы:

- Статичная камера (штатив будет в кадре под камерой)
- Камера на тросе (тросы будут в кадре)
- Камера на летающем дроне (полная видеопанорама 360)
- Камера на движущейся платформе (платформа будет в кадре под камерой)
- Ручная камера на подвесе, который держит оператор, находящийся под камерой (оператор будет в кадре под камерой)

Во всех случаях, кроме использования дрона, из кадра нужно будет убирать вспомогательные механизмы, либо не давать зрителю возможность смотреть вниз.

Использование в фильме интерактивных элементов дает зрителю возможность:

- Выбирать направление движения героев. При этом действие не обязательно должно останавливаться. Например, пока герой движется к перекрестку, зритель получает возможность взглядом на одну или другую дорогу выбрать направление, куда пойдет герой. После выбора происходит монтажная склейка и герой в следующем кадре уже на той дороге, которую выбрал зритель.
- Вести диалоги с другими действующими лицами. Зритель может задавать вопросы или отвечать на вопросы других героев. При этом у зрителя может быть ограниченное время на принятия решений. Как и в реальной жизни – если ты не принимаешь решений, то жизнь принимает решения за тебя.
- Взаимодействовать с предметами. Зритель может использовать предметы. Например, перемещать что-либо, открывать двери, брать предметы и использовать их.

Любое принятое решение зрителя должно иметь последствие, влияющее на дальнейший ход событий.

Использование объемного интерактивного звука – одно из важнейших выразительных средств для создания сильного эффекта погружения. Интерактивный звук – это звук, который меняет свои свойства в зависимости от действий зрителя, например, таких как повороты головы, задержка взгляда на каком-либо объекте, взаимодействие с интерактивными зонами в фильме, выбор вариантов вопросов и ответов в диалоге. Музыка и шумы будут создавать нужную атмосферу там, куда посмотрит зритель и что он будет делать.

Мультикадровый и параллельный виды монтажа приобретают интересные свойства в формате VR. В классическом монтаже мы знаем, что при мультикадровом монтаже на экране показывают несколько разных кадров, в которых могут происходить разные параллельные действия или одно действие, но с разных ракурсов. В формате VR эти принципы работают также, но поскольку зрительное пространство стало значительно шире, то приемы мультикадрового монтажа обогащаются следующими примерами. При повороте головы зритель может переходить из области одного кадра в область другого. Сфера кадра может быть разделена на 2 и больше областей, в которых происходят разные действия. Таким образом монтаж происходит поворотом головы. Здесь существует широкое поле для интересных экспериментов.

Съемка в формате стерео 360 позволяет использовать в VR фильмах объемное изображение не просто погружая зрителя в видео-сферу с проецирующимися на нее кадрами, а делая все окружающее пространство правдоподобным и глубоким. В таком пространстве особенно важно внимательно следить за перемещением объектов и рассчитывать мизансцену. С технической точки зрения при данной съемке увеличивается в два раза количество камер на съемочной конструкции, вследствие этого увеличивается в два раза и объем исходников. В съемочной конструкции может находиться 16 и более камер, расположенных по окружности, образующих 8 пар, смотрящих в разные стороны. При сшивании видео-панорам в создании одного сферического кадра участвуют камеры, расположенные через одну друг от друга. В результате для каждого глаза создается своя видео-сфера со своим ракурсом, затем две видео-панорамы объединяются в вертикальную стереопару.

Знание описанных выразительных средств позволит авторам, планирующим проекты в новом направлении кино, создать фильмы, которые будут адекватно и комфортно восприниматься зрителями, а также будут максимально выразительны с художественной точки зрения.

Литература

1. А. Г. Соколов «Монтаж. Телевидение. Кино. Видео.». «625», (2001)
2. Л. В. Кулешов, «Азбука кинорежиссуры». «Искусство» (1969)

3. М. В. Никонов, «Влияние звука на реалистичность восприятия при использовании нового метода воспроизведения видеоматериала с помощью гарнитуры виртуальной реальности Oculus Rift». «Научное мнение» №5 (2014).

4. М. В. Никонов, «Кинематограф нового типа». «Научное мнение» №1 (2014).

5. М. В. Никонов, «Кинематограф нового типа». «LAP Lambert Academic Publishing» (2014).

6. С. М. Эйзенштейн, «Монтаж», «Искусство» (1968)

References

1. A. G. Sokolov «Montazh. Televidenie. Kino. Video.». «625», (2001)

2. L. V. Kuleshov, «Azбука kinorezhissury». «Iskusstvo» (1969)

3. M. V. Nikonov, «Vlijanie zvuka na realistichnost' vospriyatija pri ispol'zovanii novogo metoda vosproizvedenija videomateriala s pomoshh'ju garnitury virtual'noj real'nosti Oculus Rift». «Nauchnoe mnenie» №5 (2014).

4. M. V. Nikonov, «Kinematograf novogo tipa». «Nauchnoe mnenie» №1 (2014).

5. M. V. Nikonov, «Kinematograf novogo tipa». «LAP Lambert Academic Publishing» (2014).

6. S. M. Jeizenshtejn, «Montazh», «Iskusstvo» (1968)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.106

Монина Н.П.

Кандидат философских наук,

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ АКСИОСФЕР ЗАПАДНОЙ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Аннотация

В статье на основе компаративистского анализа выделяются характерные черты западной и русской (как примера евразийской) цивилизации. Автором определены базовые аксиологические установки европейской цивилизационной модели: антропоцентризм, примат материальных ценностей, апология труда и земного бытия, рационалистический взгляд на мир. В русской (евразийской) картине мира вычленяются иные ценностные приоритеты и доминанты: мессианизм, идея многообразия, в том числе и ценностного, примат абсолютных ценностей Красоты, Добра и Истины, первенство горней сферы бытия.

Ключевые слова: западная цивилизация, евразийская цивилизация, аксиосфера, ценности.

Monina N.P.

PhD in Philosophy,

Omsk State University n.a. F. M. Dostoevsky

COMPARATIVE ANALYSIS OF AXIOSPHERES OF WESTERN AND EURASIAN CIVILIZATION

Abstract

In article on the basis of comparative analysis the author identifies the characteristic features of Western and Russian (as an example Eurasian) civilization. The author defines the basic axiological installation of the European civilization model: anthropocentrism, the primacy of material values, the exploitation of labour and of life on earth, rationalistic view of the world. In the Russian (Eurasian) picture of the world divided themselves into different value priorities and dominant: the messianism, the idea of diversity, including values, the primacy of absolute values of Beauty, Goodness and Truth, the primacy of heavenly spheres of existence.

Keywords: Western civilization, the Eurasian civilization, axiosphere, value.

Современная ситуация «столкновения цивилизаций» вновь актуализирует извечную философско-культурологическую проблематику соотношения Востока и Запада, а точнее – евразийского и западного вариантов развития цивилизации. Современное противостояние России, как одного из образующих центров евразийского сообщества, и «всего цивилизованного мира» подается как борьба культуры, цивилизации и варварства. Но так ли это на самом деле? Что лежит в основе подобного противостояния?

Оговоримся, что в контексте данной работы под Западом мы понимаем, в первую очередь, западноевропейскую и североамериканскую цивилизации. Западная цивилизация, зародившаяся в эпоху античности, в качестве базовых, фундаментальных оснований своей идентичности опирается на греческую философию, римское право и христианство, причем христианство, трактуемое сначала в католико-схоластическом, а затем в протестантском ключе. Примером евразийской цивилизации в нашей работе является Россия, хотя, безусловно ею не исчерпывается. Евразийское пространство на сегодняшний день включает в себя многие страны и культуры: Казахстан, Китай, Монголия и т.д.

Нынешняя сложная геополитическая ситуация ставит перед всеми нами вопрос о базисных, фундаментальных точках отсчета культуры любого народа и человечества в целом. Становится очевидным неактуальность единого глобального мироустройства с доминирующими в нем западными ценностями, что заставляет вернуться к проблематике многополярного мироустройства. Это не может не вызывать актуализацию национальных идеалов и ценностей.

Для компаративистского анализа мы рассмотрим аксиологические установки западной и евразийской цивилизаций. Эти два культурно-исторических типа дают пример формирования различных картин мира, а, следовательно, и аксиологических матриц.

Смысловым ядром, сутью культуры являются ценности, те изначальные установки, которые и формируют ее «лицо», ее облик. А потому именно рефлексия, глубокая и основательная, аксиологических установок приобретает сегодня жизненноважный характер.

Аксиосфера любой культуры и цивилизации формируется под воздействием нескольких факторов: географического, климатического, геополитического и, наконец, религиозного. Основы ценностного ядра национального бытия закладываются, безусловно, природой и географией. Любая культура и цивилизация формируются на определенной территории, в рамках той или иной географии, тех или иных климатических условий, той или иной геополитической обстановки. Говоря словами евразийцев, именно «месторазвитие» формирует облик цивилизации.

Евразийский характер русской цивилизации обосновали сторонники одноименного философского течения еще в начале XX века. В истории отечественной философско-культурологической и общественно-политической жизни данная проблематика отнюдь не снята с обсуждения. Среди современных сторонников евразийских взглядов можно назвать А.Г. Дугина, А.С. Панарина, В.Я. Пашенко и др.

Каковы же ключевые ценностные установки двух культур, сформировавшие аксиосферы западной и евразийской цивилизаций?

В основе западной цивилизации лежат три составляющие: греческая рациональность, мудрость, логос; римское право и порядок и, безусловно, христианство.

Базис русской цивилизационной модели составляют восточный по своему характеру традиционализм, можно сказать даже иррационализм в осмыслении мира, общинность и коллективное начало, и, безусловно, христианское мировоззрение.

Эти компоненты формируют аксиосферу, в рамках которой формируется культура и искусство.

Фундаментальные основания западной цивилизации, появившиеся в определенном порядке (греческая философия – римское право – христианство) создают и формируют матрицу ее культуры и менталитет народов, входящих в этот культурно-цивилизационный ареал, а, следовательно, и геополитические амбиции и устремления.

Изначальный рационализм и атомизм древнегреческой философской мысли вкупе с римским частным правом (относящимся к «выгоде отдельных лиц» – по определению Доминиция Ульпиана), не мог не отразиться в понимании и трактовке христианства. Еще задолго до великого разделения церквей, свершившегося в 1054 году, в недрах единого на тот момент христианства довольно явно проявлялись региональные различия, обусловленные менталитетом различных народов, особенностями исторического и культурного развития. Сугубо научный, рационализированный и антропоцентричный подход к религии формирует вначале католичество с его идеей Filioque («и Сына») – добавление к латинскому переводу Никео-Константинопольского символа веры, принятое Западной (Римской) церковью в XI веке в догмате о Троице: об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога Сына. «Это все более смещает акцент в восприятии Христа-Богочеловека от Сына Божия к земной его ипостаси. Земная жизнь Христа стала важнее его воскрешения» [1, с. 211]. Это дополняется догматом о папской непогрешимости, а затем, в процессе Реформации формируется и протестантизм как самое рациональное и самое светское религиозное направление.

История западной цивилизации – это история активного освоения, а затем и завоевания мира. Европейцы энергично «занимались экспансией еще со времен древней Греции известно о великой греческой колонизации, во времена древнего Рима – о создании огромной Римской Империи, средневековая европейская история насчитывает двенадцать крестовых походов. В Новое и Новейшее время эта традиция не прерывается, достаточно вспомнить, что инициаторами двух мировых войн были именно представители западной цивилизации» [2, с. 443]. Да и сегодняшняя попытка насаждения демократии во всех концах света и стремление к глобальному доминированию – из той же сферы. Обусловлено это, безусловно определенными архетипическими установками, в частности, спецификой отношения к миру и понимания человека в контексте европейской культуры. Мир для человека Запада – место приложения своих сил, интересов и арена демонстрации силы. Мир Европы – онтологичен, а потому апология труда и материальных благ составляет ценностное ядро мировоззренческой матрицы. Бытие для представителя западной культуры и цивилизации – фокус приложения человеком своих сил. Западный прометеевский человек насаждает чисто инструментальное отношение ко всему сущему. Постепенно происходит смена духовных ориентиров от Творца к твари, человек и без того занимающий центральное место в картине мира, начиная с эпохи Возрождения, начинает осознавать себя равным Богу, а то и заменяющим Бога. Именно поэтому в рамках западной культуры возникает вначале Рене Декарт со своим знаменитым изречением «мыслю, следовательно, существую», как бы непроизвольно делает Бога излишним для процесса познания, поскольку в основу всей рациональной философии положен принцип обособленности и самодостаточности мыслящего субъекта. Гораздо дальше Декарта пошел И. Кант, считавший, что мы познаем лишь собственное представление о мире. И. Фихте провозгласил тезис о том, что человек – познающее, а значит, сущее, все остальное – лишь познаваемое, то есть, мыслимое человеком, творимое человеком и вне сознания человека не существующее. Л. Фейербах вообще заявил, что Бог сам по себе совершенно упразднен. Логическим же итогом развития рационализма являются слова Ф. Ницше, воскликнувшего: «Бог умер!». Полная и явная картина господства человека и человеческого.

Какова же аксиологическая матрица, сформированная в рамках евразийской цивилизации Руси-России?

Ощущая себя территорией единения двух миров: Востока и Запада, русская культура, безусловно, осознавала себя в планетарном масштабе. Отсюда и знаменитый русский мессианизм, существенно отличающийся от европейского, шире – западного. Россия осознается скорее, как незримый центр, как «нечто неосозаемое, полное отрицание земной империи» [1, с. 78]. Провозглашение Москвы третьим Римом произошло не из гордости или желания декларировать свои амбиции, но «было формой, с помощью которой она демонстрировала свою верность эпохе первоначального христианства и вселенских Соборов, когда сохранялось единство христианского мира, а также пыталась осознать свое место в мировой истории, положение Москвы в ряду мировых священных центров и церковных престолов после катастрофы 1453 года» [3, с. 12]. Провозглашение себя страной, ответственной за судьбы

мира, не сулило материальных прибылей, не гарантировало преуспевающего положения метрополии, а, скорее, накладывало тяжелейший груз ответственности за все, что происходит в мире. А потому русский мессианизм – это не идея превосходства, (как, например, сегодня трактуют мессианизм США), а идея тяжелого труда во имя мира, для продолжения истории. В контексте мессианского мировоззрения формируется идея нравственной ответственности за судьбы мира, нравственная аксиологическая доминанта как собственного бытия, так и отношения к другим странам, цивилизациям и народам, выражающаяся во внешней политике.

Постоянное бытие на границе, перманентные военные конфликты формировали в ценностной матрице русской цивилизации такие черты как открытость, стремление к бесконфликтному существованию и вытекающую отсюда евразийскую по своему характеру доминанту многообразия, в отличие, например, от классических цивилизаций, где доминирующим является начало целостное, единое. В аксиологическом аспекте вполне уместно говорить и о «многовековом опыте русской цивилизации как многонационального и поликонфессионального начала. Ценности сохранения, сбережения самобытности каждого этноса, при этом представление и в едином государстве, и в общей культуре – вот основа, которая позволяла и позволяет России существовать как единое государство» [4, с. 113].

Следствием евразийского выбора веры для Руси-России становится и примат абсолютных ценностей Красоты, Добра и Истины, идея соборного бытия, ориентация на мир горний, а отсюда и невнимание к земному, материальному миру, аскетизм. Для человека русской культуры реальный мир не онтологичен, его нельзя улучшить путем постоянной цивилизационной работы, но можно преосуществить в Царство Божие. А потому, в отечественной аксиологии ценность комфорта, порядка земного, материального существования абсолютно не так важна, как в европейской культуре, гораздо важнее то, что выходит за пределы земного мира, порядки и ценности другого, горнего мира. Русский человек всегда задумывается над проблемами глобальными, запредельными и абсолютно нейтрален к проблемам дольного бытия. Вспомним в данном контексте слова Иоанна Богослова, вещавшего: «Дети, не любите мира, ни того, что в мире», именно эти слова становятся духовной максимой православной Руси.

Таким образом, можно выделить несколько базовых аксиологических установок европейской цивилизационной модели: антропоцентризм, сформулированный Протагором еще в античности, оформившийся окончательно в эпоху Возрождения проявляющийся сегодня как идея превосходства западного человека и западного мироустройства; примат материальных ценностей, апология труда и земного бытия; рационалистический взгляд на мир и вера в постижение сути этого мира исключительно научными методами, и как следствие этого, постепенное исключение иррационального, божественного начала из картины мира.

В русской (евразийской) картине мира оформились иные ценностные приоритеты и доминанты: мессианизм как идея не превосходства, но как идея ответственности за судьбы мира, прежде всего православного; идея многообразия, в том числе и ценностного, ибо существование пограничной цивилизации, к которым, безусловно, принадлежит Россия, невозможно на принципах идеи превосходства, и реализуемо только на соборных основаниях; абсолютные ценности Красоты, Добра и Истины, представляющие собой неделимое единство обуславливают первенство горней сферы бытия.

В целом, следует отметить географическую и историческую обусловленность евразийского характера русской цивилизационной модели. А потому споры, идущие вокруг извечного вопроса: «Что есть Россия – Восток или Запад?», по нашему мнению, имеют один ответ: «Россия есть ни Восток, ни Запад, Россия – это Евразия, абсолютно самостоятельная цивилизация и культура». В контексте этой цивилизационной сущности сложились определенные аксиологические доминанты, отличающие нашу культуру как от европейской, западной, так и от восточной культур.

Литература

1. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2003. – 536с.
2. Мони́на Н.П. Россия и Запад: основы цивилизационного анализа//Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы XVI международной научно-практической конференции (29 февраля 2016 года). /Отв. Редактор Уварина Н.В.. – Прага, Чешская республика: Изд-во WORLD PRESS s.r.o., 2016. – 679с.
3. Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV – XVI вв.). М.: Издательство «Индрик», 1998. – 416с.
4. Мони́на Н.П. Аксиологический код русской культуры//Общество и цивилизация. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции «Общество и цивилизация: Тенденции и перспективы развития в XXI веке», г. Воронеж, 18 марта 2016. Воронеж, 2016. – 124с.

References

1. Narochnickaja, N.A. Rossiya i russkie v mirovoj istorii. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2003. – 536s.
2. Monina N.P. Rossiya i Zapad: osnovy civilizacionnogo analiza//Rossiya i Evropa: svjaz' kul'tury i jekonomiki: Materialy XVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (29 fevralja 2016 goda). /Otv. Redaktor Uvarina N.V.. – Praga, Cheshskaja respublika: Izd-vo WORLD PRESS s.r.o., 2016. – 679s.
3. Sinicina N.V. Tretij Rim. Istoki i jevoljucija russkoj srednevekovoj koncepcii. (XV – XVI vv.). M.: Izdatel'stvo «Indrik», 1998. – 416s.
4. Monina N.P. Aksiologičeskij kod russkoj kul'tury//Obshhestvo i civilizacija. Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Obshhestvo i civilizacija: Tendencii i perspektivy razvitija v XXI veke», g. Voronezh, 18 marta 2016. Voronezh, 2016. – 124s.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.190

Фартукова Л.А.

ORCID: 0000-0001-6970-4098

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ – МУЗЕЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация

Перспективный план Русского музея предполагал устройство 3х отделов:

- Художественного, в Михайловском дворце,
- Этнографического, памяти императора Александра 3,
- Художественно-промышленного, для которого планировалось построить новое здание.

В соответствии с императорским указом об учреждении Русского музея уже в мае 1895 года началась перестройка помещений Михайловского дворца для запланированных музейных экспозиций. Работы велись по проекту и непосредственным руководством талантливого петербургского архитектора Василия Федоровича Свинына.

Ключевые слова: история, строительство, память.

Fartukova L.N.

ORCID: 0000-0001-6970-4098

Russian Museum of Ethnography, Saint-Petersburg

RUSSIAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM – MUSEUM OF EURASIAN CIVILIZATION

Abstract

Perspective plan of the Russian Museum assumed the device 3 departments:

- Art in the Mikhailovsky Palace,*
- Ethnography, the memory of Emperor Alexander 3,*
- Industrial art for which it was planned to construct a new building.*

In accordance with the Imperial decree establishing the Russian Museum in May 1895 began the restructuring of the premises of the Mikhailovsky Palace for the planned Museum exhibitions. The work was carried out under the project and the direct supervision of the talented architect of St. Petersburg Vasily F. Svinin.

Keywords: history, construction, memory.

Зарождение Российского этнографического музея неразрывно связано с созданием Русского музея, который предполагалось создать, как главное хранилище русской культуры.

13 апреля 1895 г. Николай II подписал указ об учреждении Русского Музея Императора Александра III, где должна была разместиться собранная Александром III обширная коллекция изобразительного и декоративно-прикладного искусства, которая легла в основу будущего собрания. Музей должен был разместиться в Михайловском дворце, построенном в 1819 – 1824 гг. по проекту архитектора К. И. Росси для Великого князя Михаила Павловича. Указ о приобретении дворца с садом в казну, т.е. о выкупе его у наследников Великого князя, был подписан ещё 20 января 1895г.

Незамедлительно, после указа императорского указа об учреждении Русского музея, уже в мае 1895 г. началась перестройка дворцовых помещений для будущих музейных экспозиций по проекту и под руководством архитектора Василия Фёдоровича Свинына⁵. Следует немного остановиться на биографии этого гениального архитектора.

В. Ф. Свинын (1865-1939) - архитектор, инженер. Жил и работал в Санкт-Петербурге с 1883, работал помощником архитектора. Учился в Академии художеств, 28 февраля 1891г. получил золотую медаль за проект главной станции железной дороги. В 1892 окончил Академию, после чего был прикомандирован в качестве помощника архитектора ремонтных работ по зданиям академии, а затем был назначен на должность ремонтного архитектора. Его заслуги по созданию облика Русского музея были отмечены должным образом. В 1896 г., во время работы В. Ф. Свинына над проектом приспособления бывшего Михайловского дворца для Русского музея, архитектору были пожалованы медаль, учрежденная в память царствования императора Александра III и орден св. Станислава III-й степени⁶.

7 марта 1898 г., спустя всего три года после императорского указа состоялось торжественное открытие Русского музея. В том же году В. Ф. Свиныну было пожаловано звание архитектора Высочайшего двора.⁷

Теперь несколько слов о структуре Русского музея, в недрах которого зародился Российский этнографический музей

Перспективный план развития Русского музея предполагал устройство трех отделов: художественного, который разместился в Михайловском дворце, а также этнографического, памяти императора Александра III и художественно-промышленного, для которых предполагалось построить новые здания. В развитие ранее утверждённой концепции 14 января 1900 г. Николай II разрешил отпуск средств на устройство зданий для этнографического и памятного отделов, проекты которых, должен был разработать зарекомендовавший себя в высшей степени превосходно придворный архитектор В. Ф. Свинын.

Под строительство Памятного и Этнографического отделов Русского музея был отведен прямоугольный участок, размером 130 x 150 м, который включал в себя часть территории Михайловского сада.⁸ На этом участке располагались

⁵В.А. Коренцвит. Историческая справка по зданию Российского Этнографического музея. 2000. На правах рукописи. – С. 3.

⁶Полухина А. Н. Василий Свинын // Зодчие Санкт-Петербурга, XIX - начало XX века. СПб., 1998. С. 666-681.

⁷Якимов Н. В. Краткая историческая справка по зданию Этнографического музея. 1986. На правах рукописи. С. 12.

⁸Якимов Н. В. Краткая историческая справка по зданию Этнографического музея. 1986. На правах рукописи. С. 16.

служебные флигели Михайловского дворца. По техническим причинам, в частности из-за их разборки имеющихся на этой территории построек и иных подготовительных работ строительство нового здания было перенесено на 1903 г.

Следует упомянуть, что эскизный проект Этнографического отдела был создан В. Ф. Свиным уже в 1897 г. При этом, как отмечал Д. И. Толстой⁹, «Постройка этого здания ведется с таким расчетом, чтобы по окончании ее, для восстановления симметрии, можно было приступить к возведению такого же здания и на противоположной стороне главного корпуса»¹⁰. Вопрос был настолько серьезный, что для рассмотрения проекта была образована специальная комиссия при Академии художеств. С учетом её замечаний в 1903 г. Свиным В.Ф. был создан новый проект, и сразу началась забивка свай для уплотнения грунта под центральным залом музея¹¹. Зерно будущего Российского этнографического музея было положено.

Возведение корпуса этнографического отдела.

В ходе нескольких заседаний Строительной комиссии были рассмотрены различные варианты проектов и смет. Наконец, после ряда переработок, в 1904 г. был выбран проект, наиболее близкий к осуществлённому (ил.1-2). 3 июня 1904 г. В.Ф. Свиной доложил о высочайшем утверждении проекта, при этом Памятный отдел должен был возводиться в полном объёме, а Этнографический - в сокращённом, «ограничивая лишь лицевым корпусом по Инженерной улице, корпусом со стороны главного двора, примыкающим к существующему художественному отделу, и частью корпуса до проездных ворот со стороны двора, параллельного Садовой улице»¹². Сокращение проекта отражено на чертеже, синька которого сохранилась в архиве РЭМ (ил.3-4)¹³.

Уместно будет упомянуть, что строительство велось с высокой, даже для того времени, скоростью, большим энтузиазмом строителей. 28 октября 1904 г. на заседании строительной комиссии Хассиным, представителем Акционерного общества восточно-финляндского гранита, был представлен счёт за установленный цоколь постройки¹⁴. На заседании 16 июня 1905г. В.Ф. Свиной сообщил, что по его запросу августейший управляющий музеем великий князь Георгий Михайлович дал разрешение «на устройство закладки здания», также архитектор «получил распоряжение Его Высочества отслужить молебен, освятить и поднять крест над постройкой и угостить рабочих обедом»¹⁵.

Уже 28 июня 1905г. В «Ведомостях С.Петербургского градоначальства» сообщалось: «Сооружаемый при Русском музее императора Александра III, новый Этнографический музей, в настоящее время уже доведен до второго этажа»¹⁶.

Здание Этнографического музея было возведено вчерне в один строительный сезон 1905г.: в журнале заседания строительной комиссии №87 за указанный год сообщалось, что «теперь кирпичная кладка закончена для установки металлических конструкций»¹⁷.

С заказом на железные конструкции для строящихся флигелей Свиной лично обратился к компании Санкт-Петербургского Металлического завода, предоставив эскизы для расчета примерной стоимости. 28 июня 1905г. завод представил эскизный проект перекрытия боковых пристроек, который потребовал переработки с целью удешевления работ. А через месяц, с 25 августа 1905г. началась поставка частей стропил для боковых павильонов. 24 ноября 1905г. завод-изготовитель представил уже исполнительные чертежи, что говорит о готовности большей части металлоконструкций Этнографического музея до окончания 1905г.¹⁸ Таким образом строителям предоставилась возможность приступить к отделочным работам.

В 1909 каменные, штукатурные и молярные работы проводил подрядчик А. С. Щербаков. В этом же году были осуществлены: настилка полов шпунтованным дубовым паркетом «в елочку» по асфальтовой подготовке (фабрика «Леро и Арент»), остекление окон и световых фонарей (поставщик - Торговый дом «М. Франк»). В 1910 были изготовлены мраморные подоконники для окон отдела (подрядчик Баринев)¹⁹.

В целом работы, осуществлявшиеся после установки металлических перекрытий в 1905-1906гг., и продолжавшиеся до 1916 г., можно охарактеризовать как отделочные. Результаты проведения работ превзошли все ожидания.

Посетителя приводит в восторг парадный - Мраморный зал, и удивительная гармоничность интерьеров. Конечно, с учётом музейной функции большинство залов (за исключением парадно оформленных Аванзала и Мраморного зала, предназначенного для отдела памяти императора Александра III) имели скромное оформление, стены были выкрашены в нейтральные тона²⁰. Специалисты любовались специально изготовленной музейной мебелью. Металлическая была заказана в Дрездене (фирма Августа Кюншерфа), а деревянная была создана в России. Даже сегодня гости из музеев России с восхищением и некоторой завистью осматривают музейное оборудование вековой давности. Впрочем, подготовительные работы по оборудованию этнографического отдела велись, как в дореволюционный, так и послереволюционный период, вплоть до 1923г., когда состоялось его официальное

⁸В.А. Коренцвит. Историческая справка по зданию Российского Этнографического музея. 2000. На правах рукописи. – С.19.

⁹ Толстой Д.И., немного сведений о нём для идентификации личности

¹⁰РГИА, Ф.530.Оп.1. Д.21. Л.43-44.

¹¹Якимов Н. В. Краткая историческая справка по зданию Этнографического музея. 1986. На правах рукописи. С. 22-23.

¹²ГРМ, архив, фонд музея. Оп.1 Д. 252. Л. 12-12об. Из журнала заседания строительной комиссии №68, п.4.

¹³На указанном чертеже линия А-Е отделяет дворцовый корпус, возведение которого было отложено.

¹⁴ГРМ, архив, фонд музея. Оп.1 Л.20. Из журнала №72, п.3.

¹⁵ГРМ, архив, фонд музея.Оп.1 Д.253 Л.8 об. Из журнала заседания строительной комиссии №82, п.5.

¹⁶Ведомости С.Петербургского градоначальства, 1905, 28 июня №137, с.2. Городская жизнь.

¹⁷ГРМ, архив, фонд музея.Оп.1 Д.253 Л.15. Из журнала заседания строительной комиссии №87, п.3.

¹⁸ЦГИА СПб, ф.1357, оп.1, д.374, л. 207-208.

¹⁹В.А. Коренцвит. Историческая справка по зданию Российского Этнографического музея. 2000. На правах рукописи. – С. 22-23.

²⁰ Приложение к паспорту. 1943. Архив КГИОП. П. 166. Н-2403. Л. 3об.

открытие²¹. Началась будничная для сотрудников музея, но имеющая непреходящее значение для человечества, музейная работа по выявлению, учету и научной обработке этнографических коллекций народов России.

Автономная незавершённость.

Переломным годом в жизни музея стал 1934 год. В апреле Этнографический отдел Государственного Русского музея был выделен в самостоятельный Государственный музей этнографии с новой программой деятельности²². Это решение было принято Народным комиссариатом просвещения РСФСР в связи с общей реорганизации музеев Советского Союза, начатой на рубеже 1920-1930-х годов.

Война не обошла стороной ни коллектив, ни здание Музея этнографии, которое пострадало во время Великой Отечественной войны. Разрушения описаны в приложении к паспорту памятника²³. В западном крыле пострадали залы исторического отдела, чернозёмных областей, евреев царской России, народов Сибири. Согласно указанному приложению, в западное крыло попала бомба, пробившая перекрытие второго и первого этажа, и разорвавшаяся на полу в 3 м от дворовой стены. В восточном крыле значительные разрушения стен, перекрытий и потолков получили помещения второго этажа (акт повреждения № 77 от 15.12.1941). В приложении к паспорту подчёркивается, что художественного убранства эти помещения не имели. Самый большой урон главному корпусу музея нанесла 500-коллограмовая бомба, разрушившая Аванзал и часть Мраморного зала. Главный фасад здания был сильно повреждён артиллерийскими снарядами т.к. эта сторона улицы была наиболее опасна при обстрелах Ленинграда. Кроме того снаряды повредили территорию дворов, административный корпус и хозяйственные постройки. К восстановлению повреждений приступили практически сразу весной 1943 г., в целом восстановительные работы были окончены к 1954 г.²⁴

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что по состоянию на 1981 г. интерьеры здания всё ещё сохраняли первоначальную отделку и расстановку мебели. В паспорте здание описывается как «Е-образное, музейно-выставочного назначения, двухэтажное на подвалах и гранитном цоколе на сплошном бетонном фундаменте со свайным основанием. Перекрытия – плоские по деревянным и железобетонным металлическим балкам, кирпичные своды, световые фонари. Стены кирпичные оштукатуренные, внутри оштукатуренные или облицованные натуральным мрамором. Оконные проёмы прямоугольные, кровля металлическая по деревянной обрешетке. Пол каменный, мраморный, паркет наборного дерева и щитовой».²⁵

Подтверждая изложенное в паспорте почти сорокалетней давности можно констатировать, что на момент его оформления, здание в основном сохранило архитектурно-планировочную и объемно-пространственную композиции, восходящие к периоду первоначального строительства В.Ф.Свиньиным. Планировку изучаемых помещений можно проанализировать на основе чертежей, сохранившихся в архиве Этнографического музея.

Обмерные чертежи Ленжилпроекта 1987 фиксируют, что и назначение рассматриваемых помещений (под-музей), также соответствует современному. И всё-таки, первоначальный проект автора, архитектора В. Ф. Свиньиного, остался не завершённым. Хотя попытки завершить первоначальную мысль архитектора, исходящую из указа Императора Николая II создать этнографический отдел, как ансамбль зданий символизирующих русскую цивилизацию, русский мир, не прекращались никогда. В архиве КГИОП г. Санкт-Петербурга хранятся не реализованный проект архитектурного завершения застройки (1959 г.)²⁶, предполагающий возведение спроектированного Свиньиным дворового корпуса (ил. 12), и план капремонта, согласованный 25 мая 1988²⁷ (ил. 16). Полезных для справки сведений эти планы не содержат, т.к. они не детализированы, но безусловно интересны для генезиса Российского этнографического музея, как основного хранилища памяти народов Российской Федерации и Российской ойкумены.

Литература

1. Архив ГРМ. Фонд музея. Оп.1 Д. 252.
2. Архив КГИОП. П. 166. Н-2403.
3. В.А. Коренцвит. Историческая справка по зданию Российского Этнографического музея. 2000. На правах рукописи.
4. Ведомости С. Петербургского градоначальства, 1905, 28 июня №137, с.2. Городская жизнь.
5. ГРМ, архив, фонд музея. Оп. 1 Д. 252. Л. 12-12об. Из журнала заседания строительной комиссии №68, п.4.
6. ГРМ, архив, фонд музея. Оп.1 Л.20. Из журнала №72, п.3.
7. ГРМ, архив, фонд музея. Оп.1 Д. 253 Л.15. Из журнала заседания строительной комиссии №87, п.3.
8. Коренцвит В.А. Историческая справка по зданию Российского Этнографического музея. 2000. На правах рукописи. 140 с.
9. Паспорт памятника. 1981. Архив КГИОП. П. 166-5. 186 п.
10. Полухина А. Н. Василий Свиньин // Зодчие Санкт-Петербурга, XIX - начало XX века. СПб., 1998. 1070 с.
11. Приложение к паспорту. 1943. Архив КГИОП. П. 166 Н-2403.
12. Проект архитектурного завершения застройки. 1959. Архив КГИОП. П166-5 пр.-16
13. Проект комплексного капитального ремонта. Ситуационный план. 1988
14. РГИА, Ф.530.Оп.1. Д.21.

²¹ Приложение к паспорту. 1943. Архив КГИОП. П. 166. Н-2403. Л. 4.

²² Российский этнографический музей. Официальный сайт. Летопись. <http://www.ethnomuseum.ru/section33/827/833/1319.htm>

²³ Приложение к паспорту. 1943. Архив КГИОП. П. 166 Н-2403. Л. 5об-7

²⁴ Российский этнографический музей. Официальный сайт. Летопись. <http://www.ethnomuseum.ru/section33/827/833/1319.htm>

²⁵ Паспорт памятника. 1981. Архив КГИОП. П. 166-5. 186 п.

²⁶ Проект архитектурного завершения застройки. 1959. Архив КГИОП. П166-5 пр.-16

²⁷ Проект комплексного капитального ремонта. Ситуационный план. 1988

Архив КГИОП. П166-5 пр.-4

15. Российский этнографический музей. Официальный сайт. Летопись. [URL: <http://www.ethnomuseum.ru/section33/827/833/1319.htm>]
16. ЦГИА СПб, ф.1357, оп.1, д.374
17. Якимова Н. В. Краткая историческая справка по зданию Этнографического музея. 1986. На правах рукописи.

References

1. Arhiv GRM. Fond muzeja. Op.1 D. 252.
2. Arhiv KGIOP. P. 166. N-2403.
3. V.A. Korencvit. Istoricheskaja spravka po zdaniju Rossijskogo Jetnograficheskogo muzeja. 2000. Na pravah rukopisi.
4. Vedomosti S. Peterburgskogo gradonachal'stva, 1905, 28 ijunja №137, s.2. Gorodskaja zhizn'.
5. GRM, arhiv, fond muzeja. Op. 1 D. .252. L. 12-12ob. Iz zhurnala zasedanija stroitel'noj komissii №68, p.4.
6. GRM, arhiv, fond muzeja. Op.1 L..20. Iz zhurnala №72, p.3.
7. GRM, arhiv, fond muzeja.Op.1 D..253 L.15. Iz zhurnala zasedanija stroitel'noj komissii №87, p.3.
8. Korencvit V.A. Istoricheskaja spravka po zdaniju Rossijskogo Jetnograficheskogo muzeja. 2000. Na pravah rukopisi. 140 s.
9. Pasport pamjatnika. 1981. Arhiv KGIOP. P. 166-5. 186 p.
10. Poluhina A. N. Vasilij Svin'in // Zodchie Sankt-Peterburga, XIX - nachalo XX veka. SPb., 1998. 1070 s.
11. Prilozhenie k pasportu. 1943. Arhiv KGIOP. P. 166 N-2403.
12. Proekt arhitekturnogo zavershenija zastrojki. 1959. Arhiv KGIOP. P166-5 pr.-16
13. Proekt kompleksnogo kapital'nogo remonta. Situacionnyj plan. 1988
14. RGIA, F.530.Op.1. D.21.
15. Rossijskij jetnograficheskij muzej. Oficial'nyj sajт. Letopis'. [URL: <http://www.ethnomuseum.ru/section33/827/833/1319.htm>]
16. CGIA SPb, f.1357, op.1, d.374
17. Jakimova N. V. Kratkaja istoricheskaja spravka po zdaniju Jetnograficheskogo muzeja. 1986. Na pravah rukopisi.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.089

Чупахина Т.И.

Кандидат философских наук,

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ПАНОРАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.К. ГЛАЗУНОВА

Аннотация

Статья представляет собой социально-философское исследование, посвященное анализу природы музыки А.К. Глазунова, направленной на выявление специфики художественного отражения философско-эстетических идей: Истины, Добра, Красоты, Гармонии, Веры как непреходящих вечных ценностей, вовлеченных в художественно-эстетическую концепцию художника, как значимых категорий в осмыслении произведений отечественного композитора второй половины XIX века. В статье выявлено аксиологическое содержание музыкальной философии композитора, его музыка трактуется как выражение эпохи и рассматривается как предмет рефлексии русской философии, как общественное мнение. Установлено, что А.К. Глазунову как представителю эпохи золотого века удалось сформировать совершенно иную музыкальную традицию, создать новый формат музыкального мышления, базирующийся на религиозной системе ценностей, трактующий православие как «религию любви, добра, света».

Ключевые слова: музыкальная философия, художественно-эстетическая концепция художника, панморалистические идеи, мелосное и логосное начало в музыке, шкала ценностей.

Chupakhina T.I.

PhD in Philosophy,

Omsk State University F.M. Dostoevsky

PANORAMATICE IDEAS OF THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF A. K. GLAZUNOV

Abstract

The article presents a socio-philosophical study on the analysis of the nature of the music of Alexander Glazunov, to identify the specific artistic reflection of the philosophical and aesthetic ideas: Truth, Goodness, Beauty, Harmony, and Faith as eternal eternal values involved in artistic and aesthetic concept of the artist as important categories in the understanding of works of Russian composer of the second half of the XIX century. The article reveals axiological content of the musical philosophy of the composer, his music is interpreted as an expression of the era and is considered as the object of reflection of Russian philosophy as public opinion. It is established that A. K. Glazunov as a representative of the Golden age era has managed to create a completely different musical tradition, to create a new format of musical thinking based on religious values which treats Christianity as "the religion of love, of goodness, of light."

Keywords: musical philosophy, aesthetic concept of the artist, panoramaticke ideas, melonie and logone beginning in music, a scale of values.

Исторический период, о котором пойдет речь, представляется нам важнейшим этапом в развитии русской музыкальной мысли и художественной культуры, где основанием послужили национальная, а также общечеловеческая духовная ценности. Именно в XIX веке формируется русская музыкальная культура как целое, вбирающее в себя единство важнейших жизненнополагающих принципов развития, но это не означало присутствие

ярких, самобытных талантов, индивидуальностей, стилевых и жанровых проявлений. Как русская мысль, «прорастающая» русской философией представляет собой культурно-историческую целостность, так и русское музыкальное искусство являет собою некую культурную целостность. Поскольку эта целостность означала, прежде всего, то, что русская музыкальная культура второй половины XIX–XX вв. при всей своей мозаичности и многоцветии выразила целостность самой эпохи, являясь итогом самопознания, отражая важнейшую веху в истории России.

Одним из самых ярких художников этого искусства был А.К. Глазунов. Важнейшей духовной скрепой, основой его творческого поиска выступили вера, человек, мир. Его творческий поиск и новаторство порою напоминали активное созидательное действие. Ибо его музыкальная мысль сумела вместить в себя то, что он набрал для себя в духовном пространстве Золотого века.

Проблема взаимоотношения Добра, Истины, Красоты, которая является, по сути, аксиологической – считается одной из центральных проблем в зеркале музыкальной философии русской отечественной школы композиторов. Русские музыканты настаивали на известном тождестве – «аксиологической триады» по В.С. Соловьеву. Принципиальным и важным для них было рассмотрение соловьевской проблемы единства добра, истины и красоты, в противовес существовавшей тогда писаревской, которая жертвовало красотой во имя справедливости, истины и леонтьевской, приносимой добро и истину в жертву красоте. Искание добра согласно, – Н.О. Лосскому, – ведет к признанию высокой ценности всякой личности [5, с. 46].

В музыкально-философской мысли А.К. Глазунова мы находим удивительное сочетание покоя поющего и любящего сердца с твердостью жизни, как таковой. При этом отсутствует всяческая экзальтация и наличие борьбы двух начал: «добра» и «зла» – концепции двоемирия. Художник стремился передать в своих звуковых партитурах всю глубину и богатство внутреннего мира русского человека, стихию страстей, его темперамент. Он был убежден, что человека можно считать мирообразующим, в том смысле, что он своим духом собирает и пишет сакральный текст мира. Мир же, по разумению композитора – это огромный океан, предполагающий наличие «своего берега», завораживающего своей незамкнутостью, бескрайностью и открытостью пространства.

Нравственные императивы русских композиторов были неотделимы от религиозных переживаний, от вопросов существования Бога. По словам Н.П. Ильина: «Настоящий философ, мысля последовательно, должен утверждать необходимость такого же самопознания и для своего народа [2, с. 67]. Если нет, и не может быть русской национальной философии, – продолжает он, – то нет, и не может быть русского национального самосознания, ибо философия, в отличие от знания предметов, есть именно самознание целого духа [там же, с. 22-23].

Итак, панморалистические идеи в традициях русской философской мысли доминировали всегда и со всей яркой отчетливостью были выражены в творчестве великих писателей Л.Н.Толстого, А.П. Чехова, композиторов Н.А. Римского-Корсакова, С.В. Рахманинова, А.П. Бородин, П.И. Чайковского, А.Н. Скрябина и упомянутого выше А.К.Глазунова [6, с. 22]. Художник задумывался над вопросами о значении человека, связывая его с понятиями «я», «люди», «мир», «Бог», трактуя их, как правило, в плоскости морали и нравственного совершенствования человека. Они сумели возвыситься над иллюзиями своего века и создать музыкальные произведения, несущие по истине вечные идеалы добра, правды и справедливости.

Творчество художника заложило основу для формирования «философии ценностей», где основными идеями были: Добро, Красота, Любовь, Истина, Гармония, Вера. Эти философско-эстетические идеи (категории), как непреходящие вечные ценности, вовлечены во многие философские концепции композиторов-классиков и, в принципе, являются геномом русской музыкальной культуры, так как они сформировали мировоззренческие универсалии и их лучшим носителем по праву считается глазуновская симфоническая музыка. Музыка композитора, как способ репрезентации нового мироощущения, пребывающего в состоянии становления, удалось тронуть человеческое сердце и превратиться в «философию звуков». Именно в его музыкальной философии наиболее полно выражается «думы народа и его трагедия», русская идея и судьба России. В центре его музыкальной рефлексии стояли проблемы этического и нравственного порядка. Его нравственная философия оказала колоссальное влияние на умы многих художников, музыкантов, поэтов-литераторов, его современников.

Рассуждения о панморализме в творчестве выдающегося деятеля русской культуры XIX века, коим является А.К. Глазунов, выявляет, быть может, самую существенную черту русского мира – наличие софийной духовной «вертикали», которую можно трактовать с помощью двух моментов: любовь к человеку – и есть объединяющее начало, почитание традиций, пришедших к нам от наших пращуров, культ Матери-Земли, София по-глазуновски – это предвечный Божественный замысел; соборный дух в его произведениях – это не эмпирическое бытие, а сверхэмпирическая реальность. Соборные идеи в его трактовке есть способ взаимодействия двух планов бытия – земного и небесного.

Искание абсолютного добра, – писал Н.О. Лосский, – свойственно русскому народу, ведет к признанию высокой ценности и значимости всякой личности [4, С.41]. Подобные художественно-философские идеи мы встречаем в симфоническом творчестве, а так же в камерной музыке.

Тема долга, патриотизма, тема подвига неоднократно артикулировалась отечественным композитором. Даже когда мы наслаждаемся сказочно-эпическими опусами А.К. Глазунова (балет «Раймонда»), мир реальный не имеет границ, язык и сказочная образность оказываются ближе к реальности, чем абстрактное мышление. Его полотна передают бесконечность пространства и времени. Подобная процессуальность является единством хаотичного, одномоментного, динамичного и статичного. Ощущение сродности с природой и обожествление ее.

Социально-философский феномен глазуновкой музыки трактуется нами как уникальная возможность раскрытия внутреннего содержания русского человека, демонстрации той самой русской идеи и русской святости, художественно-философский характер которой углубляет национальное самосознание, отстаивая национальную идентичность, объясняющее суть русского мира в звуках и интонациях.

Столетиями русские художники воспевали силу земли русской. По этому поводу Н.А. Бердяев писал: «Есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли, и русской души, между

географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, устремленность и бесконечность, как и в русской равнине... [1, с. 78].

Боян, сказитель – так называли Глазунова его современники, воспевая Русь, был неразрывно душой связан с историей России, русским эпосом, Православной верой. В сочинениях композитора мы ощущаем мучительный поиск истины и смысла жизни, торжество гуманистических устоев. Национальное «зерно» произведений Глазунова включает выразительное мелосное и логосное начало. Он удачно соединил в своем творчестве элементы народного фольклора: былины, сказания, песнопения.

Рассматривая музыку и философию в нерушимом единстве, рассуждая о специфике музыкального искусства, приведем в доказательство откровенные слова А.Ф. Лосева: «Я начинаю понимать философа только тогда, когда знаю, какая музыка ему современна» [3, с.212]. Следовательно, феномен глазуновской музыки состоит в том, что она с поразительной силой раскрыла базовые компоненты национального менталитета, с величайшей точностью подчеркнула русскую идею, на внушительную высоту подняла национальное самопознание русского человека, национальный русский характер, с неумолимой силой, верой и правдой воспроизвела и объяснила существующий мир в понятиях как истинная философия.

Отечественному музыкознанию известна шкала ценностей, разработанная советским музыковедом Т. Чередниченко, которая, по сути, применима при оценке абсолютно любой профессиональной музыки. И поскольку музыка А.К. Глазунова обладает некоей эстетической значимостью и известной автономией в мировом музыкальном пространстве, то к ней также подходит известный квадрат ценностей, который определяется следующим образом: 1) позитивность, 2) крупность, 3) оригинальность, 4) полнота выражения. Если первые два критериальных значения уходят в сторону этики, то два последних ближе эстетической сфере. Проводя рассуждения с точки зрения аксиологической шкалы, мы под позитивностью в музыке художника понимаем добро и благо для человека. Но мы уже доказали, что русские композиторы, к коим принадлежал А.К. Глазунов, были великими художниками-гуманистами. Крупность русской музыки, широта тематики, ее человекосохраняющие и человекосозидающие ценности, возвышающие простые людские события до уровня высшего смысла бытия связаны со значимостью и значительностью и ее местом в мировой истории. Оригинальность музыкального творчества Глазунова связана, прежде всего, с нестандартностью и свежей подачей идей, новизной и эвристическим началом творческого поиска композиторов, которая высвечивает необычность и живость восприятия эпохи Золотого века в русской культуре. Гиперпрессия или максимальная полнота выражений его музыки показывает тот предел, преодолев который симфония, камерные опусы или балет входят органично в нашу человеческую жизнь и становятся ее неотъемлемой частью, формируя в нас все лучшее и светлое, побуждая нас на добрые деяния. И поэтому ценность музыки отечественного художника в ее самовыражении и в соборном единении.

Поэтому мы по праву можем назвать Глазунова представителя русского музыкального искусства Золотого века – художником-мыслителем, философом своего времени.

Притягательность глазуновских симфоний заключается в осознанности внутренней гармонии, в них проявлена профессиональная слуховая сонатность с пульсом России.

Итак, рассуждая о музыкальной философии А.К. Глазунова, философствуя о ней, мы пришли к выводу, что хоть она и имеет невербальный язык, тем не менее, его музыка нам видится как невербальная философия – звучащая философия.

Духовные начала в музыке великого русского композитора есть самое ценное достояние отечественной культуры, «мерило мерил», по которым живет и дышит русский народ, нередко оценивая себя, и в период религиозного подъема и в момент психофизической доминанты, вынося себе самому приговор. И это, на наш взгляд, тоже философия, но только еще более глубокая и сакральная, словом – настоящая. Ведь в ней присутствует та философическая, мировоззренческая, христианизированная доминанта, благодаря которой, мир до сих пор говорит и спорит о загадочной русской душе, которую порой нельзя понять, но через «мелос» и «логос» можно распознать, почувствовать и оценить по достоинству.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. – 1990. -№1. – 178с.
2. Ильин, Н.П. Трагедия русской философии. – М: Айрис-Пресс, 2008. –367с.
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Мысль, 1991. – 312с.
4. Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты: Основы эстетики. – М.: Наука, 1998. –341с.
5. Русский индивидуализм. Сборник работ русских философов XIX-XX веков / Сост. О.В. Селин. / Н.О. Лосский. Искание абсолютного добра. – М.: Алгоритм, 2010. – 246с.
6. Чупахина Т.И. Философия русской музыки золотого и серебряного веков: монография. – Омск : Издат. дом «Наука», 2010. – 224с.

References

1. Berdjaev N.A. Russkaja ideja // Voprosy filosofii. – 1990. -№1. – 178s.
2. Il'in, N.P. Tragedija russoj filosofii. – M: Ajris-Press, 2008. –367s.
3. Losev A.F. Filosofija. Mifologija. Kul'tura. – M.: Mysl', 1991. – 312s.
4. Losskij N.O. Mir kak osushhestvlenie krasoty: Osnovy jestetiki. – M.: Nauka, 1998. –341s.
5. Russkij individualizm. Sbornik rabot russkih filosofov XIX-XX vekov / Sost. O.V. Selin. / N.O. Losskij. Iskanie absoljutnogo dobra. – M.: Algoritm, 2010. – 246s.
6. Chupahina T.I. Filosofija russoj muzyki zolotogo i serebrjanogo vekov: monografija. – Omsk : Izdat. dom «Nauka», 2010. – 224s.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.074

Бурмистрова Н.О.¹, Бурмистров Д.А.²¹Восточно-Европейский институт психоанализа, ²Доктор биологических наук, Кандидат педагогических наук, Санкт-Петербургский институт биорегуляции и геронтологии**КУРЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЗАТРАТ РАБОТОДАТЕЛЯ****Аннотация**

В статье рассмотрена проблема табакокурения трудоспособного населения и её негативные социально-экономические последствия для промышленных предприятий, а также возможные пути разрешения данной проблемы в целях повышения производительности труда, оптимизации затрат в системе управления персоналом, снижения финансовых потерь и увеличения прибыли предприятий. В статье отражена необходимость формирования здорового образа жизни населения, что потенциально влияет на эффективность работы персонала предприятий.

Ключевые слова: производительность труда, управление персоналом, мотивация.

Burmistrova N.O.¹, Burmistrov D.A.²¹The East European Institute of psychoanalysis, ²PhD in Biology, PhD in Pedagogy, St. Petersburg Institute of Bioregulation and gerontology.**SMOKING AS A FACTOR INCREASING THE COST OF THE EMPLOYER****Abstract**

The article considers the problem of tobacco Smoking working population and its negative socio-economic consequences for industrial enterprises, as well as possible ways to solve this problem, in order to increase productivity, cost optimization in the system of personnel management, decrease financial losses and increase profits. In the article the necessity of formation of healthy lifestyle of the population that potentially affect the efficiency of the personnel of the enterprises.

Keywords: labour productivity, personnel management, motivation.

Ежегодно табак приводит почти к 6 млн. случаев смерти, из которых более 5 млн. происходит среди потребителей табака, и более 600 000 среди некурящих людей, подвергающихся воздействию вторичного табачного дыма. Если не будут приняты срочные меры, число ежегодных случаев смерти к 2030 году может превысить 8 млн. [3].

У курящего человека продолжительность жизни ниже. Курильщик снижает доходность своей семьи и не только за счет затрат на табак, но и за счет более высоких затрат на медицинские услуги. Ухудшая свое здоровье, снижает уровень жизни семьи и производительность труда на рабочем месте, тем самым, в значительной степени, препятствуя экономическому развитию предприятия.

Исследования, проведенные в разное время в разных странах, давно доказали, что после курения:

- мышечная сила уменьшается на 15%;
- координация движений снижается на 23%;
- снижается двигательно-моторная реакция, что имеет большое значение при работе с высокими скоростями или с приборами, требующими точных движений и быстрой реакции;
- ослабляется внимание, снижается точность движения, в результате чего нерационально тратится время на работу;
- снижается производительность труда, возрастает возможность брака, повышается опасность производственного травматизма [4].

Негативное влияние курения на здоровье трудоспособного населения, а как следствие, на эффективность производства, чрезвычайно велико. Экономический ущерб от курения сотрудников в итоге несут работодатели. В рамках исследования данной проблемы и её негативных последствий нами был проведен опрос сотрудников промышленного предприятия Санкт-Петербурга. Треть опрошенных сотрудников в возрасте от 20 до 60 лет признались в том, что они курят. Из их числа 96% выкуривают в день до 25 сигарет; остальные 4% – от 25 до 50 сигарет и более в день. Следовательно, на своем рабочем месте курящий сотрудник выкуривает примерно 7 сигарет за восьмичасовой рабочий день. Важно отметить, что это минимальные предположения.

Для подсчета временных затрат воспользовались формулой:

$$t_{зрв} = (t_{n1} + t_k + t_o + t_{n2}) \times Q_{с/р\delta}$$

где, $t_{зрв}$ – фактические затраты рабочего времени;

t_{n1} – время затраченное на перемещение от рабочего места до помещения, отведенного для курения;

t_k – время на выкуривание сигареты;

t_o – время на общение;

t_{n2} – время перемещения до рабочего места;

$Q_{с/р\delta}$ – количество сигарет выкуриваемых за один рабочий день.

На исследуемом предприятии время на перемещение до места для курения составляло в среднем 3 мин. Время выкуривания одной сигареты – 2,5 мин. Примерное время, затраченное на общение в курилке – 5 мин. Время на обратный путь до рабочего места – 3 мин. Таким образом:

$$t_{зрв} = (3 \text{ мин.} + 3 \text{ мин.} + 5 \text{ мин.} + 3 \text{ мин.}) \times 7 \text{ сигарет};$$

$$t_{зрв} = 98 \text{ мин} = 1,6 \text{ часа.}$$

Если время перекуров сотрудника за один рабочий день составило 1,6 часа, то за пятидневную рабочую неделю это величина составляет 8 часов, или один рабочий день в неделю, или четыре с половиной рабочих дня в месяц.

Посчитали расходы на оплату труда, который фактически, ввиду отвлеченности на курение, сотрудником не осуществляется.

Средний размер оплаты труда на исследуемом предприятии – 18000 руб. в месяц (или 818 руб. в день). Умножив эту сумму на 4,5 рабочих дня, получаем 3681 руб. в месяц, 40491 руб. в год, а точнее за 11 месяцев (один месяц в году сотрудник проводит в отпуске). Это сумма, которую курящий сотрудник получает в год не за эффективное применение своих профессиональных знаний и умений, а за время, проведенное в помещении для курения, со всеми негативными последствиями, как для самого сотрудника, так и для производственного процесса.

По результатам проведенного опроса, только в одном из структурных подразделений предприятия было выявлено 52 курящих сотрудника. Следовательно, только в выявленных случаях предприятие затрачивает на оплату неэффективно используемого рабочего времени в одном структурном подразделении 2105532 руб. в год.

Величина потерь уже достаточно велика, но необходимо помнить еще и про ущерб, который получает предприятие по причине снижения работоспособности как непосредственных, так и вынужденных (пассивных) курильщиков.

Курение наносит вред не только самому курильщику, но и негативно влияет на работу всего предприятия, так как:

- снижается производительность труда;
- ухудшается экология рабочих мест;
- повышается количество ошибок и брака во время производственного процесса;
- повышается риск травматизма и несчастных случаев на производстве;
- возрастает напряженность в коллективе, а именно раздражение некурящих работников, а также повышенная нервозность у самих курильщиков, в том случае, когда нет возможности уйти на очередной перекур;
- увеличиваются расходы организации на медицинское обслуживание и восстановление здоровья работников.

Рост потерь производства и дополнительных затрат, на определенном этапе заставляют каждого работодателя предпринимать меры, направленные на борьбу с курением сотрудников на рабочем месте. На сегодняшний день эта проблема становится вопросом антикризисного менеджмента.

Для примера уместно сравнить расходы работодателя на курящих и некурящих сотрудников. Медицинское обслуживание курильщика будет стоить значительно дороже, чем некурящего сотрудника. Следовательно, на курящих сотрудников будут затрачены большие суммы на услуги по медицинской страховке. Курящий человек чаще нуждается в госпитализации, ему нужно больше времени на восстановление после перенесенной болезни.

Курильщики в два раза чаще имеют проблемы, связанные с кровообращением, в три раза чаще болевают пневмонией, на 41% чаще болеют бронхитом и эмфиземой легких и на 76% чаще болеют респираторными заболеваниями всех типов. На каждых двух некурящих, которые умерли за время проведения обследования, приходилось семь курящих [5].

Также было изучено, в какой мере индивидуальные поведенческие вредные для здоровья факторы влияли на общие цифры нетрудоспособности и затраты на медицинское обслуживание. Это исследование проводилось на базе крупной промышленной компании с несколькими филиалами в разных местах. Его результаты показали, что курильщики на 32% чаще отсутствовали на работе и на 960 долларов больше истратили на медицинское обслуживание, чем, в среднем, один сотрудник в год [5].

Отказ от курения и здоровый образ жизни персонала в современном, быстроразвивающемся мире – одно из обязательных условий сокращения производственных затрат, повышения производительности труда и повышения эффективности деятельности всего предприятия. А мотивация сотрудников к ведению здорового образа жизни и помощи им в отказе от пагубной привычки становится неотъемлемой частью современной системы управления персоналом на предприятиях.

Согласно статистике, только 5% курящих способны избавиться от никотиновой зависимости самостоятельно. Остальные 95% бросающих курить нуждаются в поддержке [2].

Исследования, проведенные в рамках национальных и международных программ, подтверждают, что корпоративные программы по борьбе с курением являются наиболее эффективными. Обусловлено это тем, что локальное (корпоративное) право более гибкое, чем общее законодательство. Это позволяет работодателям постоянно корректировать программы по борьбе с курением на рабочих местах [1].

Один из наиболее эффективных способов отказа от вредной привычки курения – это замещение полезной привычкой заниматься спортом. Именно физическая активность и систематизированные тренировки помогут легче отказаться от пагубной привычки, быстрее восстановиться от негативных последствий курения, а также получать мощный толчок к дальнейшему совершенствованию своего тела и духа. А работодатель, как следствие, получит здоровых и работоспособных сотрудников, желающих зарабатывать и развиваться. Технологии управления персоналом должны быть нацелены на максимальное повышение эффективности инвестиций в персонал, обеспечивающих постоянный профессиональный рост работников предприятия и повышение производительности труда.

Таким образом, внедрение в систему мотивации персонала занятий физической культурой и спортом становится неотъемлемым элементом в общей системе управления человеческими ресурсами на предприятиях.

Литература

1. Меллер Л., Разработка и внедрение программ по борьбе с курением на рабочих местах/ Л. Миллер // Кадры предприятия. – Москва, – 2004. – № 10 (11).
2. Морозова Л., Дым уносит прибыль/ Л. Морозова // Российская Бизнес-газета. – Москва – 2009 – № 721 (37).

3. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс] / Информационный бюллетень №339. Май 2015 г. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs339/ru/> (дата обращения 20.05.2016).
4. Трезвость и Здоровье. Блог о здоровье, здоровом и трезвом образе жизни. Новости медицины и здоровья. [Электронный ресурс] / Как отказаться от курения. Мифы о курении. 23 июня 2010 г. URL: <http://www.chirkoff.com/kak-otkazatsya-ot-kureniya/kak-otkazatsya-ot-kureniya-mify-o-kurenii.html> (дата обращения 21.10.2012).
5. Труд-Эксперт. Управление. Онлайн сервис №1 для управления охраной труда в организации. [Электронный ресурс] / Борьба с курением на рабочем месте. 3 января 2014 г. URL: <http://www.trudcontrol.ru/press/publications/2636/borba-s-kureniem-na-rabochem-meste> (дата обращения 23.09.2012).

References

1. Meller, L., the Development and implementation of programs to combat Smoking in the workplace/ L. Miller // Staffing company. – Moscow, – 2004. -- № 10 (11).
2. Morozova L., the Smoke takes the profit/ Morozova L. // Russian Business newspaper. – Moscow – 2009 – No. 721 (37).
3. The world health organization [Electronic resource] / Information Bulletin No. 339. May 2015. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs339/ru/> (accessed 20.05.2016).
4. Sobriety and Health. A blog about health, a healthy and sober lifestyle. News of medicine and health. [Electronic resource] / How to give up Smoking. Myths about Smoking. June 23, 2010. URL: <http://www.chirkoff.com/kak-otkazatsya-ot-kureniya/kak-otkazatsya-ot-kureniya-mify-o-kurenii.html> (accessed 21.10.2012).
5. The Labor Expert. Management. Online service number 1 for the Osh management in the organization. [Electronic resource] / the Fight against Smoking in the workplace. 3 Jan 2014. URL: <http://www.trudcontrol.ru/press/publications/2636/borba-s-kureniem-na-rabochem-meste> (accessed 23.09.2012).